

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«РУССКОЙ МЫСЛИ»
НОЯБРЬ 1985

17

БОЗРЕНИЕ

СОЛЖЕНИЦЫН

Обозрение

Присылаемые рукописи могут быть написаны на любом из основных европейских языков. Объем статей не должен превышать 8-10 машинописных страниц, напечатанных с двойным интервалом. К рукописи должны прилагаться краткие биографические сведения об авторе. Материалы из Советского Союза могут быть помечены псевдонимом. Рукописи следует направлять по адресу Редактора. Подписка на «Обозрение» производится Издателем. Непринятые рукописи редакция не возвращает и в дискуссию по этому поводу не вступает.

Tout texte sera accepté s'il est rédigé dans une des principales langues européennes. Le volume des textes envoyés ne doit pas dépasser 8-10 pages dactylographiées de 1500 signes (25 lignes de 60 signes). Prière de joindre au texte une courte notice biographique.

Manuscripts may be written in any one of the major European languages. The length of the manuscript should not exceed 8-10 double-spaced typewritten pages. Authors are requested to send a short biographical sketch along with their article. All materials should be sent to the editor. Declined manuscripts will not be returned.

Материал, публикуемый в «Обозрении», не может быть воспроизведен полностью или частично без разрешения Редактора.

Toute réproduction intégrale ou partielle sans le consentement de la rédaction est interdite.

All rights reserved. No part of the publication may be reproduced in any form without the prior permission of the editor.

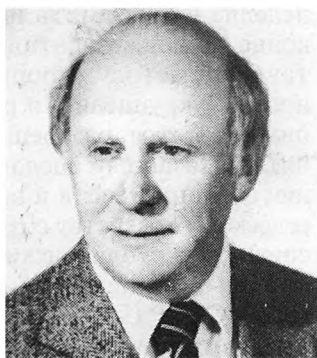
Адрес Редактора:
L'adresse du rédacteur:
Address of the editor:

A. Nekrich, 505 Pleasant Str.
Belmont MA 02178 USA.
Tel.: USA 617-495-4160; 484-8652.

«La Pensée Russe»
217, rue du Faubourg St. Honoré.
75008 Paris
Tél.: 563-94-47 ou 563-21-83.

Адрес Издателя:
L'adresse de l'éditeur:
Address of the publisher:

После встречи в верхах

Александр Некрич

**Редактор
«Обзрения»**

Незадолго до поездки двух лидеров в Женеву, в Соединенных Штатах Америки был опубликован на английском языке сборник статей и выступлений М.С.Горбачева. Тема сборника — борьба за сохранение мира. Все усилия советской пропаганды и самого Горбачева были направлены на то, чтобы создать ему ореол миротворца. В Женеве генсек в перерывах между встречами с президентом Рейганом принимал всевозможных «борцов за мир». Советский Союз должен был выглядеть как спаситель мира. Советская пропаганда без устали твердила, что неудача в Женеве, которая возможна, конечно, но лишь по вине Соединенных Штатов Америки, приведет к немедленной конфронтации. В самих США за два месяца до начала конференции демонстрировали студенты с мрачными

лозунгами, вроде «Осталось всего 64 дня!». Это означало, что если за это время США не согласятся на советское требование отказаться от СОИ, то мир сгорит в пламени ядерной войны. Эти настроения подогревались общественными деятелями якобы пацифистского, а на деле просоветского толка. Среди них были и некоторые американские советологи, чьи мнения полностью соответствовали установкам советской пропаганды и потому появились на страницах московской печати.

В статье, опубликованной в «Правде» уже после Женевской встречи, известный повествователь подвигов советских разведчиков Юлиан Семенов возглашал: «Да, действительно, Женева — это последний шанс; да, воистину речь шла о том, быть или не быть жизни на земле...» В день возвращения Горбачева из Женевы «Известия» не постеснялись опубликовать на первой странице поэму-оду поэта Сергея Острового, воспевавшего «женевский подвиг». Ода «во славу» была воскрешена как жанр центральным органом ЦК КПСС незадолго до встречи в Женеве. В одном из номеров нашего журнала мы уже упоминали о стихоложеских упражнениях Евгения Евтушенко. Он, однако, не был единственным.

Горбачеву, как новому лидеру, находящемуся у власти всего три четверти года, необходим успех на внешнеполитической арене. Женева предоставляла удобный случай для этого.

Несмотря на трескотню международной печати по поводу совет-

ского успеха в Женеве и бойцовых качеств, которые якобы проявил советский лидер, действительность оказалась куда прозаичнее. Горбачеву, натолкнувшемуся на устойчивую позицию президента Рейгана по всем обсуждаемым проблемам, а именно: безопасность и разоружение, региональные вопросы, защита прав человека, — пришлось отказаться от лобовой атаки и от тысячекратно повторенной угрозы не вести переговоры с США о сокращении вооружений, если американцы не откажутся от намерения реализовать проект СОИ.

Однако 74-летний американский президент оказался крепким орешком для 54-летнего генсека. Президент еще раз продемонстрировал способность правильно оценивать конкретную ситуацию и искать взаимоприемлемые решения, не жертвуя при этом своей принципиальной позицией. В конечном счете, разумный подход восторжествовал и была зафиксирована общая позиция, отвергающая войну как средство разрешения конфликтов; всеобщая безопасность была провозглашена главной целью, и обе стороны заявили о том, что не будут искать военного превосходства. Воплотится ли эта декларация в дела — покажет будущее.

Если Советский Союз действительно намерен выполнить данное в Женеве обещание, то логично было бы ожидать прекращения поджигательской антиамериканской пропаганды. В Советском Союзе нет свободы печати, поэтому сделать это было бы чрезвычайно просто — телефонным звонком. К сожалению, анализ материалов,

опубликованных советскими газетами после Женевской встречи, не дает пока оснований для подобного оптимизма.

И недели не прошло после встречи в верхах, как «Правда» опубликовала подборку материалов об американском обществе под заголовком «Общество насилия и безразличия». Орган Министерства обороны СССР, газета «Красная Звезда», продолжает печатать невинные на первый взгляд социалистические обязательства летчиков военной авиации и других родов войск, в которых главный упор сделан на опасность миру, якобы исходящую от Соединенных Штатов Америки. Советские воины берут обязательства бить будущего врага как можно лучше. В еженедельной газете Союза журналистов СССР «За рубежом» легко обнаружить, вслед за панегирическими страницами, посвященными Горбачеву, и умеренно-сдержанными по отношению к Рейгану и США, поток брани против ФРГ — союзника США по НАТО. Причина брани — одобрение правительством ФРГ СОИ и намерение принять участие в ее реализации. Набор эпитетов стереотипный: здесь, конечно, и «агрессивные замыслы правящих кругов США», и «слепая вассальная зависимость» ФРГ от них, и якобы даже готовность Федеративной Республики пожертвовать своими национальными интересами. Злобность тона понятна: во время пресс-конференции в Женеве Горбачеву был задан вопрос о перспективах воссоединения Германии. Генсек дал понять, что об этом и речи быть не может, сославшись на Хельсинкские соглашения, якобы урегулировавшие все послевоенные европейские проблемы. Советские руководители давно уже заклеили как проявление реваншизма даже теоретические беседы о проблеме воссоединения двух Германий, хотя к обсуждению этой проблемы рано или поздно, но придется вернуться.

На Западе оживленно дискутируют предстоящее якобы смягчение политического климата и ослабление пропагандной войны. Признаков этого на советской стороне пока не заметно. Советские лидеры всегда нуждались и будут нуждаться в образе «врага», против которого можно обратить скопляющееся время от времени недовольство

народа. Таким врагом на ближайшие годы утверждены Соединенные Штаты Америки. Об этом ясно сказано в проекте новой редакции программы КПСС, представленной на рассмотрение XXVII съезда партии в феврале 1986 года.

Как все это согласовать с заявлением Горбачева на сессии Верховного Совета СССР 27 ноября с.г.: «Чтобы не затруднять достижение будущих договоренностей, обеим сторонам, как мы убеждены, необходимо прежде всего воздерживаться от действий, подрывающих то, что было достигнуто в Женеве». Горбачев, как видно, не распространяет этого здравого суждения на область пропаганды, на сферу психологической войны, которую без усталости ведет Советский Союз. Если это так, то советско-американские отношения никогда не станут стабильными. Но добивается ли этого Советский Союз в действительности? Судя по докладу Горбачева, у Советского Союза есть только один интерес — не допустить реализации американской программы СОИ.

Советский Союз не собирается также и способствовать урегулированию положения в отдельных регионах, к чему их призывали в Женеве Соединенные Штаты. Как иначе можно истолковать подстрекательское послание Совета Министров СССР Организации освобождения Палестины от 29 ноября с.г., в котором ООП фактически призывается не идти ни на какие переговоры о мирном урегулировании палестинской проблемы?

В своей американской политике Советский Союз, как всегда, руководствуется практическими соображениями. Первое из них — серьезное опасение, что если не будет достигнуто соглашение с США, то Советский Союз, раскрутивший в 60-е и 70-е годы свою военную программу «на полную катушку», будет вынужден втянуться в новый виток гонки вооружений, которая расстроит планы экономической перестройки. Второе, США и его союзники, их экономика могут служить серьезным подспорьем советской экономике, отчаянно нуждающейся во внешней помощи. Третье, США могли бы быть использованы как партнер в разрешении советских трудностей в отдельных регионах, например, облегчить Советскому Союзу захват Афганиста-

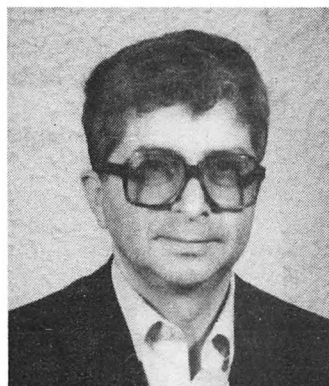
на путем политического урегулирования. Этим и объясняется готовность Горбачева, выявленная в Женеве, обсуждать афганскую проблему.

Имеется, конечно, и всегда существовала такая возможность, как использование «козней американского империализма» для объяснения народу причин его низкого уровня жизни. Но это объяснение никак не может в действительности помочь СССР выбраться из своих постоянных устойчивых «временных затруднений». И советские лидеры понимают это. Они-то знают, что дела на внутреннем фронте далеко не веселые. Только один пример: после трех лет раздумий, как все же привести в порядок земледелие и накормить население, в конце концов возвратились к испытанному методу укрощения трудностей: укрупнению и разукрупнению. На этот раз решили укрупнить. Сказано — сделано. Вместо шести министерств и ведомств по сельскому хозяйству создан единый союзно-республиканский Государственный агропромышленный комитет СССР (Госагропром СССР). Решение прямо как в детской «считалочке»:

Раз, два, три, четыре!
Умножаем на четыре!
Делим, делим на четыре —
Получается четыре!

В Женеве «считалочка» не сработала, она вообще не работает в мировой политике, ибо это игра без участия других партнеров — с самим собой. Горбачев, очевидно, убедился в Женеве, что наскоком ничего не достигнешь. Вот почему после нескольких дней искусственно вызванной эйфории с поздравлениями, приветственными телеграммами и пр. советская официальная печать вынуждена была признать, что «решение важнейших вопросов, связанных с задачей прекращения гонки вооружений и укрепления мира, на данной встрече найти не удалось» («Известия», 25 ноября 1985 г.). Теперь вопрос заключается в том, поймут ли советские руководители, что успех или неуспех совещания в Женеве все еще не определен. Он зависит от того, в состоянии ли Советский Союз пересмотреть свои глобальные планы, — или дело ограничится, что вполне вероятно, лишь изменением тактики. ■

Солженицын и мы

Жорж Нива

*Жорж Нива —
профессор
русской литературы
Женевского университета.
Автор ряда книг
по русской литературе
и культуре,
в том числе книги
«Солженицын»
(русский перевод
— ОРІ, 1984).*

О тношение Запада к Солженицыну постоянно колеблется между восхищением и подозрительностью. Но обе полярные позиции взаимосвязаны, ибо источник у них один — угрызения совести. Эти угрызения совести — утопический бред нашего века, религия революции. Давно пожертвовав своим собственным разумом и миллионами невинных этому воплощению идеала Просвещения, Запад поражен гангренозными угрызениями совести. На протяжении всего этого процесса ослепления его предостерегали от потемкинских деревень сталинской России трезвые свидетели: во Франции это были Борис Суварин в «Сталине» (1935), Юлий Марголин в «Путешествии в страну Зэ-ка» (1946), Антон Чилига в книге «Десять лет в стране сногшибательной лжи», не говоря уж о разных «возвращениях из СССР»: Панаита Истрати в 1930 году, Андре Жида в 1937-ом и многих других. Все было напрасно, и Кристиан Желен в книге «Ослепление» подводит итог этому явлению, цитируя Олара, французского историка революции («Великой» революции-матери): «Когда мне говорят, что в России есть горстка людей, которая осуществляет террор, я понимаю это так: Россия в процессе революции».

Устойчивые подозрения

Если французская интеллигенция хоть отчасти излечилась от этого ослепления, то в большой

мере благодаря Солженицыну. Масштабы зла и размах работы, потребовавшейся для его искоренения, отражены в заглавии, которое Филипп Соллерс дал своему изложению зарождающегося познания: «Солженицын — Данте современности». А это означает — духовник и целитель поколения, искалеченного собственным ослеплением. Однако «эффект Солженицына» не однозначен. Прежде всего, без XX съезда КПСС и публикации — с одобрения Хрущева — «Одного дня Ивана Денисовича» эффект Солженицына не состоялся бы. Интеллигенция поверила бы этому новому свидетелю ничуть не больше, чем его предшественникам. Лишь сочетание глубоких трещин внутри социалистической империи с мощным голосом Солженицына вызвало идеологический крах большевистской утопии в умах. И такая взаимосвязь наводила на мысль, что этот внезапно раздавшийся корректирующий голос не только одобрен режимом, но и порожден им. В моем архиве сохранилось множество высказываний того периода, что Солженицын — реформатор внутри социализма. Старейший Лукач выдвинул формулировку: Солженицын — плебейский социалист (то есть наивный, не поднатюривший в тонкостях «диамата»).

Эта формула о плебействе продержалась худо-бедно довольно долго — пока не сделалась уж во все невыносимой. Потому что суть проблемы в следующем: Солженицын — автономный дух,

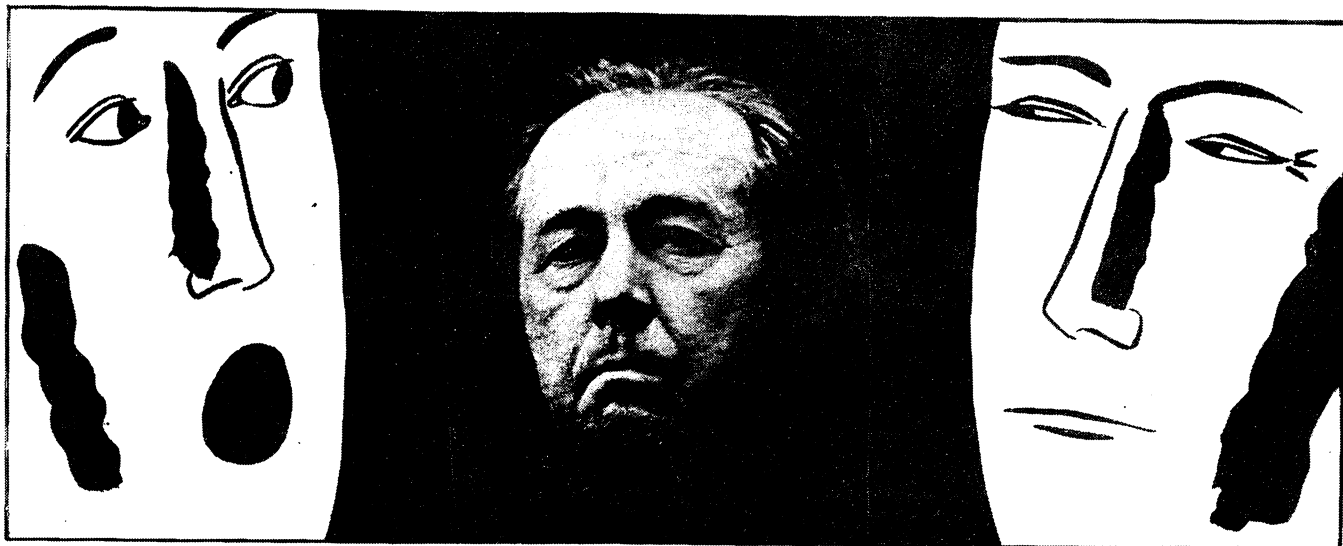
прошедший свои университеты в ГУЛАГе. Там он освободился от пут марксистского мышления, там стал самостоятельно размышлять о бедах, обрушившихся на его страну, — консерватизме, экономической отсталости, примитивной диктатуре идеологии; там, в процессе раздумий, встретил русских мыслителей, ставших его духовными наставниками, — Достоевского, Соловьева, группу «веховцев» 1909 года; там пришел к некоторым предварительным выводам о России. Его встреча с Западом — после изгнания 14 февраля 1974 года — очевидно, тоже послужила источником для этих размышлений, добавив неприятие некоторых аспектов западной,

гими, — неизменно вызывает подозрения в упрощенчестве, причем в упрощенчестве преступном. Еще не успели перевести «Архипелаг ГУЛАГ», а Макс Пол Фуше уже обвинял Солженицына в сговоре с Власовым и власовцами. Капитан Солженицын прошел всю войну в Красной Армии, но стоило писателю Солженицыну задаться вопросом, почему миллионы русских солдат выбрали сотрудничество с немецким врагом, как его заклеили позорным подозрением в том, что он «власовец».

Однако метод Солженицына — это изначально метод сомнения и соединения различных свидетельств, метод отказа от общепринятых аргументов. Его учите-

довательно воспринимать то, что никогда не стояло в моем плане и как будто никакого отношения не имеет к ясно прочерченной линии моей жизни». «Не сотвори себе кумира» — это урок и «Ракового корпуса».

Поскольку сомнению его учили русские или балтийские социалисты, отбывавшие бесконечное наказание в ГУЛАГе, Солженицын научился сомневаться в идее прогресса. Сузи и другие рассказали ему о судьбе прибалтийских «буржуазных» республик, которых Запад бросил на произвол судьбы после пакта Гитлера и Сталина и забыл после победы в 1945 году, и он заключил из этого, что демократия не защищает от насилия.

особенно американской, цивилизации. Это неприятие проявилось, в частности, в речи на ассамблее выпускников в Гарварде в 1978 году. В нескольких словах, его вывод сводится к тому, что основной недостаток западной демократии — ослабление этического критерия (за счет юридического), и он заключает отсюда, что русский опыт может оказаться в чем-то полезным Западу. К подобным выводам пришли в свое время и авторы сборника «Вехи», в 1909 году обратившиеся к русской интеллигенции, — Франк, Бердяев, Гершензон, Струве, Изгоев.

Подозрительность по отношению к Солженицыну родилась задолго до того, как он пришел к этим выводам. Удивительно, что его метод — всегда осторожный, всегда полифонический, то есть в постоянной конфронтации с дру-

гими были старые революционеры, заключенные, которых он встретил в тюрьме на Лубянке; такие, как социал-демократ Фастенко, чудесный портрет которого он создал в «Архипелаге»: на своем пути от царских тюрем к ленинским Фастенко много думал об истории революции. Он учил молодого Солженицына историческому сомнению: «Он говорил мне ясно по-русски: «Не сотвори себе кумира!». А я не понимал». Другим духовным учителем стал для Солженицына эстонец Сузи, который излагал ему «принципы эстонской конституции, извлеченные из лучшего европейского опыта», и рассказывал о несчастьях маленькой республики, пораженной после сталинско-гитлеровского пакта: «С ним я учусь, пишет Солженицын, новому для меня свойству: терпеливо и после-

Это — первый и основной элемент разногласий между Солженицыным и западной интеллигенцией: исторический опыт различен, не то чтобы все объясняется русским «азиатством», но, скорее, хрупкость парламентарной системы кажется преувеличенной, если смотреть на нее «восточноевропейскими глазами». Однако, благодаря своим союзникам, Солженицын смотрит на вещи не только с русской точки зрения, но также с точки зрения эстонской или балтийской. А кому из его западных хулителей есть дело до этих стран?

Подозрение, постоянно тяготеющее на Солженицыне, состоит в том, что мы имеем дело с недалеким умом, который находится во власти узкого русского национализма, граничащего с разновидностью русского фашизма. Нам

предлагают довольно простое объяснение этой наивности: «комсомольское» воспитание молодого Солженицына осталось, де, при нем. Вращенный в духе исторического детерминизма или осознанной необходимости, Солженицын якобы обратился к авторитаризму и даже к православному авторитаризму, сохраняя при этом все тот же схематизм мышления. Смешно в этом анализе то, что он относится к огромному документальному роману, где автор не только предоставляет слово всем героям — от депутата ультраправых Маркова 2-го до рабочего, лидера большевиков Шляпникова, но еще и выявляет явные колебания в интерпретации событий (его герой полковник Георгий Воротынцев убежден, что в войне Россия потеряет свою сущность, свое «семя», но не видит средства против этого). Неприятно в этом анализе то, что в нем совершенно игнорируется подвиг Солженицына: он познал сущность режима безо всякой посторонней помощи — кроме как со стороны наставников в ГУЛАГе, выкорчевал в себе манихейскую наивность сталинской идеологии, исследовал масштабы советской концентрационной вселенной и показал приращенное режиму насилие. В своем творчестве он исповедался в собственных грехах. Он сам признается, что в лагере, когда он еще был «ленинцем», его завербовали, как «барана», и пишет: «О, как же трудно, как трудно становиться человеком! Даже если прошел ты фронт, и бомбили тебя, и на минах ты рвался — это еще только начало мужества. Это еще — не все...» Как ни парадоксально, но этой публичной исповедью Солженицын дал некоторым своим оппонентам оружие против себя...

Спор с Америкой

С Америкой, где он обосновался, у знаменитого изгнанника сложились конфликтные отношения. Некоторые из его пуританских тезисов отлично соответствуют ригористской этике религиозных энтузиастов, основавших Республику, — эти утверждения во многом совпадают также и с воззрениями деятелей Просвещения, убежденных, что в человеческий разум

можно верить. Пуританская и фундаменталистская часть общества США, наверное, согласна с какими-то положениями Солженицына. Но главный его тезис — что в Америке плохо используются право и демократия (отсюда меркантилизм, распушенность, разложение нравов и особенно ослабление воли) — задевает либералов. Ясно, что, хотя Солженицын и мечтает, чтобы его страна стала правовым государством, он отнюдь не считает право в его западном, то есть римском, варианте абсолютным решением. Он радуется за «локальный комплекс», за местные нравы, за некое согласие, за высшее, не юридическое правосудие («традиционное древнерусское понятие правды»). То есть он релятивизирует западную модель и просит для России решений, отвечающих «локальному комплексу», как это делали раньше религиозные славянофилы. «И призыву: не отказать в таком «локальном комплексе» также и русскому народу и не диктовать нам хотя бы так же, как не диктуют Африке».

Язвительность нападок, обрушившихся на писателя-эмигранта, поражает — во всяком случае, европейского наблюдателя. После выступления в Гарварде он оказался под огнем нотаций и выговоров — некоторые в завуалированной форме предлагали ему уехать из страны, которая ему не по душе. В маленькой книжечке «Солженицын в Гарварде» собраны самые разнообразные отклики на его высказывания. В целом выступающие здесь историки и социологи склонны рассматривать феномен Солженицына как продолжение традиции русской реакционной мысли (Достоевский, Лентьев, Победоносцев). Профессор Бернам видит в нем скорее новое воплощение «западной» мысли, в традиции святого Августина, которая не верит в человека. Только один автор признает, что голос Солженицына может оказаться полезным для американцев, все прочие, давая свои диагнозы его «болезни», пытаются умалить значение его голоса.

У Солженицына нет принципиальной враждебности к демократии. Свободное выражение народного духа всегда кажется ему лучшей защитой против тоталита-

ризма. Отсюда его похвалы в адрес Израиля или Японии (хотя он и предостерегает от опасности американизации). Отсюда и его прогнозы насчет «заката Запада»: для него важно не столько формально благополучное положение дел, сколько воля и моральная энергия каждой нации.

Конечно, Солженицын понимает, что он в некотором смысле потерпел поражение — по крайней мере, с Америкой. Быть может, поэтому его голос раздается все реже и ныне обращен преимущественно к Европе и Японии. Кроме того, он дал бой другим русским эмигрантам, в большей или меньшей степени вставшим на точку зрения американских либералов. Его критика западного радиовещания на русском языке и памфлет «Наши плюралисты» вызвали настоящую бурю. Однако его главные творческие силы отданы художественному произведению, которое прежде всего является творением историка, — «Красному колесу». Но и здесь он столкнулся с враждебностью части западных историков.

Спор с историками

Вторая часть «Августа Четырнадцатого» представляет собой своеобразное «надгробие Столыпина». Солженицын видит в нем прежде всего решительного и умеренного реформатора и «столп», который мог бы остановить скольжение России к 1917 году. Солженицын видит в нем человека, который пытается вести переговоры с двором и парламентом, старается ввести основную часть оппозиции — кадетов — в нормальную парламентскую игру. Для Солженицына он миротворец в борьбе двух лагерей, раздиравшей Россию. Но еще больше, чем за это — неудавшееся — посредничество между Властью и Общественным мнением, он уважает Столыпина за его аграрную реформу. Его желание создать Россию мелких земельных собственников рассматривается автором как основание для реформы, полезной для России. Солженицын объясняет эту политику сильными и реалистическими связями с землей.

Некоторые комментаторы обвиняли Солженицына в том, что

он выбрал в качестве героя палача русского народа». Его заподозрили в антисемитизме — потому что вторая часть «Августа Четырнадцатого» строится вокруг убийства Столыпина молодым евреем Богровым, который вел личную двойную игру и водил за нос царскую Охрану. Конечно, это намеренный прием: Солженицын выбрал убийство Столыпина как символическое событие — это последнее крупное покушение, произведенное в присутствии императора (который несколько не возвышается автором) и направленное против убежденного реформатора. Столыпин отнюдь не единственный политический деятель, изображенный в романе с симпатией. Скорее даже можно сказать, что лишь один государственный муж рисуется им в непривлекательном виде — Милюков...

Как раз в этом портрете Солженицын явно пристрастен. Но в целом его исследование разносторонне и «противоречиво». Столыпина он помещает в центр потому, что это осторожный и решительный реформатор, верный «основам» (монархия, религия), принимающий Парламент, когда тот не полностью отвергает сотрудничество, человек, который хочет преобразовать Россию на основе собственности и чувства ответственности. В «Красном колесе» даны портреты многих других политиков. Шипов, монархист христианско-социального толка, похож, пользуется наибольшей симпатией автора, но, будучи представителем меньшинства, он отказывается от поста премьер-министра. («Для такого государства, где и правящие и подчиненные должны прежде всего преследовать не интересы, а стремиться к правде отношений, Шипов находит наилучшей формой правления именно монархию».) Но и к депутату-кадету Шингареву Солженицын тоже относится как будто неплохо: Шингарев выслушивает рассказ полковника Воротынцева о делах на фронте. Октябрист Гучков, замышляющий свержение царя и зондирующий намерения того же полковника на этот предмет, тоже показан с симпатией. Что же до министра земледелия Кривошеина, то он мог бы стать

вторым Столыпиным, но не стал — по малодушию.

На первый взгляд, Солженицыну-историку можно адресовать два упрека. Первый сформулировал английский историк Джордж Хоскинг: считая портрет Столыпина в целом правдивым, он упрекает автора в том, что тот изобразил Столыпина одиночкой, не приняв во внимание сил, которые поддерживали его. Второй упрек, более общего характера, заключается в том, что Солженицын слишком увлекается политическим языком, преувеличивая значение непосредственно политических документов (выступления в Парламенте, статьи и мемуары). Однако историческое исследование Солженицына слишком обширно, чтобы его можно было осудить в пять минут, и более того — оно обретает смысл в еще

Пора признать, что Солженицын не вмещается в рамки наших готовых идей...

более обширной конструкции, где главное — это религиозное и эсхатологическое измерение.

Тут в дело вступает последнее по времени из подозрений, мишенью которых стал Солженицын, — подозрение в антисемитизме. В русской эмиграции эту идею первым выдвинул Александр Янов, автор спорной книги о «новой русской правдой». В обширном союзе, в котором, по его мнению, замешана масса народу, — от советских официальных ультранационалистических кругов до кавендишского отшельника — и где он выделяет некоего самоучку, автора «большевистско-православной утопии» Шиманова, Янов, естественно, подозревает Солженицына в антисемитизме, в желании исключить евреев из русского народа. Другие видят в нем сторонника тезиса о «еврейском заговоре», почерпнутого будто бы из знаменитого апокрифа — «Протоколов сионских мудрецов».

В передаче Радио Свобода в августе 1984 года эмигрантский критик и поэт Лев Лосев, анализируя — в целом очень тонко — «Август

Четырнадцатого», попытался показать, как работают в тексте юдофобские мифологемы. Демонстрирует он это не слишком убедительно: на трехстах страницах, посвященных сцене убийства, критик привязывается к следующей фразе: «В душной заперти Богров сидел, сворачивался, лежал, ходил, сидел, раскачивался — обдумывал. Те несколько нужных капель для рокового мига должны были накопиться, насочиться — в мозгу? в зобу?»

Для комментатора речь идет о мифологеме змеи: молодой еврей-убийца уподобляется — через размышление о змее — Сатане. Как змея, он гипнотизирует Охрану и разрушает логическую реакцию, которую должны бы вызвать его рассказы. Через сто страниц Столыпин видит идущего к нему убийцу: «...Проход пуст до самого конца. По нему шел, как извивался, узкий, длинный, во фраке, черный...»

Вот, по Лосеву, еще одно свидетельство присутствия мифологемы змеи: он извивается!

В кругах Радио Свобода комментарий Лосева вызвал потрясающую бурю. Критика обвинили в том, что он сделал откровенно антисемитскую передачу, показав в ней Богрова как типичного еврея в представлении антисемитов.

На кого велась атака: на Лосева? Или на Солженицына? В Вашингтоне разгорелись страсти, была создана специальная комиссия, оправдавшая «подсудимого». Дело об «антисемите Солженицыне» докатилось до страниц уважаемого журнала «Комментарии», представляющего мнение умеренного американского еврейства. Главный редактор Норман Подгорец расследовал дело в февральском номере в статье «Ужасная загадка Александра Солженицына». Сначала Подгорец касается антикоммунизма Солженицына: «Именно проповедуя столь радикально антикоммунистическую точку зрения — и в выражениях, не оставляющих никакой надежды на переговоры и компромисс и которые, похоже, угрожают новой мировой войной, Солженицын становится все более непопулярным на Западе». После чего Подгорец говорит об обвинении в антисемитизме. Русский национализм Солженицына, пишет он,

«откровенно антидемократичный и неявно антисемитский». Правда, это обвинение, добавляет он, основывается лишь на негативных доказательствах: «Иначе говоря, хотя явных доказательств позитивной враждебности к евреям нет, нет и доказательств симпатии». Статья Подгореца вызвала множество читательских писем, которые не только склонялись к тому, чтобы обелить Солженицына, но и высказывали недовольство явным пренебрежением Подгореца к литературным достоинствам Солженицына. Историк М.Н.Бернштам пишет: «Солженицын лишает интеллектуалов их профессионального алиби. Обычно они объясняют результаты применения идеологий деспотизмом прошлого, который можно найти в любой стране. Они систематически игнорируют то, что докапиталистические экономики были неидеологическими». Восстанавливая ход времени, осуществляя гигантское исследование о России в момент ее «скольжения», а затем и развала и показывая, что в этой России, политически еще привязанной к старому режиму, существовали экономическая свобода и экономический либерализм, Солженицын заставляет всех почувствовать некоторую неловкость. Ибо одна из тем «Августа Четырнадцатого» и «Октября Шестнадцатого» — это экономическое развитие, подъем свободного предпринимательства.

Высвечивая принципиальную важность аграрных реформ Столыпина, Солженицын оказывается в лагере западников, которые всегда, еще со времен Тургенева, видели феодальный пережиток в знаменитой русской сельской общине, называемой также «мир». Мир славил, с одной стороны, славянофилы, которые считали общину формой братства, особенно органичной для России, с другой стороны, некоторые социалисты, усматривавшие в этом осколке примитивного коммунизма залог быстрого перехода к «научному» коммунизму, минуя буржуазный и мелкобуржуазный этапы. В своей оценке реформаторской деятельности Столыпина Солженицын абсолютно «либерален» в экономическом смысле. Это лишь усиливает раздражение по его поводу со стороны «либераль-

ных» комментаторов, подозревающих его в антидемократизме. Этот парадокс подчеркивается самим Солженицыным в дидактической главе «Августа Четырнадцатого», посвященной Столыпину: «Кадеты, от азарта оппозиции потеряв понятие, что Столыпин выполняет именно либерально-правовую программу в деревне, стояли стеной в защиту коллективистской общины. Правые опасались крутого разрыва с традицией — и защищали ту же общину. И так велико было отвращение образованного общества от этого шага — освободить крестьянский труд и самостоятельность крестьянина, что в двух-половиной-летних прениях цеплялись за ступеньку каждой фразы, где только можно было закон задержать».

Когда Солженицын хочет показать нам живые силы русской деревни, он ведет нас в Каменку, родное село его любимого героя Арсения Благодарева, набожного и храброго солдата, сопровождавшего полковника Воротынцева через зловещие болота Пруссии, где в августе 14-го захлебнулась Вторая русская армия. Здесь, у разбогатевшего крестьянина Плужникова, обсуждается будущее русского крестьянства: «Спасибо, Столыпин вызволил. Так — враз его убили. Кто? За что? Поди найди, там их целая сплотка, видать, была. Нашу жизнь он поднял, а помещиков лишил дешевой силы — вот и убили». (Заметим, что Солженицын не вводит тут каких бы то ни было антисемитских рассуждений.) В Каменке обсуждается крестьянская автономия. Волю надо брать: «И надо — б р а т ь . Как денег никому насильно в руки не сучат, так и воли. Была бы честь предложена. Подмоги нам не подступит». Таким образом, Солженицыну кажется, что в тот момент для России было желательно свободное и мощное автономное крестьянское движение. Это кооперативное движение могло бы сочетать два основных положительных русских свойства: умеренность и предпринимательский талант. «Кооперация — это не только торговый механизм, не только средство произвести экономии, получить выгоду. Кооперация — это широкое движение, определяемое идеалами чело-

века.... Это — самодеятельный путь к свободе».

Столыпин, освободивший крестьян от архаического капкана мира, и освобожденные крестьяне, добровольно объединяющиеся в кооперативы, — вот каким видится солженицынский идеал, полулиберальный, полуассоциативный. Кому не ясно, что Солженицын сегодня находится — *mutatis mutandis* — в том же неловком положении «несостоявшегося реформатора» или, если угодно, реформистского консерватора, что и его герой? Впрочем, персонажи романа, пользующиеся полной симпатией историка Солженицына, это или хорошие специалисты, или раскаявшиеся революционеры, «обращенные» реальностью, ставшие истовыми тружениками.

К первым принадлежит еврей, инженер Илья Архангородский из Ростова-на-Дону. В «Августе Четырнадцатого» есть едва ли не лирическая глава, где рассказано о его встрече с другим инженером, бывшим революционером, эмигрантом, недавно вернувшимся на родину. Перед нами два «чуждых» элемента, которых последовательный ура-националист Солженицын должен бы не признавать. Ничего подобного — он буквально поет им хвалу: «С первых же минут они расположились друг к другу, несмотря на все различия». Ободовский, русский, полон энергии: «Насточертело мне писать из-за границы поучительные вещи, которых Россия прочесть не может. Ох, извелся я за границей! Хочу делать русскую жизнь своими руками! А спать согласен — четыре часа в сутки». Архангородский, еврейский мукомол, «рассказал о себе, что был в первом выпуске мукомолов харьковского Технологического, всего их было пятеро, и каждому выпускнику открывалось занятие высоких выгодных мест. Однако Архангородский не пошел вверх, а, возмущая своего отца, мелкого маклера, поступил подсобным рабочим на мельницу, лишь через год помощником крупчатника, еще через два — крупчатником, и считает, что только из этого понял, в чем суть мельницы и что им надо». В «Октябре Шестнадцатого» мы вновь встречаем Ободовского — он посвятил себя попыткам улучшить военную продукцию. В салонной

беседе Ободовский вынужден уточнить свой политический идеал. Революционер, ставший сторонником либерального экономического предпринимательства, «Ободовский отлично знал и мог обосновать, какой формы хочет: самой широкой социалистической демократической республики, но без участия партий во власти. Каждый рудник, каждый университет должны самоуправляться, как можно больше решать без верховной власти. Швейцарский принцип: община сильнее кантона, кантон сильнее президента». Разумеется, ему возражает бесстрашная защитница монархии Андозерская: «Как легко вы отбросили монархию! А вы не подчиняетесь просто моде?»

«Вече» в Аппенцеле

Но, поскольку Солженицын, побывав 27 апреля 1975 года по приглашению редактора цюрихской газеты «Нойе цюрхер цайтунг» в швейцарском кантоне Аппенцель, написал проникновенную хвалу этому образцу «древней демократии», не следует сомневаться, что Ободовский в данном случае частично представляет мнение Солженицына. Разумеется, швейцарская демократия, неприменимая в имеющемся виде к огромной России, но вызывающая в памяти новгородское «вече», имеет свои прелести для Солженицына. В статье, которую он — в порядке редчайшего исключения — посвятил этому вопросу, демократический идеал Аппенцеля представлен как близкий его сердцу. Аппенцель понравился Солженицыну, который сам себя называет безусловным демократом, потому что он увидел, как народ говорит «нет» прямо в глаза своим руководителям, и почувствовал, что эта старая демократия родилась «из древних форм коммунной жизни». Этот эпизод, однако, доказывает: «авторитаризм», о котором Солженицын не раз говорил, в частности, в «Письме вождям» (1973), что он представлял бы собой огромный прогресс по сравнению с тоталитаризмом и был бы самодостаточен, ни в малой степени не означает призыва к подчинению власти. Совсем наоборот! И элементов свободологии сколько угодно в его творчест-

ве! Обостренное недоверие эзика — всегда начеку, всегда наготове — соединяется здесь с мятежной подозрительностью гражданина средневекового Великого Новгорода или яростным сопротивлением староверов-раскольников светскому насильственному централизму Петра I. Солженицын так часто возносил хвалу этим мятежникам XVII века, он позаимствовал у них столько религиозных концепций (в частности, самоограничение — см. его статью в «Из-под глыб»), что очевидно: это — постоянная составляющая его религиозного и политического мышления, о которой многие из его хулителей попросту забывают.

«Порыв к героизму и вере», старинной вере, преследуемой и отстаиваемой с яростной энергией, — вот что делает симпатичным для Солженицына большевика, который играет важную роль в «Октябре Шестнадцатого» и, вероятно, займет еще более значительное место в дальнейшем. Это Александр Шляпников, будущий лидер «рабочей оппозиции», который погибнет в ГУЛАГе где-то в 1940-41 гг. «А вера та была — древне-православная. Она еще гналась тогда, и за нее стеной стояли истинно православные, и, как все, готов и Александр был — умереть. Но гонения отменили, пострадать за веру не стало возможно, и кто потороватей — приспособлялся к начальству, а сила молодежи потекла по другим дорогам. Александр пошел в социалдемократию. Как будто все другое, а гонители, а враги — те же самые, разве с другого боку». Так толкует писатель «обращение» старовера к большевизму, и это доказывает, что для Солженицына революция вовсе не целиком завезена извне. Он не чужд обаянию мятежа, он постоянно на стороне преследуемых, особенно по религиозным мотивам. Тем, кто подзревает его в стремлении к режиму диктатуры, полезно перечитать поразительную главу 12-й части «Архипелага ГУЛАГа» — «Сорок дней Кенгира». Сорок дней опьянения восстанием — и Солженицын слагает удивительный эпический гимн армии заключенных, вооруженной палками и пиками. (Глава эта носит настолько подрывной характер, что автор

счел нужным снабдить ее объяснением для американского издания и отмежеваться от современного терроризма...)

Экологист религиозного толка

Последнее подозрение касается проблемы прогресса. И здесь Солженицын снова гладит Запад против шерсти. Он страстный поборник экологии, он предлагает запретить двигатели внутреннего сгорания, перейти на электрические моторы, запретить автомобильное движение в городах (он ненавидит шум), вернуться к мелкой промышленности, развивать города среднего размера (типа Иркутска, Томска, Саратова, Ярославля, Казани). Он заявляет: «Нынешняя централизация всех видов духовной жизни — уродство, духовное убийство». Он предлагает реформу школы, говорит о необходимости повысить зарплату учителям, о том, что они должны быть свободнее. Короче, ему бы впору стать знаменосцем какой-нибудь западной партии. Но, поскольку его экологические позиции кажутся неотрывными от позиций религиозных, они остаются непоняты, обесцениваются... Экологист, проповедник ограничения пользования материальными благами, Солженицын, тем не менее, решительный поборник собственности. С его точки зрения, грехом старой России являлось то, что она полностью признавала собственность «оплотом личности». Эта четкая аристотелевская точка зрения — контрастирующая с традиционным русским презрением к деньгам и их полезности — превращает Солженицына в поборника гражданского государства с законами, где каждый имеет право на честное приобретение вследствие своей работы. Он отделяется здесь от самобичевания стольких русских (Толстой!), но, увы, не приобретает тем самым симпатии либералов. Сам он отказался от авторских прав на «Архипелаг». Толстой сделал то же самое с «Воскресеньем». Но кого это волнует! Значение таких поступков совершенно обесценено, и в папке с вырезками из прессы о Солженицыне содержится поразитель-

тельное количество мелких гадо-стей насчет его имени в Кавендише или «тысяч песо за предательство», которые он якобы получил от Пиночета.

Солженицын раздражает западных читателей потому, что многие из них не в состоянии принять его позиции, которые для либерального западного интеллектуала являются позициями иноверца.

Он отрицает тезис о русско-советской преемственности, тезис, который поддерживает большинство американских историков, но против которого решительно возражают некоторые эмигрантские ученые, как например, Михаил Геллер в своей последней книге «Машина и винтики». Отрицая этот тезис, Солженицын, тем не менее, в своем творчестве пытается связать воедино прерванные нити русского исторического времени. Он видит преемственность не в политическом действии, но в духовных типажах (праведники из «Матрениного двора»).

Противник тезиса о конвергенции, он, кажется, хотел бы еще больше расколоть уже «расколотый мир», но он обвиняет некоторых американских руководителей в том, что они способны спокойно предусматривать в своих планах уничтожение русского народа. И он включает коммунизм в более широкое течение мысли, которое, отбросив духовное начало, лишило человека ответственности, то есть интегрирует его в историю безверия (тут сказывается влияние его друга Шафаревича).

Он ярый антикоммунист, но он не призывает к насильственному восстанию. Скорее, к некоторому ослаблению тоталитаризма. Быть может, он даже думает о «замирении», как в «Октябре Шестнадцатого»: «Обычное народное выражение — никогда не «победа», никогда не «мир», но — з а м и р е н и е. Народ понимает только эту единственность выхода, где не различается ни победа, ни поражение, ни ничья». Абстрактный универсализм всегда жаждет победы, крестьянский же традиционализм признает незаконное примирение...

Наконец, Солженицын отстаивает духовное право России быть другой, доказывая, что она вовсе не обязана присоединяться к за-

падной модели — либеральной и исключительно легалистской.

«При изучении китайской, тайландской или любой африканской истории и культуры считается необходимым испытывать уважение к ее своеобразию. По отношению же к русскому тысячелетнему восточному христианству западные исследователи во множестве испытывают лишь презрение и удивление: почему этот странный мир, целый материк, все не принимал западного мировоззрения и все не шел по столь явно преимущественному западному социальному пути? Россия решительно осуждается за все, в чем она не похожа на Запад».

Вот в чем корень недоразумений. Не «другая», не «европейская» — та Россия, какой ее чувствует Солженицын, не пользуется никакими преимуществами: ни тем, чтобы быть составной частью многообразной и единой Европы, где, по крылатому слову Бухардта, «сходятся противоречия», ни тем, чтобы быть особой этнической гомогенной единицей, имеющей право не только на уважение, но и на «конверсию» этнологии. Проблема старая, но встающая сегодня с новой остротой.

В 1980 году Солженицын вступил в перепалку с либеральным американским общественным мнением и, в частности, с американскими историками, занимающимися Россией. Он ринулся в атаку на самых известных специалистов, на Ричарда Пайпса за его книгу «Россия при старом режиме» и Роберта Такера за его книги и статьи о Сталине и сталинизме. Полемика разгорелась в трех подряд номерах журнала «Форин афферс» подряд. Солженицын, с одной стороны, возражает против отказа признать своеобразие России, ее своеобразную духовность, создавшую таких писателей, как, скажем, Лесков, не признанный и не принятый за рубежом, а с другой стороны, он не принимает определение сталинизма как смеси большевизма и возродившихся старорежимных черт России.

Здесь тоже Солженицын труден для понимания, даже, быть может, противоречив. Потому что его Россию невозможно идентифицировать с традиционным смирением «русского странника», он

показывает Россию работающей, энергичной, даже упрямой. В «Круге первом» в разговоре Нержина с художником Кондрашевым перед холстом Кондрашева речь идет об этой парадоксальной смеси **энергичного смирения**, в которой Солженицын видит оригинальность русской души. И это энергичное смирение в принципе соответствует его политической программе, сознательно и добровольно минимальной.

Пора признать, что Солженицын происходит из некой другой Европы: Европы, отделенной от нас и православием, и автократией, и большевизмом, и концентрационным опытом. Совсем не обязательно принимать все его положения, особенно о Западе, чтобы признать особость и полезность его голоса. Ум глубоко рационалистичный, волюнтаристский, он унаследовал от нашей культурной античной традиции живой вкус энергии, самовоспитания, отрицания власти и властей. Он сформировался в ГУЛАГе: там встретил он — в книгах и рассказах посредников — Френсиса Бэкона и Ла Бюэсси, отголоски которых звучат в его книгах, Достоевского и Соловьева. Мне кажется, что сдержанность, эмпирический скептицизм, стоицизм Солженицына никак не могут породить потока скороспелых обвинений в том, что он «пророк», «русский Хомейни», а тем паче приверженец «Протоколов сионистских мудрецов».

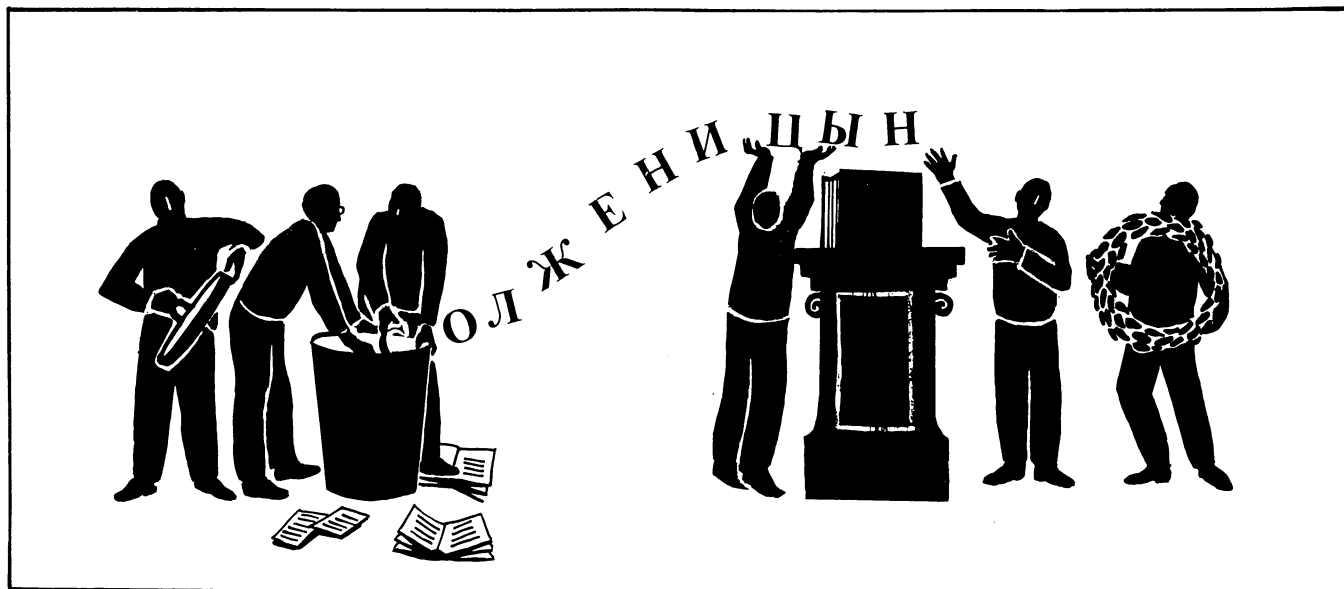
Пора признать, что Солженицын не вмещается в рамки наших готовых идей и что, стремясь осудить его за все противоречивые грехи, мы сами грешим против некоторых взаимосвязей. Этот ультра-националист призывает Россию заняться ее собственными делами и отказаться от ненужных ей территорий. Этот «авторитарист» требует для русских свободы совести. Этот теократ — стоик, верящий лишь в самовоспитание. Этот православный — либертианец, симпатизирующий староверческому расколу. Этот человек Востока ни на грош не верит в фатализм и утверждает, что нужно без усталости «учить добру» и бороться против добровольного рабства. Этот моралист — «либерал» в вопросах экономики и реставратор собственности. Чем без

конца подозревать Солженицына в наивности, фашизме, обскурантизме или антисемитизме, не лучше ли послушать его голос таким, каков он есть: самый русский голос, явившийся нам после Толстого. Это голос России, совершенно не такой, какой мы ее себе представляем, России, которая видит себя работающей, эмпирической, выверяющей каждую идею, России, которая видит себя христианской, не будучи теократической,

демократия означает 8 месяцев национальной жизни и последствия бессмысленной войны (февраль-октябрь 1917 года) и предел мечтаний которого в ближайшем будущем — это иметь правительство, которое бы поменьше правило.

Пришедший из другой Европы, чуждый определенному формализму наших обществ, рожденный в ГУЛАГе, но закаленный в

как себя самого? Существует ли эта другая Европа, от имени которой он выступает? Нет, говорят одни. Матрена — миф это или атавизм? Александр Зиновьев в «Желтом доме» издевается над этим явлением и преобразует ее в советскую мегеру под именем Матренадура... Да, отвечают другие — голоса из самой России. Я не собираюсь делать из этого вывод о том, что голос Солженицына представляет сегодняшнюю

ханжеской или обскурантистской, но опирающейся на прошение и раскаяние. Голос Солженицына — это голос европейской христианской, не католической веры, возродившейся после небывалых преследований, в которых церковь едва не погибла. А еще это голос подозрительного зэка, человека, который сам себя воспитал в области истории, религии, политики, для которого парламентская

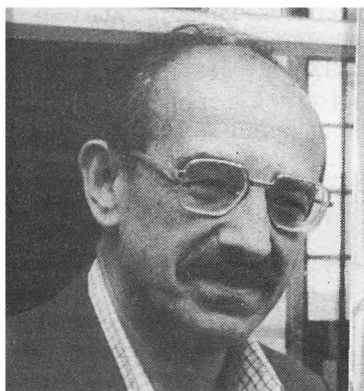
стоицизм, составляющем часть нашего западного наследия, голос Солженицына раздражает — это очевидный факт. И многие из его хулителей не дают себе труда внимательно слушать и читать его. Не принимая саму идею русской специфичности, они беспощадно отвергают этот голос.

Остается главный вопрос: кого представляет Солженицын, кроме

Россию. Но я могу сказать, что то поразительное сопротивление, которое оказывает ему определенная часть Запада, имеет смысл само по себе и доказывает, пусть от противного, что этот голос, провозглашающий необходимость изменения сегодняшнего духовного статус-кво и требующий поддержания для нашей цивилизации, пробуждает нечто, что сопротивляется ему. ■

*В следующем номере:
Витторио Страда. О войне и мире.*

Вчера и сегодня в «Красном колесе» А. Солженицына

Михаил Геллер

**Михаил Геллер —
профессор истории
Парижского университета.
Автор книг
«Концентрационный мир
и советская литература»
(Лондон, 1974),
«Утопия у власти»
(в соавторстве
с А. Некричем),
2 тт. (Лондон, 1982),
«Андрей Платонов
в поисках счастья»
(Париж, 1982),
«Машина и винтики»
(Лондон, 1985)
и др. работ.**

1200 страниц «Октября Шестнадцатого», добавленные к 1000 страниц «Августа Четырнадцатого», позволяют получить представление о гигантском замысле автора «Архипелага ГУЛАГ». Два первых «узла» «Красного колеса» — исторического «повествования в отмеренных сроках», как определяет писатель жанр своей работы, — охватывают период, начинающийся восхождением на престол Николая II (1884) и завершающийся 4 ноября 1916 года. Александр Солженицын сознает, что нельзя остановить поток истории, выбрать точку, с которой начинается поворот, и все же стремится найти мгновение, «час правды», как говорят тореадоры, определяющий будущее.

Читатель, познакомившийся с двумя «узлами» повествования, присутствует при первых поворотах «красного колеса». Он понимает многое в замысле, но еще не все. Огромная книга с множеством персонажей — подлинных и фиктивных, с обилием фактов, размышлений и деталей, открыта для разных толкований. К тому же, Александр Солженицын, занимающий сегодня совершенно особое место в русской и мировой литературе, вызывает, как правило, у критиков и исследователей преувеличенно резкие эмоции. Его принято безоговорочно осуждать или безудержно хвалить. В 1931 году Евгений Замятин в письме Сталину объяснял свое положение: «Как некогда христиане для

более удобного олицетворения всяческого зла создали чёрта, так критика сделала из меня чёрта советской литературы». Отношение к Солженицыну не только официальной советской, но и значительной части западной критики заставляет вспомнить об этой иронической жалобе.

Герой рассказа Хорхе Луи Борхеса «Пьер Менар, автор "Дон Кихота"», решает написать «Дон Кихот». Он имеет в виду не подражание роману Сервантеса, не вариант истории Рыцаря печального образа, но сам роман. Борхес создает образ идеального читателя: Пьер Менар не только изучает испанский язык XVII века, он перечитывает все книги, известные Сервантесу, исследует нравы и обычаи Испании, следом за писателем воссоздает его книгу. О таком читателе мечтают все писатели. Автор «Красного колеса», несомненно, заслужил его. Но пока, как можно судить, еще не нашел.

Я читал «Красное колесо» как историк. Заглавие книги называет тему. А. Солженицын мог бы поставить эпиграфом слова главного персонажа рассказа Бориса Пильняка «Повесть непогашенной луны» — «Первого»: «Историческое колесо... в очень большой мере движется смертью и кровью — особенно колесо революции». Говорит — знаток. В образе «Первого» Борис Пильняк в 1926 году изобразил Сталина, отправляющего на гибель наркомвоенмора Фрунзе.

Писатель и историк

Смерть, кровь, революция — это «красное колесо». После появления «Архипелага ГУЛаг» распространилось мнение, нередко высказываемое как упрек: Солженицын не принес ничего нового, о советских лагерях все уже было известно до него. Упрек несправедлив: было известно все — никто ничего не знал. Книга Солженицына открыла глаза — слово «гулаг» стало кратчайшим и точнейшим определением советской системы. Подтвердилась мысль Ипполита Тэна: надо быть большим писателем для того, чтобы быть историком.

«Красное колесо» — история русской революции. А.Солженицын не пишет, однако, исторического романа. Он испытал этот жанр и пришел к выводу о его несоответствии замыслу, которым писатель был одержим, как он свидетельствует, «с 1936 года». Первый вариант «Августа Четырнадцатого», опубликованный в Париже в 1971 году, — замечательный образец исторического романа. Писатель разрушает структуру первичного «Августа» и в 1983 году публикует второй вариант книги. Если в первом издании жанр не был определен, во втором «Красное колесо» названо «повествованием в отмеренных сроках». А.Солженицын вновь («Архипелаг ГУЛаг» назван «опытом художественного исследования») объявляет о создании особого жанра.

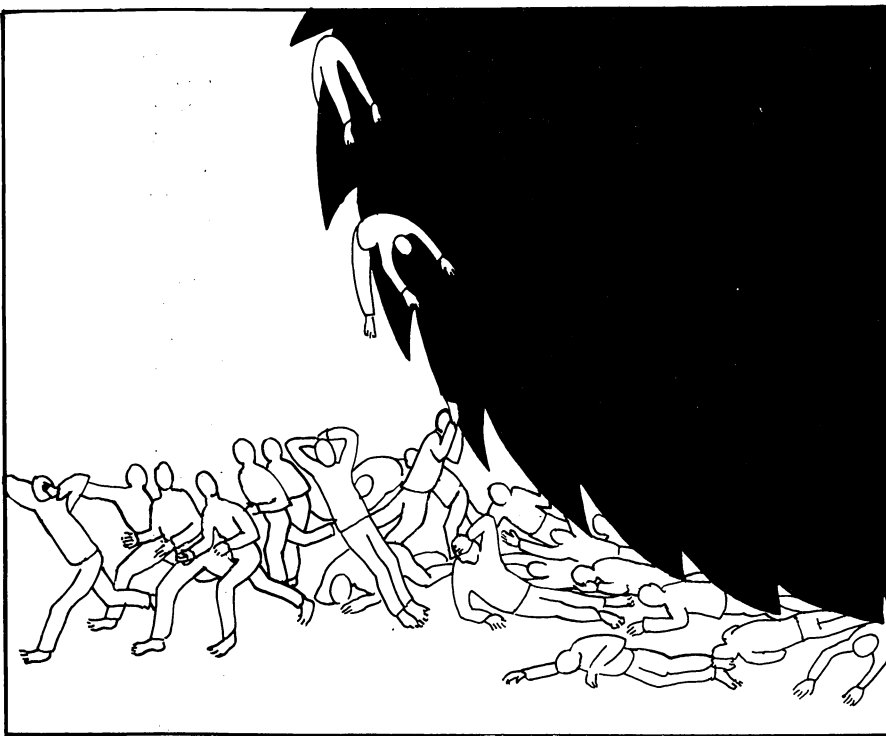
Трудность написания истории русской революции становится очевидной, если вспомнить, что, когда Мишле обратился — как и Солженицын, через 70 лет после событий — к «красному колесу», Франция успела пережить крушение монархии, якобинскую диктатуру, термидор, консулат, империю, возвращение Бурбонов, республику, вновь империю. Россия, через 70 лет после Октябрьского переворота, превратившего ее в Советский Союз, остается во власти партии, организовавшей революцию. Истоки 17-го года и то, что произошло в момент свержения старого мира и начала сооружения нового, необычайно трудно изобразить сегодня в форме романа. «...Даже о гибели, — пришел к выводу Б.Пастернак в 1929 году,

— можно в полную краску писать только тогда, когда она обществом уже преодолена и оно вновь в состоянии роста». А.Солженицын не мог взять как модель «Войну и мир», ибо Лев Толстой изобразил общество, пережившее катастрофу войны и победившее.

«Красное колесо» — новый жанр, в котором писатель стремится понять истоки гибели страны. Он совмещает историческое исследование с возможностями, которые дает роман. «Архипелаг ГУЛаг» был первым опытом «художественного исследования». Солженицын — современник описанных событий, рассказывает о собственной судьбе; поддержанная и подтвержденная 227 свидетельствами, она становится историей «ГУЛага» страны, которую не перестает корезить «красное колесо» советского государства. Писатель не был свидетелем событий, о которых повествуют «узлы» «Красного колеса». Он

ции на 70 лет. У него есть основания так думать: исторические источники — документы, свидетельства, мемуары — необозримы. Вся жизнь Солженицына, со дня, когда он задумал «большой роман о революции», была одержима «Замыслом». Герой «В круге первом» Глеб Нержин, alter ego писателя, доволен своей судьбой: «Откуда ж лучше увидеть русскую революцию, чем сквозь решетки, вмурованные ею?»² Тюрьма для него — необходимая ступень на пути к пониманию революции.

Юношей Александр Солженицын замышляет роман о революции, начинает его писать. Тридцать пять лет спустя он публикует первый «узел». Весной 1976 года, как рассказывает писатель в послесловии ко второй редакции «Августа Четырнадцатого», он собрал в Гуверовском институте в Калифорнии «обширные материа-

убежден, однако, что исследователь сегодня не только понимает, но и видит лучше события прошлого: «Современники были в самогипнозе»¹.

Для писателя нет сомнений: потому что умнее свидетелей револю-

лы об истории убийства Столыпина». Можно думать, что в тот момент А.Солженицын и обнаружил недостаточность рамок исторического романа, понял невозможность вместить в них свой «Замысел».

¹ Октябрь Шестнадцатого. Вермонт-Париж, 1984. Том 2, с.509.

² В круге первом. Вермонт-Париж, 1978. Том 1, с. 363.

Ключ к пониманию причин и характера изменений «Августа», определивших форму и содержание «Октября Шестнадцатого» и, вероятно, всех последующих «узлов», следует искать в романе «В круге первом». В послесловии к окончательной редакции (седьмой!) писатель рассказывает о долгой истории книги, начатой в 1955 году и завершённой летом 1968 года. Широкою известность во всем мире роман получил, как разъясняет писатель, в сокращённом варианте, подготовленном с мыслью о возможной публикации в СССР. «Истинный», по выражению Солженицына, вариант «Круга» приходит к читателю в 1978 году. Новый (восстановленный) вариант отличается от старого (искажённого) прежде всего тем, что в нём с поразительной силой изображена страсть к истории, одержимость памятью о прошлом, раскрытые как основной мотив поведения двух главных героев.

Глеб Нержин еще в молодости слышал «немой набат — как Лантенак в «Девяносто третьем» Гюго. Гремит немой набат и требует: «Узнать и понять! откопать и напомнить!»³ Мальчиком ощущает он, что обманут, что его кормят «исторической ложью». И вся его жизнь — молодость, война, тюрьма — становится исканием правды о прошлом. Обнаружив «поразительное свойство людей — забывать», Глеб Нержин делает выбор: найти правду и распять их ложь: «Четыре гвоздя их вранью... и пусть висит и смердит, пока Солнце не погаснет, пока жизнь окоченеет на планете Земля»⁴.

Глеб Нержин видит в этом свою миссию, «свой долг и свое призвание».

История побуждает сделать выбор другого героя романа — Иннокентия Володина. Сюжетная линия, связанная с Володиным, подверглась наиболее серьезным изменениям. В «искажённом» варианте Иннокентий действительно — в соответствии с именем — невинен: он звонит жене профессора Доброумова, который лечил его в детстве, и предупреждает,

чтобы профессор, выезжающий в командировку в Париж, ни в коем случае не передавал французским коллегам медицинский препарат. Володин долго боролся, прежде чем решился на этот телефонный звонок. Наконец, он сделал выбор — в память своей матери, своего детства. Этот звонок, подслушанный и расшифрованный, станет причиной ареста Иннокентия Володина.

В «истинном» варианте Володин, советский дипломат, звонит в американское посольство и сообщает авиационному атташе, который не хочет ни слушать, ни понять его, что на днях советский агент в Нью-Йорке получит важные технологические детали производства атомной бомбы...

В роман входит (возвращается) тема высшего долга, тема верности ему и измены.

Володин сделал выбор между верностью советскому правительству и своим долгом перед человечеством. Он бросился в пропасть, как пишет Солженицын, зная, что погибнет, «потому что осветилось ему, как это невыносимо, что так бессовестно уворуют бомбу — и начнут ее трясти через год»⁵. Иннокентий пытается спасти цивилизацию, ибо понимает: «атомная бомба у коммунистов — и планета погибла»⁶.

Верность и измена — главный предмет размышлений и споров в романе. Каждый из его героев стоит перед дилеммой: совершить измену себе и сдать, либо остаться верным себе и почти наверняка погибнуть. Но что такое верность, что такое измена? «Кто князь Курбский? — Изменник. Кто Грозный? — родной отец»⁷. Беспощадный спор идет о главном: что такое патриотизм, в чем измена родине, что такое родина? А.Солженицын дает слово непреклонному марксисту Рубину, агитировавшему во время войны немцев, звавшему их бросить оружие и перейти на советскую сторону, и непримиримому врагу коммунистической власти Сологдину, который полностью оправдывает действия бывшего ээка, отсидевшего 10 лет и перешедшего на сто-

рону немцев, обратившего оружие против своих тюремщиков. Для Рубина выбор прост: «Да как ты можешь сравнивать?! Ведь объективно мой немец за социализм, а твой ээк против социализма!»⁸ Так же прост выбор для Сологдина: социализм — Зло, следовательно, необходимо бороться с ним. В «Архипелаге ГУЛаг», в главе, посвященной тем, кто весной 1945 года были объявлены «изменниками Родине», Солженицын продолжит размышления о патриотизме, верности и измене.

Из всех героев «В круге первом» Иннокентий Володин единственный, кто делает выбор вне тюрьмы — выбор, который приведет его за решетку. Поворот в отношении к миру, в котором Володин живет, причем живет очень хорошо, происходит в тот момент, когда ему открывается в старых газетах, фотографиях, театральных афишах дореволюционное прошлое. Благополучным советским дипломатом движет не тоска по ушедшей России, но всепоглощающее чувство, что его обокрали, отняли прошлое, память. Осознав, что чудовище, пожравшее его память, грозит миру, человечеству, он пытается сказать об опасности. Совершает подвиг, объявленный изменой.

«Откопать и напомнить...»

В длившихся очень недолго «годах учения Иннокентия Володина» важное место занимает услышанная им цитата из Герцена: «Где границы патриотизма? Почему любовь к родине надо распространять и на всякое ее правительство? Пособлять ему и дальше губить народ?»⁹ Володин делает выбор совершенно свободно: выбирает верность народу, цивилизации.

Тюремная решетка разделяет мир, в котором живут герои книг Александра Солженицына, написанных до «Красного колеса». Причем даже те из них, кто сию минуту еще не в тюрьме или уже временно не в тюрьме, живут в те-

⁵ Там же. Том 2, с.268.

⁶ Там же, с.272.

⁷ Там же, с.273.

³ Там же, с. 285.

⁴ Там же, том 2, с. 195.

⁸ Там же, с.152.

⁹ Там же. Том 2, с.83.

ни, отбрасываемой лагерными вышками. В этом мире зло и добро очевидны, белое и черное, свет и мрак резко отграничены. В «Красном колесе», повествовании о нормальном мире, все смешано, перепутано, переплетено. Некоторые торопливые читатели обвинили автора первых «узлов» в многочисленных грехах: в монархизме, антисемитизме, национализме и т.п. Советские критики осуждают писателя за антинародность и измену советской власти.

Страстные слова Глеба Нержина — узнать и понять! Откопать и напомнить! — раскрывают смысл солженицынского повествования. Многоголосый хор обитателей российской империи начала века звучит на страницах «узлов». Писатель дает слово выразителям главных политических направлений и умственных течений времени: монархисты, революционеры, антисемиты и евреи, солдаты и генералы, мужики и думские депутаты говорят, спорят, воюют между собой и с внешним врагом. А. Солженицын интересуется прежде всего политическая история кануна революции, но политические симпатии автора постоянно уступают место человеческим. На страницах «Красного колеса» монархисты убедительно говорят о достоинствах монархии как института и ее необходимости для России, а рядом Солженицын рисует, быть может, самый безжалостный в русской литературе портрет монарха, причем благожелательность писателя к царю-мученику подчеркивает беспощадность анализа характера слабого самодержца. Нет сомнений в чувствах Солженицына к «бесам», собирающимся в цюрихских кафе, и главному среди них — Ленину. Одновременно нескрываемая симпатия автора чувствуется в описании не только человеческих качеств, но и действий руководителя большевистской организации в России Александра Шляпникова. Он нравится Солженицыну. Демонический Богров соседствует с милой Сусанной, объявляющей: «Я горда и счастлива, что я — еврейка».

«Красное колесо» — итог совместной деятельности историка и писателя в одном лице. Солженицын-писатель использует весь корпус доступных сегодня ис-

торических источников. Солженицын-историк расширяет возможности документов страстно личным отношением к ним. Светоний, писавший «Жизнеописание двенадцати цезарей» в I веке н.э., переживал все случившееся в Риме задолго до его рождения как личную боль. Замечательная «История упадка и гибели Римской Империи» Эдуарда Гиббона, писавшего в XVIII веке, лишена элемента острой личной заинтересованности автора в судьбах тех, кто создавал и губил Рим.

Особенность «Красного колеса» — личное присутствие автора в событиях, о которых он повествует. Задача историка — исследовать документ, подвергнуть его анализу, снабдить комментарием. Юрий Тынянов, работая над историческими романами, стремился выйти «за пределы документа», понять его дальние связи. Александр Солженицын входит в документ, становится его современником. Историк — автор «Красного колеса» собрал и усвоил огромный материал, писатель — автор «Красного колеса» придал этому материалу поразительную драматичность, страстно дискутируя с ним изнутри. Сухие стенограммы заседаний Думы, отчеты заседаний правительства могли вызвать интерес узкого специалиста-историка. На страницах «Красного колеса» они пульсируют жизнью, возмущают, раздражают, удивляют. Причем все эти чувства обращены не только к болтливым, рассудительным, глупым или умным депутатам думы и министрам; их вызывает автор, говорящий с нами из прошлого — гневный, иронический, знающий все, что случится потом.

Первый опыт «присутствия» в документе был сделан Солженицыным в «Архипелаге ГУЛаг», где писатель спорит с прокурором Крыленко, выворачивает его нутро, предсказывает ему гибель. В «Красном колесе» — это важнейший прием использования исторических источников. Писатель спорит с ораторами в Думе, цитируя мемуары, сопоставляет их с действиями и прежними высказываниями исторического персонажа, уличает, ловит на противоречиях. Глубоко изучив богатейший эпистолярный и дневниковый материал, Солженицын рисует бли-

стательные портреты главных актеров трагедии: царя, царицы, Ленина. Портреты, как мозаичные картины, состояются из подлинных текстов — писем, ежедневных записей. Личное присутствие писателя выразится, в частности, в систематическом использовании иронии как инструмента анализа исторических документов. Александр Солженицын употребляет иронию как наиболее экономную — самую сжатую, лаконичную форму раскрытия смысла источника. Писатель проявляет достойную высшей похвалы объективность, нелегкую беспристрастность: серной кислотой иронии выжигаются портреты всех главных исторических персонажей, независимо от личного отношения к ним автора. Не удивляет ирония в изображении Ленина.

Еще более безжалостно-ироничен портрет императора. Достаточно Солженицыну написать: «Правда, иногда, по грешному нетерпению, хотелось более отчетливо знать Божью волю через мистические связи, которые существуют для сведущих. Для этого можно воспользоваться посредничеством тех таинственных людей, которые общаются с потусторонним миром... Как раз такой обаятельнейший человек — мсье Филипп, оккультист из Лиона и доктор медицины, счастливо появился при петербургском дворе...»¹⁰ И корни появления при дворе сменявших друг друга шарлатанов, а затем Распутина становятся очевидными. Конфликт между Николаем II и Столыпиным, изображенный Солженицыным как столкновение, определившее судьбу России, удивительно сжато, психологически точно (на основании документов) и исчерпывающе выражен в раздражительном ответе государя на сообщение Столыпина о победе над революцией 1905 года: «Не понимаю, о какой революции вы говорите. Даже беспорядков бы не было, если бы власть была в руках более мужественных и энергичных людей, как ялтинский градоначальник Думбадзе»¹¹.

¹⁰ Август Четырнадцатого. Том 2, с.378-379.

¹¹ Там же, с.221.

Ни разу Солженицын не оценивает прямо поведения императрицы, он лишь тщательно подбирает букет цитат из ее писем супругу. Александра искренне любит страну и ее народ, она страдает, видя бесполезные кровопролития войны, и начинает вникать в действия армии и флота. «Необходимо дождаться более благоприятного момента, — настаивает она в письме верховному главнокомандующему, — а не слепо напирать, это чувствуют все, но никто не решается тебе сказать. Мои штаны нужны и в ставке, идиоты!»¹² Невозможно лучше раскрыть характер Александры Федоровны и показать состояние дел в стране в последние месяцы 1916 года.

Николай II лично симпатичен автору, он подчеркивает добрые стороны его характера, он хорошо помнит о мученической гибели императорской четы. Но Солженицын ставит своей целью написать правду о революции. А правда в том, как писал Константин Леонтьев, что «хорошие люди нередко бывают хуже худых. Личная честность может лично же и нравиться, и внушать уважение, но в этих непрочных вещах нет ничего политического, организующего. Очень хорошие люди иногда ужасно вредят государству»¹³.

«Не позволяя себе ни взмаха выдумки, коль можно точно собрать и узнать, держась к историкам поближе, а от романистов подальше...»¹⁴ — так писатель, в первом томе первого «узла», определяет свой метод и остается верным ему во всех томах.

Возможно, заметим походя, этим объясняется то, что обзорные исторические главы, напечатанные мелким шрифтом в предостережение ленивому читателю, принадлежат к замечательнейшим страницам исторической литературы и нередко значительно больше волнуют, чем личные переживания некоторых персонажей.

Между необходимостью и невозможностью

В стремлении автора «Красного колеса» собрать **весь** материал о русской революции есть не только одержимость — и добросовестность — историка, но и неизбежное у советского человека ощущение обокраденности, есть желание узнать то, что от него старательно скрывают. Все историки знают чувство подавленности материалом, который совершенно невозможно весь включить в задуманную работу. Перед каждым историком стоит труднейшая проблема отбора.

«Узлы» для Солженицына — синоним выбора. Он организует материал вокруг болевых точек в

«Красное колесо» — новый жанр, в котором писатель стремится познать истоки гибели страны.

русской истории первых двух десятилетий нашего века. Его интересует в самую первую очередь политическая история, т.е. история власти — ее потери, ее захвата.

После публикации первого варианта «Августа Четырнадцатого» некоторые читатели — современники описанных событий — указывали автору на неточности в деталях: костюмах, марках автомобилей и т.п. Автор «Красного колеса» старается скрупулезно точно передать подробности быта минувшей эпохи. Но главное в его повествовании — в другом. Как великолепно выразился Борис Пастернак: «История не в том, что мы носили, а в том, что нас пускали нагишом»¹⁵. Это — тема «повествования в отмеренных сроках».

Вторая редакция «Августа Четырнадцатого» была не только изменением, внесенным в первый «узел»; изменился характер всего «повествования»: родилось «Красное колесо». Введение Сто-

лыпина дало всей эпопее идеального героя и точку отсчета. В первой редакции «Августа» центральным эпизодом была битва в Мазурских болотах, гибель 2-й армии и самоубийство генерала Самсонова. Убивавший себя полководец превращался в символ погибающей России. Появление Столыпина — во второй редакции — снизило драматичность первого поражения русской армии, гибели Самсонова, ибо все было уже предопределено убийством Столыпина в 1911 году.

Два выстрела, прозвучавших в киевском театре 1 сентября 1911 года, утверждает писатель, смертельно ранили Россию. А.Солженицын показывает первую силовую линию: царь — Столыпин; это линия победы над революцией 1905 года, коренных преобразований России, начатых столыпинской аграрной реформой. Николай II, как демонстрирует писатель, не осознает ни значения Столыпина, ни смысла его реформ. Солженицын очень тонко показывает, что виновником непонимания был не только царь, но и его министр. Убежденный монархист, вернейший из верных, Столыпин, рассказывая своей жене о встречах с Николаем, всегда называет его «Малыш», "le petit", «люблю Маленького» — говорил он¹⁶. Или еще: «Царственный ребенок»¹⁷. Нет сомнения, что эта ласковая снисходительность ощущалась монархом. Подобные отношения между умным, многоопытным Бисмарком и Вильгельмом II также привели к разрыву между императором и его министром. Разрыв, правда, ограничился отставкой Бисмарка от дел.

В последние минуты перед принятием решения о вступлении в войну государь мучается отсутствием «твердого, умного, превосходящего человека, который взял бы на себя и ответственность и решение...» «Столыпин! — был такой человек. Вот кого не хватало ему сейчас, сию минуту здесь — Столыпина!...»¹⁸ Вряд ли так думал Николай II. Это писатель вступает в реку прошлого, чтобы

¹² Октябрь Шестнадцатого. Том 2, с.417.

¹³ Цит. по: Николай Устрялов. Под знаком революции (Сборник статей). Харбин, 1927, с.236.

¹⁴ Август Четырнадцатого. Том 2, с.383.

¹⁵ Борис Пастернак. Спекторский. — В его кн.: Стихотворения и поэмы. М., 1965, с.336.

¹⁶ Август Четырнадцатого. Том 2, с.220.

¹⁷ Там же, с.244.

¹⁸ Там же, с.449.

выразить свое отчаяние, сожаление, напомнить о причине гибели России. Эмоциональность голоса, обращенного в прошлое, редко свойственная историкам, объясняется отождествлением писателя

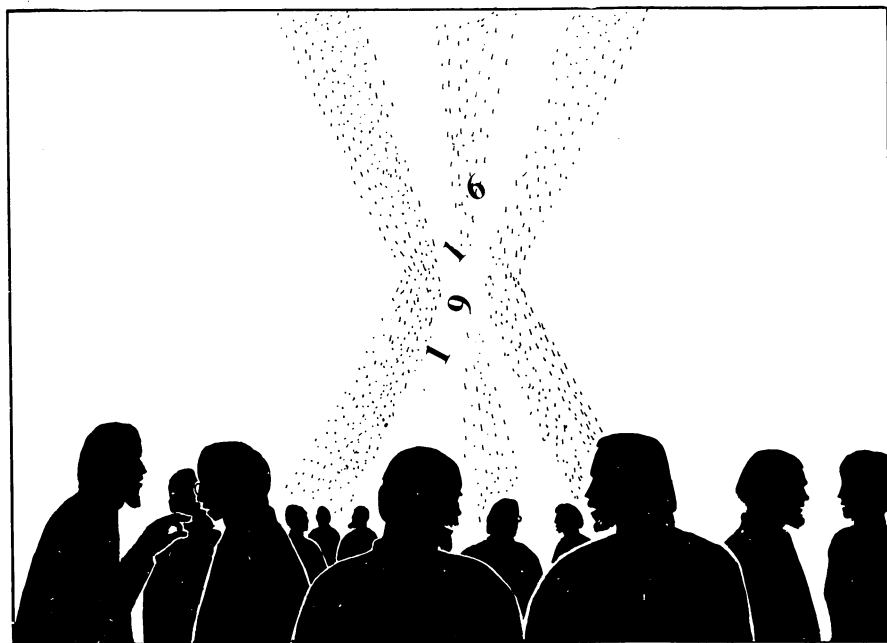
того» ничего не происходит (не считая, конечно, продолжающейся войны). А. Солженицын выбрал мгновение внешней неподвижности, какое бывает в песочных часах: песчинки уже начали все стре-

мена с особой силой показаны писателем в истории отношений между Столыпиным и Николаем II. Называя автора аграрной реформы «великим русским»²², Солженицын обнаруживает измену на самом высшем уровне: «Царь — ни в ту минуту, ни позже — не спустился, не подошел к раненому. Не пришел. Не подошел. А ведь этими пулями была убита уже — династия»²³.

Революционное движение, а затем война несут (пользуясь известным выражением — «как туча дождь») измену, истерический страх перед изменой. Провокаторы, которые служат революции и охранному отделению, охранники, служащие царю и оказывающие услуги революции, еврейские погромы в наказание за «измену», которую придумали как оправдание военным неудачам, обвинение в измене военного министра Сухомятина, виселица для невинно осужденного за измену полковника Мясоедова — этой атмосферой дышат герои «Красного колеса». Центральный эпизод первого «узла» — убийство Столыпина — результат измены; заключительный эпизод второго «узла» — речь Милюкова в Думе 4 ноября 1916 года на тему «Глупость или измена».

Сюжетная неподвижность «Октября Шестнадцатого» носит лишь внешний характер: в глубине решается вопрос об отношении к войне и монархии. Марк Алданов, свидетель революции и автор большого цикла исторических романов, в которых поиски истоков катаклизма 1917 года начинаются в 1762 году, очень сжато и точно изобразил положение в России в 1916 г.: сепаратный мир с Германией был политической необходимостью и психологической невозможностью²⁴.

Главный сюжет второго «узла» — выбор между необходимостью и невозможностью. Октябрь 1916 года — время заговоров, возникающих в поисках выхода; их возникает множество. Полковник Воротынец приезжает в Петроград, чтобы познакомить читателей с «заговорщиками». Общее впечат-

со своим героем. Рассказывая о бурном заседании Думы, на котором Столыпина со всех сторон атакуют враждебные ему депутаты, Солженицын переживает вместе с ним: «Со всех сторон череда несдерживаемых оскорблений — и вдруг пошатывается наша, никогда не шатавшаяся уверенность. Удар за ударом, попадая в нас...»¹⁹

Убийство Столыпина разрушает силовую линию. Война порождает новую: Ленин — царь. Первая победила революцию, вторая приносит революции победу. В истории, как ее понимает А. Солженицын, двужущая сила — это активное «отборное меньшинство»²⁰. Писатель различает — активность добра и активность зла. В 1905–1906 гг. революционной активности зла противостояла силовая линия добра. После 1914 года чудовищно интенсивной активности зла-Ленина противостояла пустота, бессилие.

В композиции «Красного колеса» второй «узел» занимает особое место; в «Октябре Шестнадца-

мительнее вытекать, но наблюдатель еще не видит движения. В октябре 1916 года песочные часы русской истории начали отсчитывать последние минуты, но «активное меньшинство» расходует скупое отмеренное время на болтовню. Дебатируется, снова и снова, главный вопрос: что такое верность, что такое измена?

В первых двух «узлах» «Красного колеса» все действующие лица стоят перед выбором: верность или измена. Каждый из них делает выбор, определяет свое место по ту или другую сторону добра и зла. Персонажи «повествования в отмеренных сроках» раздираемы необходимостью выбирать между идеалом и долгом, чувствами и убеждениями, верой в утопию и реальностью, жадной наживы и служебной обязанностью. Лишь один из них гармонически сочетает служение долгу и идеалу — Аркадий Столыпин. Он погибает, ибо его предадут. Непосредственно — предатели те, кто должен был охранять председателя совета министров. Главное — Столыпина предает трон²¹. Верность и из-

¹⁹ Там же, с.238.

²⁰ Октябрь Шестнадцатого. Том 1, с.332.

²¹ Август Четырнадцатого. Том 2, с.344.

²² Там же, с.310.

²³ Там же, с.250.

²⁴ М.Алданов. Ульмская ночь. Нью-Йорк, 1953, с.172.

ление: Россия проиграла войну и близится революция. Солженицын справедливо указывает на «самогипноз современников», убедивших себя в поражении, которого в действительности не было. Писатель, не имея возможности изменить прошлое, верно его изображает.

Слева и справа все говорят о необходимости перемен на троне. Для подавляющего большинства «заговорщиков» необходимость дворцового переворота связана с необходимостью продолжать войну, избежать поражения. Монархист Воротынцев приходит к выводу о необходимости немедленно заключить сепаратный мир с Германией. Ему возражают либералы, Гучков, кадеты. С ним спорят монархисты — полковник Нечволодов, историк Андозерская, — убежденные, что монарх и монархия нераздельны. Без монархии нет России, твердят Нечволодов и Андозерская. С этим монархом, возражает Воротынцев, бессмысленна даже победа, ибо в ходе войны «Россия поменится, станет другая Россия»²⁵.

Иннокентий Володин выбрал измену во имя высшей цели — спасения человечества. Воротынцев готов совершить измену — ради спасения России. Володин делает выбор — и погибает. Единственным результатом пребывания Воротынцева в Петрограде была — измена жене. Единственным итогом бурной «заговорщической» деятельности русского политического класса было убийство Распутина, совершенное в декабре 1916 года.

«Заговорщики» в России не могут решиться на действие, на осуществление своих планов, ибо им мешают чувства долга, верности присяге, слову, данному союзникам. В 1918 году патриарх Тихон осудит подписание Брестского мира прежде всего как измену данному слову. Такого рода моральные терзания не мучали заговорщиков, собиравшихся вокруг Ленина в Цюрихе. Но и ленинский «кегель-клуб» проводит время в бесплодной болтовне до тех пор, пока не появляется Парвус, разработавший подробный план уничи-

жения России и раздобывший под этот план деньги от немцев. Парвус и Ленин — наиболее яркие образцы «активного меньшинства», действующего во имя Зла. Они выбрали — давно и бесповоротно — революцию против России.

За или против России, верность или измена России — к этому сводится, в конечном счете, выбор, который должны сделать все действующие лица «Красного колеса». Но для персонажей «повествования» Солженицына, как и для современников описанных событий, не было одной России. Каждый из них видел ее по-своему. Для царя Россия — это наследство, оставленное ему отцом. Для царицы — наследство, которое следует во что бы то ни стало передать сыну. Для крестьян — это место, где они родились, живут и умрут. Для либералов — это народ. Ольга Андозерская, историк, предлагает наиболее полное определение: Россия — это народ, но «еще и крыша, под которой народ живет. Общий дом для народа, иначе называемый российским государством»²⁶. Воротынцев, влюбленный в Ольду, расходится с ней в понимании «российского государства»: он — против империи, легко отдает полякам, финнам их земли. «Дом» Воротынцева — исконно русские территории. Их границы не так просто определить. В числе войн, которые в последнее столетие вела Россия, полковник Воротынцев выделяет только одну справедливую — Крымскую. Ее, — говорит он, — нужно было вести. Его можно понять — заключительный эпизод войны шел в Крыму. Но можно и возразить ему: Крымская кампания началась вторжением русских войск в Молдавию и Валахию в 1853 году, а кроме того, Крым стал русским лишь в 1783 году, всего за 70 лет до начала войны.

Концепция России как «дома», не желающего раздвигать свои стены в чужие земли, несомненно близка Александру Солженицыну, определяет его отношение ко многим проблемам войны и революции, в частности, к «еврейскому вопросу». Внимание, уделен-

ное евреям и еврейскому вопросу в «Красном колесе», объясняется прежде всего местом, которое он занимал в русской политике описываемой эпохи. Война резко обострила споры о евреях потому, что сотни тысяч беженцев из западных губерний заполнили города глубинной России, где до того евреев не бывало, усиленно распространяемые слухи об «измене» воплотились в конкретный образ еврея-беженца, союзники России использовали «еврейский вопрос» для нажима на царское правительство в собственных интересах. Опозиция в Думе требовала равноправия для евреев, стремясь к объединению вокруг этого требования всех враждебных правительству сил.

Если остается верной знаменитая формула — не может быть свободным народ, угнетающий другие народы, — остается совершенно справедливым замечание Солженицына, указывающего на поразительный факт: и после революции 1905 года и Манифеста 17 октября крестьяне, то есть подавляющее большинство населения России, не обладали всеми гражданскими правами.

Точка зрения Солженицына последовательна и ясна: еврейский вопрос — результат имперской экспансии, евреи могут спокойно и счастливо жить в России, если они выберут своим домом — Россию. Как это сделали, например, Архангородский и Сусанна. Это, впрочем, относится и к представителям других национальностей. С величайшей симпатией изображает писатель инженера Ободовского: «...Дело человека заложено и ждет его именно там, где он родился. Происхожденья Ободовский был польского, но к Польше не причислял себя, жил всецело одной Россией»²⁷.

Одержимость историей

Любимые герои Солженицына думают и спорят об истории. «В круге первом» одержимы историей Глеб Нержин и Иннокентий Володин. В «Красном колесе» история мучает Саню Лаженицына и Воротынцева: им излагают свои

²⁵ Октябрь Шестнадцатого. Том 2, с.25.

²⁶ Октябрь Шестнадцатого. Том 1, с.419.

²⁷ Там же, с.394.

историософские взгляды Варсонофьев, священник отец Аверьян, Ольда Андозерская.

«Красное колесо» далеко еще не закончено, и подводить итоги взглядам А.Солженицына на историю рано. Все написанное им до сегодняшнего дня позволяет считать, что, отвергая гегеле-марксистскую концепцию «закономерностей» и прогресса, писатель видит в истории действие двух сил: Замысла и Случая. По своей натуре Божий замысел таинственен. Солженицын скажет в одном из интервью: когда-нибудь мы поймем замысел о 17-м годе. Загадочный Случай более очевиден. Множество примеров случайных событий приводит писатель: случайно царь прочел записку Столыпина в 1906 году и назначил его в правительство, случайно началась мировая война...

Твердо уверен А.Солженицын в наилучшей государственной системе для России: она учитывает исторические особенности страны, характер ее народа, ее просторы. Писатель излагает свою точку зрения «В круге первом», в статьях, вошедших в сборник «Из-под глыб», в «Красном колесе». С этими взглядами согласны герои Солженицына, сидящие в тюрьме в 1950 году и размышляющие о судьбах России в 1916 году. Наиболее сжато излагает их инженер Герасимович в романе «В круге первом»: «Справедливое неравенство! Неравенство, основанное на истинных дарованиях, природных и развитых. Хотите — авторитарное государство, хотите — власть духовной элиты»²⁸. В «Октябре Шестнадцатого» скажет об этом Воротынцев: «Историю делает — отборное меньшинство»²⁹. Во второй половине века писатель назовет его «техно-элитой».

Трагедией России — говорит Солженицын — было отсутствие «элиты». Были талантливые, понимающие, умеющие люди — например, Шипов, Кривошеин. Им не хватало необходимого качества, которым обладал Столыпин: «воли творить Историю, стать вождем»³⁰.

Трагедией, результатом случая, было и то, что революция имела Ленина, желавшего «творить Историю», бывшего вождем.

Писатель Солженицын расширяет возможности историка-Солженицына: блестящая глава (62-я) в «Августе Четырнадцатого», например, принесла бы автору высшую оценку при защите исторической диссертации, если бы не была слишком хорошо написана. Сочетание историка и писателя в одном лице имеет и обратную сторону: писатель не обязан давать только одну, свою, точку зрения на события, он может представить их множество. И тогда у читателя возникают вопросы. Например: в первом «узле» мы читаем историю Марии Спиридоновой, гимназистки, убившей усмирителя крестьян, изнасилованной казаками, сосланной на каторгу³¹. Из второго «узла» читатель узнает, что Мария Спиридонова, гимназистка, убила любовника и за это была осуждена³². Писатель передает эти взгляды устами разных персонажей и не заботится о разногласиях. Историк обязан не только представить разные взгляды, но и выразить свое мнение о них.

Некоторые точки зрения Солженицына вызывают вопросы: историк, высказывая неортодоксальные взгляды, ссылается на источники, писатель никак не обязан этого делать. Спор становится более трудным. Например, может вызвать возражения оценка автором «повествования» о взаимодействии между Россией и союзниками в ходе войны. Он снова возвращает нас в конфликт между верностью и изменой. Россия в 1911 году подписала военное соглашение с Францией, обещая выступить против Германии сразу же после мобилизации. Русское вторжение в Восточную Пруссию действительно помогло французам остановить немцев на Марне, одержать победу, которая сыграла решающую роль в ходе всей войны. Поражение Второй русской армии в Мазурских болотах рождает тенденцию свалить вину на союзников. «...Назначили на-

ступать на 15-й день, при неготовых тылах, — такая нервная спешка всех охватила спасти Париж»³³. И несколькими страницами далее: «Начнем... при полной неготовности — на 15-й! Ведь друзьям плохо, для друга слазь и в грязь...»³⁴. Эта точка зрения спорна по нескольким причинам: во-первых, вряд ли можно говорить о «полной неподготовленности» русской армии. Она была готова, имея значительное численное превосходство в пехоте, кавалерии и артиллерии, но готова, по выражению английского историка, как понимал готовность Жилинский³⁵, т.е. весьма ограниченно. Но это уже совсем другой вопрос. Во-вторых, поражение Франции под Марной, бесспорно, обрекало на поражение Россию. Возможно, что быстрое окончание войны и заключение мира предотвратило бы революцию, но летом 1914 года все мечтали только о победе. Наконец, был подписан договор, и нарушение его в то время казалось немыслимым. Развивая свою точку зрения, Солженицын настаивает, что и в 1915 году русская армия только «выручала союзников». Когда на слишком горькие сетования Воротынцева отвечает «справедливее» Свечин, он снисходителен: «Французы под Верденом тоже сто тысяч потеряли»³⁶. В действительности французы потеряли около 400 тысяч, а немцы — 600 тысяч, что не могло не облегчить положения на русском фронте.

В старом споре об Азефе автор «Красного колеса» категоричен: разговоры о провокаторстве Азефа — миф, в действительности он верно служил охране. Такова была и точка зрения Столыпина. А.Солженицын не привел достаточного количества аргументов,

³³ Август Четырнадцатого. Том 1, с.89.

³⁴ Там же, с. 125.

³⁵ Norman Stone. The Eastern Front 1914-1917, London, 1975, pp.1, 8, 49.

Генерал Я.Г.Жилинский (1853-1918) был начальником Генштаба, с начала Первой мировой войны командовал Северо-Западным фронтом. Один из виновников поражения русской армии в Восточной Пруссии в 1914 году. — (Прим. ред.)

³⁶ Октябрь Шестнадцатого. Том 2, с.16.

²⁸ В круге первом. Том 2, с.317.

²⁹ Октябрь Шестнадцатого. Том 1, с.332.

³⁰ Там же, с.251.

³¹ Август Четырнадцатого Том 2, с.82-83.

³² Октябрь Шестнадцатого. Том 1, с.224.

разоблачающих «азефовский миф». Он указывает, например, что «в практике эсеров направители и вдохновители всегда присутствуют на месте»³⁷ во время террористических актов, а Азеф находился за границей во время убийства Плеве и Сергея Александровича. Это верно. Но Азеф находился в двух шагах от Бориса Вноровского, бросившего 6 мая 1906 года бомбу под коляску московского генерал-губернатора Дубасова.

Страницы, посвященные Богрову, представляют чрезвычайный интерес потому, что они великолепно написаны и потому, что представляют собой отличный пример работы Солженицына над источниками. Дело Богрова, как известно, сгорело при пожаре Киевского охранного отделения после февраля 1917 года. Сохранились, однако, протоколы допросов самого Богрова, киевских и петербургских жандармов. Сохранились свидетельства тех, кто знал убийцу Столыпина, имеются воспоминания Курлова, Герасимова...

Для портрета Богрова использованы воспоминания анархиста И.Гроссмана-Рошина. У него же взял писатель «остроумие» убийцы³⁸, которое угадывает — каким образом? — в лице человека, подбегавшего к нему для выстрела, Столыпин³⁹. Характер Богрова и «миссия», которую он берет на себя, раскрываются в разговоре будущего убийцы и Егора Лазарева, видного члена партии социалистов-революционеров. Солженицын использует воспоминания Е.Лазарева, но обращается с ними не как историк, а как писатель. Богров объясняет Лазареву, почему он выбрал целью Столыпина: «...Думаю, что он является теперь самой злой фигурой и вождем правительственной реакции»⁴⁰.

Солженицын влагает в уста Богрова слова: «Если можно так выразиться — он слишком хорош для этой страны»⁴¹. Лазареву Богров заявляет: «Я еврей, и позвольте вам напомнить, что мы и до сих пор живем под господством черносотенных вождей»⁴². У Солженицына Богров говорит Лазареву: «Именно потому, что я еврей, я не могу снести, что мы, позвольте вам напомнить, до сих пор живем под господством черносотенных вождей»⁴³.

Знавшие Богрова революционеры объясняли его поступок — убийство Столыпина — желанием искупить грех службы в охранном отделении. В истории русского революционного движения было немало подобных случаев. Богров пришел к Лазареву, добиваясь согласия эсеров принять на свой счет террористический акт, который он готовил. Богров соглашался даже убить кого-нибудь другого: «Пусть партия укажет какое угодно другое лицо»⁴⁴. А.Солженицын настаивает, что Богров хотел обязательно убить Столыпина. Для этого есть основание. Анархист Петр Лятковский, сокамерник Богрова перед казнью, узнал от часового, что, когда Богрова вели на эшафот, он успел сказать: «Самая счастливая минута в моей жизни только и была, когда я узнал, что Столыпин умер»⁴⁵. Подобно другим товарищам Богрова по революционной деятельности, Лятковский объясняет эти слова как выражение удовлетворения удачным террористическим актом, который смыл позор предательства. Для А.Солженицына убийство Столыпина было исходом столкновения светлых и темных сил, причем темные силы воплощал еврей Богров, отвергший Россию. Имеющиеся исторические материалы недостаточны для подобного утверждения.

Писатель и историк Александр Солженицын одновременно восстанавливает прошлое и создает

свой художественный мир, свое представление о прошлом. «Красное колесо» — это одновременно литературное произведение, историческое исследование и размышления на жгучие актуальные темы. Актуальность правды о прошлом не нуждается в доказательствах. Достаточно привести небольшой, красочный пример. Солженицын реабилитирует казненного по лживому обвинению полковника Мясоедова, приводя данные, в частности, о доносе «сукиного сына подпоручика Колаковского»⁴⁶, послужившего основанием для суда и казни. Одновременно с публикацией «Октября Шестнадцатого» в Париже, в Москве появилась книга, в которой говорится о «мужестве, уме и достоинстве русского военного офицера Якова Колаковского...»⁴⁷

Значение «Красного колеса», актуальность эпопеи — в другом. Александр Солженицын демонстрирует необходимость для человека самому делать выбор, свободно решать, как ему жить и как жить стране, дому, в котором он обитает. Автор «Красного колеса» предлагает «среднюю линию» — между левыми и правыми. Политика Столыпина кажется ему идеальной, ибо она была «линией по лезвию»⁴⁸.

Только свободный человек может представлять «элиту», «активное меньшинство». Только «активное меньшинство» может воздействовать на историю. Когда «красное колесо» двинулось, в России не оказалось «активного меньшинства». Что случилось дальше, будет рассказано в следующих «узлах».

«Повествование» о прошлом адресовано в сегодня и завтра: следует понять, что случилось, и понять, что человек должен делать выбор сам. Писатель утверждает верность себе и Дому как подлинные ценности, в отличие от верности режиму или правительству. ■

³⁷ Август Четырнадцатого. Том 2, с.214.

³⁸ И.Гроссман-Рошин. Дмитрий Богров, убийца Столыпина. — «Былое», № 26, 1924.

³⁹ Август Четырнадцатого. Том 2, с.248.

⁴⁰ Егор Лазарев. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. — «Воля России», №№ 8-9, 1926, с.43.

⁴¹ Август Четырнадцатого. Том 2, с.132.

⁴² Егор Лазарев, с.51.

⁴³ Август Четырнадцатого. Том 2, с.132.

⁴⁴ Егор Лазарев, с.47.

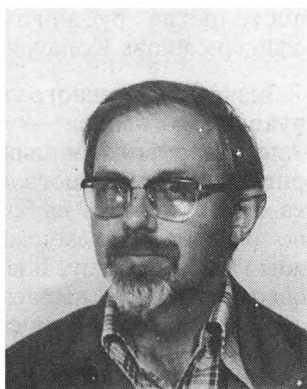
⁴⁵ П.Лятковский. Нечто о Богрове. — «Каторга и ссылка», № 2, 1926, с.44.

⁴⁶ Октябрь Шестнадцатого. Том 2, с.452.

⁴⁷ Александр Горбовский, Юлиан Семенов. Без единого выстрела. Из истории российской военной разведки. М., 1983, с.362.

⁴⁸ Август Четырнадцатого. Том 2, с.537.

«Октябрь Шестнадцатого»

Никита Струве

**Никита Струве —
профессор
русской литературы
Парижского университета,
редактор журнала
«Вестник РХД»,
директор издательства
ИМКА-Пресс.
Среди работ Н.А.Струве
книги
«Les chrétiens en URSS»
(«Христиане в СССР»),
Paris, 1963;
«Ossip Mandelstam»,
Paris, 1982.**

«...роман — единственный становящийся и еще неготовый жанр».

М.Бахтин

«Природу нужно толковать научно, об истории должен говорить поэт».

О.Шпенглер

Нам уже приходилось писать, что Александр Солженицын принадлежит к тем прозаикам, которые не повторяют раз найденную форму выражения, а переходят от одного замысла к другому, развиваясь скачками и обновляя жанр. В этом постоянном самообновлении Солженицын напоминает Гоголя, который был органически чужд самоповторению. Читатели просили еще и еще малороссийских или петербургских повестей, а Гоголь в течение десяти лет тщетно бился, чтобы найти подходящее выражение для грандиозного и так и неосуществленного замысла «Мертвых душ».

Сходный упрек-пожелание часто слышен и по адресу Солженицына: все признают «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор» образцовыми произведениями и недоумевают, почему Солженицын не возвращается к столь удавшейся ему малой форме повествования...

К ряду самоповторных прозаиков, ограничиваясь XX веком, следует отнести В.Набокова, В.Шаламова, из западных — Франсуа Мориака (за что его высмеивал Ж.Бернанос). Устойчивость жанра в пре-

делах творчества писателя не должна непременно засчитываться ему в минус: последнее «пятикнижье» Достоевского устойчиво по форме, в отличие от предшествующих произведений, но ведь найденная им форма — полицейский-философский-христологический роман — была столь ошеломляюще нова, что требовала не одного романического воплощения. Более того, напиши Достоевский только один роман из пяти, то форма как таковая не была бы еще создана.

Еще рано подводить итоги, но пройденный Солженицыным путь можно уже разбить на три (даже четыре) отчетливые ступени: повести и романы конца 50-х — начала 60-х годов, трехтомное художественное исследование, завершившее тему «ГУЛага» и, наконец, начатую 15 лет назад, головокружительную по своему размаху и размеру эпопею о русской революции, «Красное колесо» (мы упоминаем о четвертой ступени, имея в виду стоящие несколько особняком «Очерки литературной жизни», своеобразный не дневник и не воспоминания, а автокомментарий, размышления по горячему следу автора о самом себе, о своей творческой судьбе).

Проза «раннего периода» (если его так можно назвать, Солженицын вступил на литературное поприще в возрасте, когда Гоголь уже погиб, сожженный своими замыслами) с первого взгляда наименее оригинальна. Солженицын пользуется готовой меркой рассказа и романа. Но он вносит в них — выражаясь несколько варварским

языком Бахтина — свой хронотоп, доселе в русской литературе в таком чистом виде не встречавшийся (разве что у Достоевского в «Преступлении и наказании»): строгое ограничение времени и пространства с неперменным прорывом во вне. «Архипелаг ГУЛаг», произведший революцию в западных умах, принес с собой и новый литературный жанр, генезис которого установить трудно: тут и личный опыт, и множественность свидетельств, и историческое исследование с оттенком политического памфлета, и все эти разнородные элементы переплавлены единым авторским стремительным потоком.

Изначальный, но на 30 лет задержанный замысел «Красного колеса» поражает не меньшей новизной. До Солженицына в русской литературе не было еще многосоставных произведений: самым объемным оставалось четырехтомное «Война и мир». На Западе, особенно во Франции, «серийный» роман имел немалый успех и постепенно развивался. Законодателем его был Бальзак, так и не приведший отдельные части «Человеческой комедии» в стройную систему. Затем следует назвать Золя с его историей рода Ругон-Маккаров, Пруста с его «Поисками утраченного времени», Жюль Ромена, Мартена дю Гара и др. Нечто сходное имеется в английской литературе у Тrollope с его очерками политической и церковной жизни. Но очевидно, что замысел Солженицына сложился по внутренним побуждениям, без влияния иноязычных предшественников, которых, кстати, по условиям советской жизни он вряд ли читал.

«Красное колесо» — в формальном отношении представляет собой синтез двух предшествующих видов солженицынского творчества: романов и «Архипелага ГУЛаг».

«Архипелаг ГУЛаг» Солженицын назвал художественным исследованием. «Красное колесо» тоже носит подзаголовок, уточняющий жанр: «Повествование в отмеренных сроках». В эпосе Солженицын сохраняет свой своеобразный хронотоп, правда, в ослабленном виде, поскольку «отмеренные сроки», а соответственно и пространства касаются уже не отдельных лиц, а целой страны; сохраняет классиче-

скую ткань романа — чередование эпизодов с вымышленными лицами, но, в отличие от первых своих книг, вводит большое, все растущее количество исторических лиц и перебивает романическое повествование историческими главами-исследованиями. «Красное колесо» более «романно», чем «Архипелаг ГУЛаг», но еще систематичнее в исследовательском аспекте.

Генезис «Красного колеса»

Генезис «Красного колеса», как мы уже пытались это показать тринадцать лет тому назад¹, восходит через «Войну и мир» к определенному жанру, который мы назовем **историософским** романом. В отличие от исторического романа, который помещает романическую интригу, ради красоты и большей экспрессивности, в отдаленную, чуждую эпоху (скажем, «Саламбо» Флобера), историософский роман имеет дело с недавним прошлым, еще трепещущим в народной памяти, но уже безвозвратным. Вальтер Скотт обратился к роману, когда понял, одновременно с удовлетворением и беспокойством, что некогда своеобразная, яркая, поэтическая, но кровавая Шотландия превратилась за полвека в упорядоченную, гуманную, но пресную страну. Пушкин наблюдал, как падает оплот государственности — дворянство, с его высокими понятиями чести, в то время как народная бунтарская душа продолжает бурлить. В холерных волнениях 30-х годов он расслышал подземный гул, вырвавшийся наружу задолго до того в пугачевщине и угрожающий России в будущем. «Война и мир» написана в годы, когда Россия тронулась с мерзлой точки и поплыла по неведомому назначению: вернувшиеся из 30-летней ссылки декабристы всколыхнули память об ушедшем времени, когда Россия победила Наполеона... Революция 17-го года произвела еще более неисправимый разрыв, обратив прошлое в пепелище и выстроив на нем нечто чудовищно-безобразное. Понять исто-

ки происшедших процессов, воскресить уходящее или уже ушедшее образом и словом, сохранить его для будущего, в надежде предотвратить новые срывы, — такова общая установка Пушкина, Толстого, Солженицына, работавших по свежу, еще заставших свидетелей описываемых им событий. (Пушкин ездил в Оренбург, Толстой жил среди ветеранов Бородинской битвы, Солженицын застал участников не только революции, но и Тамбовского восстания.)

Однако, если угол исторического зрения у всех трех писателей сходен, то соотношение исторического и частного у каждого из них глубоко различно. Пушкин сталкивает на равных началах офицера-дворянина и разбойника-бунтаря, да и скромную капитанскую дочку с величественной Екатериной. Толстой всячески принижает историческую личность и возвеличивает частные судьбы: князь Андрей сильнее, выше бездушно-карикатурного Наполеона. У Солженицына, поскольку можно судить по первым двум узлам, нет ни пушкинского «равенства», ни толстовского нарочитого «неравенства». Соотношение частных и исторических лиц ближе к реальной жизни: люди, играющие роль в истории, значительнее по внутренним качествам или по положению, чем обыватели. Главный герой «Капитанской дочки» — русская душа в трагическом раздвоении гармонии и хаоса. Главный герой Толстого — человек как таковой во всех его возрастах, во всех его преломлениях. У Солженицына главный герой не национальная душа, не человек как таковой, а сама история в ее катастрофической поступи. В «Войне и мире», сообразно названию, история лишь дана для выявления человека. В «Красном колесе» мы имеем обратное: человеческая судьба лишь фон, на котором история разыгрывает свои неумолимые ходы.

Особенности замысла и композиции «Октябрь Шестнадцатого»

«Октябрь Шестнадцатого», второй Узел «Красного колеса», резко отличается от первого Узла

¹ «Спор об "Августе Четырнадцатого"». — «Вестник РСХД», № 104-105, стр. 197-210.

по общему характеру и композиции: насколько первый драматически-интенсивен, настолько второй описательно-созерцателен. Судя по тому, что уже известно, контраст, смена типов, составляет один из композиционных приемов эпопеи, от Узла к Узлу: в отличие от «Августа» и от «Октября», уже оконченный трех- или четырехтомный «Март Семнадцатого» состоит почти целиком из коротких главок, соответствующих бешеному ускорению событий.

«Август», в новой удвоенной редакции, построен вокруг двух трагических вершин: с одной стороны, самоубийство Самсонова, завершающее гибель армии и символизирующее бессмысленное самозаклание — по вине собственной исторической инерции — лучшего, что было в России; с другой, на убийстве Столыпина, завершающем длинную, почти полувековую цепь террористических актов, безумное са-

ставляет читателя затаить дыхание, принадлежат к лучшим страницам русской прозы XX столетия.

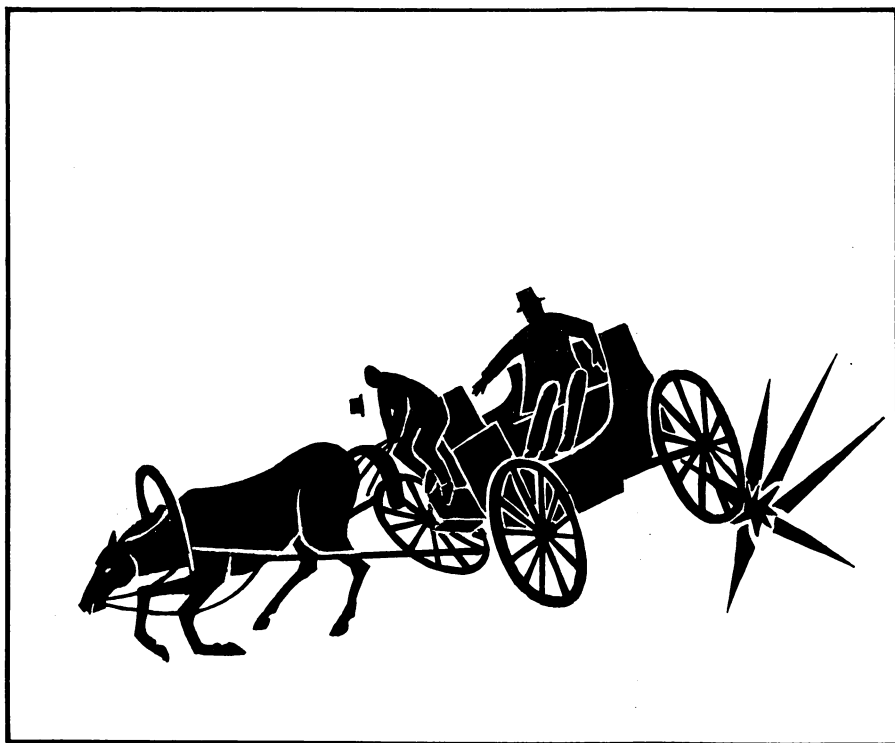
В «Октябре Шестнадцатого» Солженицын отважился на рискованный литературный замысел: написать роман в 1200 уплотненных страниц не только без смертей и крови (анонимные окопные жертвы не в счет), но фактически без заметных происшествий, даже без главного героя². По форме своей «Октябрь» не трагедия, а фреска: последний срез дореволюционной России перед ее сотрясением, последний ее огляд с самых различных точек зрения. Избранный временной срок — с середины октября по 4 ноября — крайне беден историческими событиями, если не считать волнений на Выборгской стороне и знаменитой царевубийственной речи Милюкова «глупость или измена». Если единство времени соблюдено, при нескольких откло-

bove, Цюрихе. Нет соответственно и выхода из строго очерченного и как бы заколдованного пространства. «Октябрь» — повесть о безвыходном положении России, сгусток тяжелой атмосферы последних месяцев кончающегося режима. Выхода нет — возможен только всеобщий взрыв.

Основная сюжетная линия романа, на которую нанизываются другие, проста: полковник Воротынцев, столь дерзновенно неутомимый в «Августе Четырнадцатого», возвращающийся с неподвижного румынского фронта в надежде повлиять на ход событий, нащупать и подготовить заговор, переворот, который привел бы к сепаратному миру, единственному в его глазах спасению России. Но от общей бездейственности, удушливости и безысходности вместо заговора Воротынцев изменяет жене, уходит с головой в страстную любовь и превращается в антигероя.

Наряду с центральной интригой, контрапунктом развивается, длинно или коротко, сжато или развернуто, целый пучок любовных ситуаций: безоблачно счастливый, идеальный, пусть и бездушный, брак инженера Ободовского, несчастная женитьба Гучкова, запутанно-трагический роман Ковынева (по дневникам донского писателя Крюкова, наиболее вероятного автора «Тихого Дона»), садо-мазохистская сцена в крестьянской бане, где Арсений Благодарев бьет свою жену, с ее молчаливого согласия, за небывшую измену, ночные мечтания стареющего Варсонофьева, расчетливо-любовные чувства Ленина к отсутствующей Инессе Арманд и т.д. Все эти эпизоды составляют одно из самых пространственных тематических полей романа и позволяют автору, в последний раз перед революцией, противопоставить давящему концу истории личные судьбы в их неповторимо-индивидуальном преломлении, те страдания, которые человек, по своей воле, в силу своей падшести, сам себе причиняет.

«Нет в мире более больнее семейных, струящая от них — на самом сердце. Пока мы живы — наш удел земной» (т. 2, стр. 577). Острой болью пронизаны все эти личные моменты, как вымышленных,

моистребление и расшатывание изнутри и извне основ государства. Сгущенность трагического элемента, сопряжение кровавой бойни, самоубийства и убийства роднят «Август» с историческими драмами Шекспира. Главы, описывающие верховное предсмертное одиночество «семипудового агнца», или те, в которых автор, воплощаясь то в убийцу, то в жертву, за-

нениях, в ретроспективных главах, то единство места впервые радикально нарушено — действие происходит на румынском фронте, в Москве, Петрограде, Рязани, Там-

² Воскрешая последний 13-й год, Анна Ахматова тоже пишет «Поэму без героя». Там, где «на пороге стоит» историческая «судьба», — герой неуместен.

так и реально существующих героев³.

Предубежденные критики не раз упрекали Солженицына в излишнем догматизме, в том, «что он знает, как надо», но в «Октябре Шестнадцатого» они не найдут подтверждения своему тезису. В нравственной области (как, впрочем, и в общественно-политической, о чем ниже) Солженицын не знает рецептов, скорее наоборот: заключительные слова Узла, произнесенные на исповеди священником, выражают этический апофатизм: «Редко можно за другого определить: «вот так — делай, вот так — не делай». Как велеть тебе «не люби», если сказал Христос: ничего нет выше любви. И не исключил любви — никакой». Смело включая в общую евангельскую заповедь о любви к Богу и ближнему земную плотскую любовь, Солженицын ее возвеличивает, но и утверждает ее подчиненность религиозно-нравственному закону, а тем самым — страданию.

Усиление личной темы объясняется ее обреченностью. Скоро личные судьбы, личные боли будут раздавлены и поглощены всеразрушающим потоком революции.

Роль исторического материала

В авторских заметках к «Октябрю» (т. 2, стр. 587) Солженицын как бы извиняется, что «ради молодых своих соотечественников» он «вынужден был во Втором Узле превзойти ожидаемую для литературного произведения долю исторического материала». Само извинение мне представляется напрасным, а объяснение не убедительным. Усиление исторического материала вызвано не столько заботой о молодом невежественном читателе (всякое произведение всегда пишется впрок, безоглядно), сколько вынужденным отсутствием динамического сюжета. Общественно-политическая панорама уходя-

щей России требовала быть насыщенной историческими мазками, неизбежно влекла за собой повышение информативности. Да и кто определит, какая доля исторического материала допустима в литературном произведении? Такого сплава научно выверенной истории (на неточностях, а тем паче на ошибках Солженицына не поймешь) и художественности мы в русской литературе еще не знали, всегда страдала та или другая сторона, а часто и обе. Высокой художественностью обладает «История Государства Российского», написанная писателем по профессии Н. Карамзиным, но все же она подана в одном ключе, как трактат. Солженицын ближе к древним летописным сводам, к «Повести временных лет», с ее разнородными головами. В зависимости от сюжета, Солженицын по-разному подходит к материалу: в петитных главах, по

«Октябрь Шестнадцатого» только начинает жить в нашем сознании

замыслу необязательных для рядового читателя, но отличающихся высочайшей пробой, он ограничивается тем, что организует документы и факты, дает синтетически уплотненное изображение течений и событий. В главах личностных он восполняет авторским воображением недостающие звенья, угадывает сокровенный образ человека. Таковы на редкость удавшиеся портреты Гучкова или Шляпникова, причем в зависимости от персонажа совершенно меняется характер изложения. Шляпниковская глава написана особым, одновременно синтаксически упрощенным и лексически по-народному расцветным языком. В ленинских главах (уже ранее печатавшихся в книге «Ленин в Цюрихе») поэтическая фикция идет еще дальше и доходит до символического описания: «бегемот» Парвус реальное историческое лицо, но заодно и проекция, фантазм самого Ленина. Так складывается подлинная полифоничность — неизбежный признак удавшегося романа. Политические речи Солженицына приучили нас к образу человека, упрямо вещающего свою правду, невзирая на слушате-

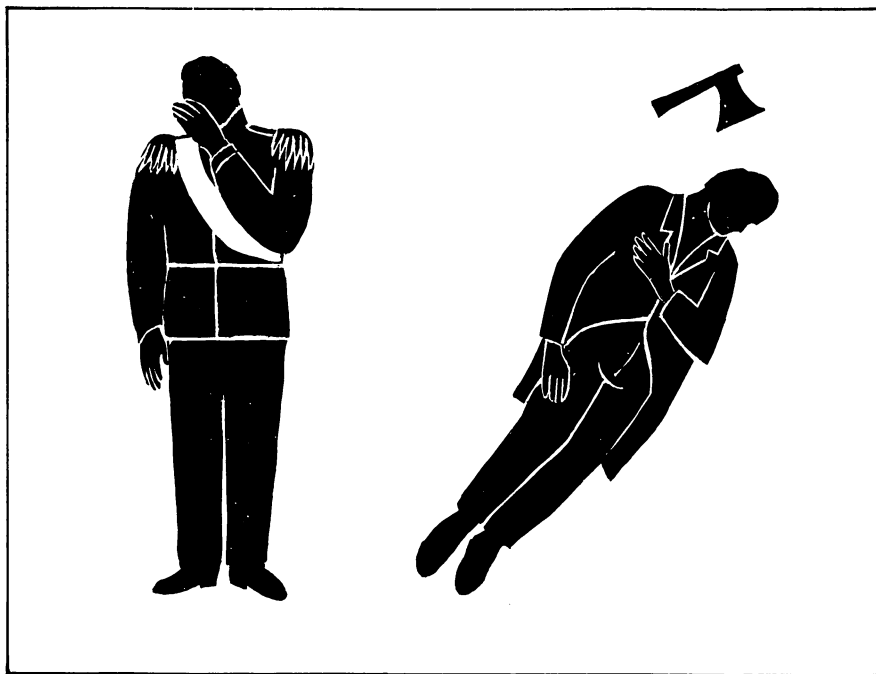
лей: Запад болен эгоизмом, безволием, дряблостью, не способен противостоять темным силам мирового большевизма. Спасение в повороте от скептического релятивизма к вечным и высшим ценностям, от *dolce vita* к мужеству и борьбе. Западная либеральная общественность поспешила записать Солженицына в реакционеры-экстремисты.

Но совсем не реакционером, а тем паче экстремистом предстает Солженицын в «Октябре Шестнадцатого»: верный художественному чутью, он не то чтобы прячется, а естественно растворяется во множественности созданных им образов. Тщетно искать в Узле главных виновников революции: виноваты все. И если уж определять иерархию вины, то наивысшая ответственность падает на царя и царицу.

«Просила общественность — политических уступок, но можно было отпустить хоть царской ласки, хороших слов. (...) все это было у них неискренне? Ну что ж, на то ремесло правления. Нельзя отсекал пути доверия с обществом — все до последнего» (т. 1, стр. 314).

Конечно, тяжелая вина лежит на либеральной общественности, отказом ее от сотрудничества с правительством расшатавшей основы нации; конечно, прямая вина лежит на Ленине и всех тех экстремистах, что без промаха стреляли в русское государство. И, меньше всего, виноват простой народ, хлебопашцы, посланные на избиение в ненужную и плохо подготовленную войну, хотя немало горьких слов рассыпано в книге о русской натуре, неорганизованной, вялой, пассивной. Критики слева должны были бы с удовлетворением отметить, что голос автора, то спрятанный, то слышимый, склоняется к трудно достигаемой в политике **средней точке**. Размышляя о жалкой судьбе кадетского либерализма, Солженицын констатирует: «Труднее всего очерчивать **среднюю** линию общественного развития: не помогаю, как на краях, горло, кулак, бомба, решетка. Средняя линия требует самого большого самообладания, самого твердого мужества, самого расчетливого терпения, самого точного знания» (т. 1, стр. 77-78).

³ Наименее удачным следует признать образ любовницы Воротынцева, Ольги Орестовны Андозерской. В ней не всегда узнаешь русского интеллигента старшего закала, вышедшего из высокой — и в научном, и в нравственном смысле — школы проф. И.Гревса.

Богатство языка

Было бы неправильно закончить эти поневоле отрывочные заметки о новом Узле «Красного колеса», не упомянув о необычайном богатстве заложенного в нем словесного материала. Мы уже говорили выше о том, как меняется стиль повествования в зависимости от жанра главы, от индивидуальных черт описываемого персонажа. Но общее, постоянное в солженицынской речи — энергия синтаксиса, эллиптического до предела, и неутомимая работа над обновлением лексиче-

ских возможностей языка. А непонятным образом, не только консерваторы в искусстве, но и «модернисты», оставшиеся верными несколько уже устаревшим канонам 20-х годов, упрекают Солженицына за насилие над русским языком. Не странно ли? То, что было и осталось похвальным у Белого, Маяковского или Набокова, Солженицыну вменяется в вину. А ведь упомянутые авторы шли от богатства русского языка, а Солженицын идет, как и во многом другом, от мертвой точки, от посеревшей бесцветной речи совет-

ского времени... Мы неоднократно пытались мысленно заменить в тексте Солженицына новообразованные слова более обычными и простыми и всякий раз удостоверяться, что замена, если только была возможна, ослабляла художественную выразительность.

Создавая насыщенный исторический роман-исследование, Солженицын, пожалуй, переоценил способности современного рядового читателя, «глотателя газетных тонн» (М. Цветаева), вдобавок поглощенного телеэкраном. Кому труден глубоко пропаханный язык, кому недосуг углубляться во все подробности русской недавней истории, а кто и просто отнекивается от многодневного, нелегкого чтения. Но смеем заверить читателя, не смеющего приступить к Узлу: труд его будет вознагражден сторицей. Перед его глазами предстанет широчайший обзор социальных слоев бывшей России — от царя до мужика, перед его умом развернутся все насущные общественные, политические, религиозные проблемы дня, он войдет в тесное и живое соприкосновение с несчастными или одержимыми актерами самой роковой из исторических эпох. Отложив книгу, он уже иначе будет смотреть на предреволюционную Россию. «Октябрь Шестнадцатого» только начинает жить в нашем сознании, но, как всякое подлинное произведение искусства, этот Узел призван рано или поздно его существенно изменить. ■

*В следующем номере:
Борис Вайль. Беглые на Западе.*

Запрещенный спектакль о Высоцком

Александр Гершкович

Э тот спектакль, отмеченный печатью мужества не одинокого художника-бунтаря, но целого коллектива актеров, паролем которых было имя Высоцкого, стал, несомненно, одним из замечательных событий свободного русского искусства последних лет.

Сразу после внезапной смерти Высоцкого в июле 1980 года друзья по сцене, во главе с режиссером Любимовым, решили подготовить вечер памяти актера и поэта. В течение года вся труппа, ни у кого не испрашивая разрешения, готовила программу сверх репертуарного плана, отдавая ей много времени и сил. Когда спектакль был готов, министр культуры СССР П. Демичев запретил постановку: идеологическую верхушку пугала популярность Высоцкого в стране. С большим трудом Любимову удалось добиться у тогдашнего председателя КГБ Андропова разрешения играть спектакль два раза в году как вечер памяти поэта — в день его рождения, 25 января, и в день смерти, 25 июля. Но после двух-трех представлений и эта «милость» была отменена.

Серебряные струны

27 июля 1981 года я пришел по приглашению театра на первый дневной просмотр спектакля «Поэт Владимир Высоцкий». В 12 часов у театрального подъезда уже бурлила толпа, сдерживаемая нарядом милиции и дружинников. В зале не только сидеть — стоять уже негде, а публика все увеличивалась. Жаж-

дущие попасть на спектакль провалили контроль и смели контролеров. Начало задерживалось.

Юрий Любимов, нервный и возбужденный, поднялся над своим режиссерским пультом в седьмом ряду партера и обратился к залу с речью. Он говорил нарочито медленно и официально: «Мы устроили просмотр для друзей театра и разослали им пригласительные билеты. А вы заняли их места, устроили толкучку. Пока все, кто не имеет пригласительных билетов, не освободят зал, мы не начнем спектакль. Это безобразие! Это возмутительно! Мы даем не спектакль, а всего лишь генеральную репетицию. Прошу всех без пригласительных билетов покинуть театр».

В зале стало очень тихо, но никто и не подумал уйти. Все понимали, что Любимов говорит «для порядка» и все уладится лучшим образом. «Таганка» на то и «Таганка», чтобы из беспорядка рождался «порядок».

Затемненная сцена. Только пустые ряды стульев на ней — продолжением зрительного зала, — покрытые белым покрывалом, как саваном. Справа молча выходят актеры в обычной уличной одежде. Они снимают покрывало, и оно взмывает вверх, как парус — живой занавес, который впервые был применен в «Гамлете», когда его играл Высоцкий, единственный исполнитель этой роли на «Таганке».

И вот в тишине раздается всем знакомый, хрипловатый голос:

*Александр Гершкович —
литературный
и театральный критик.
Живет в США с 1981 года.
Научный сотрудник
Русского
исследовательского центра
Гарвардского университета.
Автор ряда книг и статей
о русском и венгерском
театре.*

Кто-то плод захотел, что не спел,
что не спел,
Потрусили за ствол — он упал, он упал.
Вот вам песня о том, кто не спел, кто
не спел,
И что голос имел, не узнал, не узнал.

Голос Высоцкого уходит куда-то вдаль, не допев последних двух строк. Сцена освещается, и мы начинаем различать лица молча стоящих актеров: Губенко с гитарой, Демидова с зонтиком из «Вишневого сада», Золотухин, Хмельницкий, Смехов, Филатов, Антипов, Джабраилов, Жукова — все, кто работал и дружил с Высоцким в лучшие годы родной «Таганки». Николай Губенко, не выходя из ряда, читает стихотворение Высоцкого — одно из немногих, не переложенных поэтом на музыку, его «ars poetica», его поэтическое и гражданское кредо.

Я бодрствую, но вещий сон мне снится,
Пилюли пью, надеюсь, что усну.
Не привыкать глотать мне горькую слюну:
Организации, инстанции и лица...
Мне объявили явную войну
За то, что я нарушил тишину,
За то, что я хриплю на всю страну,
Чтоб доказать — я в колесе не спича,
За то, что мне неймется и не спится,
За то, что в передачах «заграница»
Передаст мою блатную «старину»,
Считаю своим долгом извиниться:
— Мы сами, без согласия... — Ну и ну!

Строка, выделенная нами, была пропущена чтецом в качестве уступки цензуре: Высоцкий называет в ней тех, кто объявил ему «явную войну», — «организации, инстанции и лица».

Спектакль-концерт рассказывал о жизни поэта-певца его собственными словами и песнями, любовно отобранными и прокомментированными товарищами по искусству. Представление состояло из пяти частей, связанных воедино главной ролью Высоцкого в театре, — Гамлетом. Фрагменты из «Гамлета» отделялись от других сцен протяжным звуком английского рожка и служили как бы связью времен, историческим фоном, соединявшим прошлое с настоящим. Эти фрагменты вместе с новым, сочиненным в театре текстом, подчеркивали сквозную идею композиции Любимова: жизнь и творчество Высоцкого принадлежит отныне истории в той же мере, что и современности.

Первая часть спектакля рассказывала о месте, которое занимал

Высоцкий в духовной жизни советских людей 60-х — 70-х годов. Кульминацией здесь была песня Булата Окуджавы на смерть Высоцкого, которую исполнял сам автор.

О Володе Высоцком я песню придумать
решил:
Вот еще одному не вернуться назад
из похода.
Говорят, что грешил, что не к сроку
свечу затушил.
Как умел, так и жил, а безгрешных не знает
природа.

В зале слышались рыдания.

Вторая часть посвящалась раннему Высоцкому с его известным циклом так называемых «уличных, блатных» песен. Основным мотивом проходила через всю часть знаменитая песня «У меня гитара есть». Перед зрителем вставала картина жизни и быта первого послевоенного поколения советской молодежи, отбросившей революционную романтику отцов.

«Сегодня в нашей комплексной бригаде, — заводил, утрируя манеру Высоцкого, актер Антипов, — Прошел слухок о бале-маскараде.

Раздали маски кроликов, слонов и алкоголиков,

Назначили все это (дело — вставлял артист от себя, — как положено) в зоосаде».

Эти вольные отступления от текста органично входили в структуру спектакля и как бы иллюстрировали в духе «капустника» образный мир театрального мышления Высоцкого-поэта.

Но посреди этого шумного бесшабашного веселья раздается голос Высоцкого — откуда-то сверху:

Влезли ко мне в душу, рвут ее на части,
Эх, только бы не порвали серебряные
струны.

А действие неудержимо набирает темп. И вот уже Николай Губенко срывается с места и отбивает бешеную четку под слова «А помнишь вечериночки...», а потом Валерий Золотухин звенящим голосом читает:

Так откуда у меня хмурое надбровье,
От каких-таких причин белые вихры?
Мне папаша подарил бычье здоровье
И в головушку вложил не хухры-мухры.

В стихотворении этом автор недоумевает, откуда у него «грубые

замашки»? Вроде бы он родился счастливо, «в сахарной рубашке», и мама его «подпоясала красным кушаком», и все складывалось хорошо и чисто. Петь бы ему про луга и дали, да «не дал Бог голоса, чистого, как серебро». Повзрослел поэт, поседел, но не может избавиться от «хмурого надбровья», и тянет его петь не «про красивое и приятное для всех», а:

Хоть бы раз про главное, хоть бы раз и то,
И кричал со скрипом я, люди не дышали,
И никто не морщился, право же, никто...

В этот момент снова раздается протяжный, как бы из глубины веков, звук пастушьего рожка, которым отделяются современные сцены от литературных, гамлетовских реминисценций. Актеры, не переодеваясь, а лишь изменив осанку и тембр голоса, разыгрывают пародийный диалог на тему «Гамлета», написанный специально для спектакля о Высоцком. Король и придворные обсуждают вопрос о вреде «песенного хулиганства» для воспитания подрастающего поколения; дело, разумеется, происходит в шекспировской Англии.

«Король. — Итак, значит, вы не можете добиться, зачем он (Гамлет) допускает эту блажь, чем взвинчен он, что, не боясь последствий, в душевном буйстве тратит свой покой?

Полоний. — Он сам признался, что не в своей тарелке, но почему-то не хочет говорить... Едва заходит о здоровье речь, он ускользает с хитростью безумца.

Король. — Конечно, зрелому человеку этих песен не надо. Песенное хулиганство, вообще, не безобидно. Это, если хотите, один из способов духовного разложения молодежи.

Полоний. — К сожалению, сейчас они в моде.

Король. — Да, это не просто безобидные песни. Это, если хотите, духовная отравка».

Война Высоцкого

Третья часть представления начинается свистом бомб и мин. Война. Военные песни Высоцкого. Не звоном победных реляций и бодреньких маршей рисуют они войну, но рассказами о тяжком солдатском труде, о фронтовой дружбе,

о гибели друзей. За то и упрекали Высоцкого официальные критики: дескать, он, войну не прошедший, видит ее в слишком мрачном свете.

В самом деле удивительно, как послевоенное поколение советских актеров и режиссеров сумело передать правду сурового времени более остро и волнующе, чем те, кто воевал или хотя бы бывал на фронте, но потом изображал войну напыщенно и лживо, в духе Сергея Бондарчука. Ведь ни Шукшин, ни Андрей Тарковский, ни Лариса Шепитько, ни Борис Плотников (в фильме «Восхождение»), ни В.Ивашов (Алеша из «Баллады о солдате»), ни даже Алексей Баталов — самый старший из них — не воевали, потому что были еще совсем детьми, но именно они создали самые достоверные образы русских солдат. В чем тут секрет?

Белое покрывало распростерлось на сцене, превратив ее в заснеженные поля России с пятнами крови (подсветом) на снегу. Хлопают, как выстрелы, сиденья стульев — единственной декорации на сцене. Художник Д.Боровской с изобретательностью мага превращает подвесной блок зрительских кресел то в неприступную высоту, которую надо взять штурмом, то в белую равнину, то в нейтральную полосу между «запретным» и «дозволенным», на которой растут цветы «необычайной красоты». Из ряда этих жестких кресел поднимаются читать и петь стихи Высоцкого актеры Шаповалов, Смахов, Бортник, Золотухин, Демидова, Губенко.

Завершает эту часть спектакля чтение анкеты, проведенной среди актеров «Таганки» в 1970 году. Высоцкий отвечал на вопросы анкеты так:

«— Какой вопрос вы бы хотели задать самому себе?

— Сколько еще осталось? Лет, месяцев, недель, дней, часов...

— Ваша любимая картина?

— Куинджи, «Лунный свет».

— Любимое музыкальное произведение?

— Шопен, «12-й этюд».

— Ваш любимый цветок?

— Ветка цветущей вишни.

— Любимое выражение?

— Разберемся.

— Ваш любимый актер, фильм?

— Чарли Чаплин, «Огни большого города».

— Ваши отличительные черты?

— Разберутся другие.

— Чего бы вы хотели больше всего?

— Чтобы помнили, чтобы везде пускали...»

Хор на сцене заключает эту последнюю реплику Высоцкого единым вздохом: «Стра-а-шно...» — и выдохом: «аж жуть!...»

Серьезное в этом спектакле-концерте органически переплетается с веселым, карнавалом-шуточным, без чего Высоцкий просто немыслим. Четвертая часть представления — сказочные и иносказательные песни Высоцкого. Подхватив надувных кукол, шаржированные изображения Высоцкого и Любимова, актеры водят хоровод у Лукоморья.

— Там русский дух, там Русью пахнет, — патетически восклицает

Высоцкий — Гамлет с гитарой — снова берет на себя гамлетовскую задачу связать «цепь времен».

под хохот зала Федор Антипов — большой мастер пародировать в своих персонажах «русский дух». Он стоит в обнимку с «дядей Васей» — рабочим сцены, в котором Любимов открыл комедийный дар еще в спектакле «Дом на набережной». Там «дядя Вася» — в качестве актера-миманса — изображал молчаливого безропотного работягу-выпивоху, всегда готового «раздавить на троих». В спектакль о Высоцком «дядя Вася» (жаль, я не запомнил его настоящего имени) в мятой кепке, с папироской в губах, тоже вносил колоритный штрих безыскусственности.

В разгар карнавала высокий борщод Б.Хмельницкий, забросив за плечо художнический шарф, перевоплощался в бродячего актера из «Гамлета». Выйдя на авансцену, он произносил сентенцию, придающую всей сцене у «Лукоморья» неожиданный смысл: «Для одних театр — это искусство, для других — осознанная необходимость. Мы можем сыграть для вас все что хотите: героев и негодяев, наемных убийц, политических интриганов, распутных жен, непорочных дев... Все это, разумеется, за хорошую цену. Все это, разумеется, под знаменем соци-

алистического реализма, для которого существуют (длинная пауза) СПЕЦИАЛЬНЫЕ требования».

Возможно, на других просмотрах актер не произносил слова «социалистический» (в имеющейся у меня магнитофонной записи его уже нет), но оно прозрачно подразумевалось. На «Таганке» иногда делались такого рода уступки цензуре — и зритель легко прощал это любимому театру.

Двойственная роль искусства в обществе, его способность служить и правде, и лжи — одно из удивительных свойств этого вида человеческой деятельности. Актеры и зрители «Таганки» хорошо это усвоили и смеялись не только над теми, кто определял пропорции правды и лжи, но и над самими собой, тоже включившимися в эту вынужденную игру.

Начинается пятая, пожалуй, главная часть спектакля: сегодняшние будни, быт, заботы и тревоги общества «реального социализма». Она открывается песней «Диалог у телевизора». Рабочий Ваня с женой-работницей Зиной после трудового дня «культурненько» проводят дома свой досуг. Она — в бигудях, он, естественно, со стаканом, смотрят по телевизору цирк — клоунов, попугайчиков, акробатиков — и сравнивают то, что происходит на экране, с ситуациями своей собственной жизни.

За их грустно-веселым диалогом следует череда других, не менее ярких сценок, рисующих советский образ жизни. Очень натурально проигрывают актеры Ф.Антипов и Р.Джабраилов популярный сюжет о двух алкоголиках (песня «Чему нас учит семья и школа»). И вдруг снова в этот бытовой пласт спектакля врывается чья-то тревожная фраза, звучащая как будто диссонансом в жанровой сценке. Может, эту фразу произнес Высоцкий, может, кто-то другой — неважно. Важно, что она произнесена:

«Мы не знаем, что происходит и что нам делать дальше. Мы знаем только то, что нам говорят, а это немного. И все это, вдобавок, насколько мне известно, неправда».

В зале аплодисменты.

Юмористический рассказ об инсультке в райкоме партии, перед поездкой рабочего Коли в болгарско-польский город Будапешт, за-

Милые, зачем вы ропшете,
Все мы пассажиры в этом обществе,
Все живем, билеты отрывая,
Все по жизни едем мы трамваем.

— Строгости ввели, стесняющие граждан, — упавшим голосом отвечает Р.Джабраилов».

Протопи ты мне баньку по-белому,
Я от белого света отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Раньше мы были марксисты: песенные связи двух социализмов

(Окончание)

Владимир Фрумкин

**Владимир Фрумкин —
музыковед.
Автор книг и статей
о симфонизме,
о взаимоотношениях
поэзии и музыки,
о советской песне —
официальной
и неподцензурной,
в том числе книги
«Булат Окуджава, 65 песен»
(Ann Arbor, "Ardis", 1980).
С 1974 года
живет в США,
преподает
в Оберлин-колледже
(Огайо).**

В это же время советские пионеры запели русскую версию (вольный перевод М.Светлова, музыкальная обработка А.Давиденко), где маленький трубач превратился в маленького барабанщика («Мы шли под грохот канонады, Мы смерти смотрели в лицо»). Несколько лет этот лирико-героический марш широко пелся в обеих странах во всех трех версиях. В 1933 году замолчал немецко-коммунистический вариант, в мае 1945-го — национал-социалистический.

Общей нацистско-коммунистической песней оказался на некоторое время и священный для марксистов «Интернационал». В начале 30-х берлинские штурмовики часто выходили на улицы города с пением... «Гитлернационала».

Еще одна перелетная птичка: тирольская патриотическая песня 1844 года "Zu Mantua in Bänden". Нацисты пели ее в оригинале, немецкие коммунисты — в своем варианте ("Dem Morgenrot entgegen"), а советские люди — в том же варианте, переведенном А.Безыменским: «Вперед, заре навстречу» («Молодая гвардия», 1922).

Попадали ли в фашистский репертуар русские песни, созданные в советское время?

Всё выше...

Несколько лет назад я смотрел документальный фильм «Триумф воли», созданный талантливой фавориткой Гитлера Лени Рифенштайл (о всегерманском съезде

национал-социалистов в Нюрнберге, 1934 год). Смотрел — и слушал. Самодовольные голоса ораторов, гром аплодисментов, ликующие крики толпы, сольное и коллективное скандирование стихов и клятв, дробь барабанов, звенящая медь фанфар... И марши, парад маршей, медленных, умеренных и быстрых, со словами и без. Среди них была и тупая солдафонская обработка темы Вагнера из «Гибели богов»... А это что? Возможно ли?

«Всё выше, выше и выше...» Наш советский «Авиамарш», сопровождающий идиллическую картину: утро в вермахте, упитанные солдаты делают зарядку, умываются, бреются, играет духовой оркестр, и слышен хор: "Und höher, und höher, und höher". С тех пор и началась моя охота за мелодиями-оборотнями...

«Авиамарш» был написан в 1920 году в Киеве авторами-эстрадниками — поэтом Павлом Германом и композитором Юлием Хайтом.

К середине 20-х годов «Авиамарш» запела вся страна. Его первая строчка «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» стала крылатым выражением, а начальные слова припева «Всё выше» приобрели значение девиза... 7 августа 1933 года газеты напечатали приказ Реввоенсовета СССР: «Установить авиационным маршем ВВС РККА "Всё выше!"»¹.

¹ М.И.Зильбербрандт. Песня на эстраде. — В кн. «Русская советская эстрада», М., 1976, с. 210.

Советский автор ничего не говорит о том, что официальному признанию «Авиамарша» предшествовало несколько лет яростной травли. Левацкий РАПМ (Российская Ассоциация Пролетарских Музыкантов) требовал запретить песню — за возмутительные интонационные связи: ее запев (если его замедлить) напоминает русский старинный романс, а припев — совсем уж классово чуждую заграничную шансонетку. Между тем, подозрительный марш без всяких помех пелся в Германии, очевидно, с 1928 года. Коммунисты довольно близко следовали русскому оригиналу:

Мы рождены, чтобы совершать подвиги,
Чтобы преодолеть пространство и
вселенную...
(и т.д.)

Припев:

Поэтому — выше! Выше! И выше!
Мы поднимаемся вопреки ненависти
и насмешке.
И каждый пропеллер поет, гудя:
Мы защищаем Советский Союз.

Интерпретация фашистов более самостоятельна:

Идите в бой, вы, рыцари машин,
Сражайтесь против колонии рабов,
Разве вы не слышите призыва совести,
Не слышите бури, которая кричала вам его
/призыв/ в уши?

Припев (у нацистов он имел не одну, а две строфы):

Так вверх, навстречу солнцу,
С нами идет новое время,
Когда все в отчаянии — со сжатыми
кулаками
Мы готовы ко всему.

И выше, и выше, и выше,
Мы поднимаемся вопреки ненависти
и запрету.
И каждый член СА смело кричит:
«Хайль Гитлер!»
Мы опрокидываем еврейский трон.

По серым улицам мятеж промчится скоро,
Мы последние часовые свободы.
Пусть никогда больше не роскошествуют
бонзы;
Пролетарии! Боритесь с нами за свободу
и хлеб!

/Припев/

Берите судьбу в собственные руки.
Коричневое войско немецкой революции
Одним твердым ударом покончит
с угнетением,
Покончит с еврейской тиранией.

/Припев/

Марш советских ВВС (точнее — его упругая, летящая мелодия) причастен к рождению еще одной песни нацизма. Исходный мотив знаменитой «Дрожат одряхлевшие кости», написанной 18-летним Гансом Бауманом в 1932 году, почти нота в ноту совпадает с началом припева «Авиамарша».

Есть, однако, между этими двумя песнями, кроме интонационного, и другое, более существенное родство. Обе наполнены безоглядной верой в беспредельные возможности воли, в обеих звучит дерзкий вызов заскорузлomu мировому порядку, играет молодая сила, очищенная от эмоций, от старомодной, мягкотелой человечности.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор.
.....
Наш каждый нерв решимостью одет.

/П.Герман/

Мы победили страх,
И это была великая победа.
Мы будем шагать дальше,
Когда всё распадётся в прах.

.....
И лежит после битвы в обломках
Весь мир, весь мир.
Пускай! Сам черт нам не страшен,
Мы заново построим его!
Ты, знамя свободы, лети!

/Г.Бауман/

Две строчки в тексте Баумана вносят, правда, некоторый диссонанс: «Сегодня мы взяли Германию, Завтра возьмем весь мир!» (В более точном переводе: «Сегодня нам принадлежит — gehört uns — Германия, А завтра — весь мир!»). Я не припомню, чтобы советская риторика позволяла себе так прямо выставлять столь далеко простирающиеся претензии и аппетиты. Нацистская риторика тоже вроде бы хотела звучать более респектабельно: при издании песни в сборниках "gehört uns" заменили на "da hört uns" (нас слышит) — по соображениям тактики². По тем же соображениям следующую песенку времен борьбы за власть и вовсе перестали печатать:

Точите длинные ножи
О камни городов!

Пусть эти длинные ножи
Вонзятся в плоть жидов.

Пусть кровь течет рекой...

/и т.д./

Но и после 1933 года — как ни старались мастера национал-социалистического реализма умирить пыл и выражаться поблагоднее, бредовая людоедская суть «движения» вылезала то тут, то там. То ли дело:

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.

/Анатолий д'Актиль/

Или:

Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли!

/Василий Лебедев-Кумач/

Что и говорить — за редкими исключениями (кое-что в языке дореволюционного подполья, периода Гражданской войны, 20-х и 30-х годов), словесное облачение советской классовой утопии выглядит привлекательнее, травояднее фразеологии германского расового мифа. Пассажи типа «Завтра возьмем весь мир!» миру не понравились. Национал-социалистические гимны, захлебнувшиеся в 1945-м, пали жертвой своей же оголтелости. В Германию (по крайней мере, в восточную ее часть) вернулись их заклятые сородичи, гимны социалистические:

«После Второй мировой войны боевой марш Л.П.Ради́на в вольном немецком переводе Германа Шерхена стал одним из самых популярных партийных гимнов Социалистической единой партии Германии. В Германской Демократической Республике он поется на всех партийных съездах»³.

О том, что этот гимн входил в обиход известнейших песен национал-социализма, в СССР и ГДР предпочитают не говорить. Вольфганг Штайниц, музыковед и бывший член правительства ГДР (выступивший, как мне сказал В.Карбусицкий, против постройки Берлинской стены), написал только о двух общих песнях: «Ты погиб не напрасно», заимствованной коммунистами у нацистов, и «Маленький трубач», заметив в связи с последней, что нацисты пе-

² V.Karbusicky, op. cit., S. 115.

³ «Биография песен», с. 88.

реняли у коммунистов «много других песен»⁴.

В Западной Германии о песенном обмене между немецкими коммунистами и фашистами основательно и интересно написал Владимир Карбусицкий — в цитированной выше книге. Выступил на эту тему и Александр фон Борман в сборнике 1976 года «Немецкая литература в Третьем рейхе».

По его мнению, «красно-коричневые соответствия в песнях ничего не говорят о тождественности идеологий или систем власти, а разве что о сходстве песенной ситуации: речь идет о песнях общественных групп», и эти песни «формируют и отражают идеалистически-воинственное самосознание» каждой группы. При этом «боевая песня, независимо от ее направления, строится из формул», которые заполняются ее, группы, «опытом и убеждением. Такую песню, как «Свобода или смерть» путем малозначительных вариаций можно повернуть в лю-

бую желательную сторону». Все же использование нацистами «центральных социалистических песен затрагивает деликатный вопрос и не может быть объяснено только как оппортунизм или манипуляция (ловля голосов избирателей)». Объяснение Борман дает такое: первоначально в нацистском движении были антикапиталистические элементы и идеализм — как и в социалистическом движении. И надо твердо помнить, «что одно дело, если свобода и хлеб для миллионов служат боевым лозунгом для самоопределения трудящегося класса, и другое дело, если они служат призывом преданно покориться фюреру». И вообще — «доктрина о тоталитаризме (уравнивание фашизма и социализма)» есть не что иное, как порождение «холодной войны»⁵.

Е.Г.Эткинд, сравнивая (в книге о советской поэзии, вышедшей в ФРГ) советские и немецко-коммунистические стихи и песни 30-х годов с национал-социалистическими, приходит к другому выводу: «глубокие аналогии», «людоедские режимы обоих тоталитаризмов

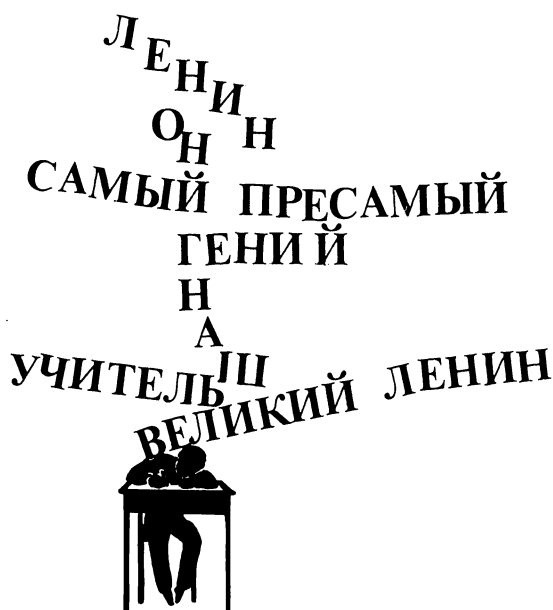
странно походят друг на друга»⁶.

Среди сотрудников музыкальных архивов и библиотек Западной Германии, где я вел свои поиски, точка зрения Бормана была популярнее точки зрения Эткинда. К моей теме там относились обычно без энтузиазма. Тем не менее, материалы по музыкальной истории нацизма мне выдали и даже помогли их обрабатывать. В стране самоопределившегося трудящегося класса мой родственник Сеня Рогинский за интерес к архивным материалам по истории советского социализма получил 4 года лагерей. Я не стал рассказывать об этом моим либеральным немецким коллегам. В конце концов, не они повинны в наших бедах. К тому же, вели они себя по отношению ко мне и моим розыскам, при всей их скошенности влево, как вполне цивилизованные люди: толерантно, демократично, вежливо. В лучших буржуазных традициях. И я им искренне за это благодарен. ■

⁴ Wolfgang Steinitz. Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten. Band 2, Akademie-Verlag, Berlin, 1962, S. 545.

⁵ Alexander von Borman, op. cit., S. 264, 267.

⁶ Efim Etkind. Russische Lyrik von der Oktoberrevolution bis zur Gegenwart. Versuch einer Darstellung. München, 1984, S. 131-132.

ПОЧТИ ЧТО ЮМОР

Детям о Ленине

«Проводится словарная работа, во избежание повторений учащиеся подбирают синонимические ряды:

В.И. Ленин, великий вождь и учитель, гениальный вождь, Владимир Ильич, дорогой Ильич, мудрый вождь, наш любимый вождь, наш Ильич, гений человечества, вождь революции, вождь Октября, самый человеческий человек.

Затем учащиеся по плану вновь рассказывают о мудром вожде и учителе».

(Журнал «Русский язык в школе»,
1984, № 2, стр. 33)

Мартин Малия. К пониманию русской революции. Перевод с французского Е.С.Терновского. Overseas Publications Interchange LTD, London, 1985.

Лекции профессора университета в Беркли (США) Мартина Малия «К пониманию русской революции», прочитанные в Париже и опубликованные впервые на французском языке пять лет назад, — важная веха в изучении происхождения и судьбы революции в России. Автор рассматривает сначала различные интерпретации русской революции и сопутствующие им модели революции, из которых он выделяет три главных — либеральную, марксистскую и консервативную — и показывает недостаточность всех трех для понимания русской революции. Он сравнивает также западноевропейские революции (английскую и французскую) и немецкий эволюционный путь, где соседствовали и революционная теория Маркса и консервативная политика Бисмарка. Но прежде всего Малия определяет само понятие революции. Революция, в европейском понимании, является бунтом против установленного порядка ценностей, порождающим перемещение власти. Русские, по мнению Малия, были ближе всего к немецкой модели и унаследовали теорию от Маркса и консервативную политику от Бисмарка — плюс к этому усвоили опыт французской революции. Но, конечно, русское гражданское общество XIX века резко отличалось от западноевропейского, в основном, тем, что в середине XIX века народ состоял полностью из крестьянства. Интеллигенция, созревшая под влиянием революции 1848 года, верила в возможность повторения революции 1789 года и в то, что эта вторая революция примет всенародный характер. Наблюдение профессора Малия весьма существен-

но для понимания того, что произошло в России. Вера во всеочищающий и всепожирающий огонь революции была распространена не только среди народных масс, она была как бы идеологическим обоснованием террора. Те же самые или сходные идеи мы определенно находим у русских социал-демократов раннеревolutionного периода с их верой в непрерывность революции и страхом перед термидорианским перерождением. Малия считает — и не без основания, — что «в противоположность тому, что говорил Ленин, в России в XIX веке не было революционной ситуации, но лишь возможность бунта». Но в то же время уже сформировалась интеллигентская идеология, краеугольным камнем которой и была необходимость русского всенародного 1789 года.

В отличие от широко распространенного мнения, что освобождение крестьян в России было продиктовано нерентабельностью труда крепостных, Малия считает определяющим моментом политический: боязнь новой пугачевщины, страх перед бунтом. К слову сказать, экономический детерминизм, особенно глубоко выраженный в марксистско-ленинских теориях и получивший карикатурное, но логическое толкование в словах Никиты Хрущева («хлеб вкуснее есть с маслом»), немало способствовал распространению неверных и, как подтвердила история, опасных взглядов, умалявших роль гражданского общества в исторической судьбе России.

Можно вполне согласиться с мнением историков, среди которых следует упомянуть автора рецензируемой книги и профессора Марка Раева, что такие реформы, как земская и судебная, вкупе с развитием интеллигенции создали определенные предпосылки для быстрой эволюции и укрепления гражданского общества в России. Но в то же время идеи перемен в форме всепогло-

щающей революции быстро распространяются на фоне неспособности старого режима преодолеть инерционные силы, а также слабости гражданского общества, находящегося в процессе становления.

Профессор Малия четко различает два периода революционного процесса в России: первый — с 1904 по 1917 год, когда развитие шло по европейскому образцу со схожей расстановкой политических сил и с двумя «маленькими Бисмарками» — Витте и Столыпиным, у которых «не оказалось своего Вильгельма II, то есть правителя, способного понять их и поддержать». Второй период — это 1917-1918 годы, когда русский революционный процесс «искривляется» и создается исторически совершенно непредвиденное «идеократическое, тоталитарное, бюрократическое государство». Подробно анализируя оба периода, автор приходит к выводу, что в первом периоде выявилась невозможность либерального разрешения назревавшего революционного кризиса, да и консервативные силы тоже оказались неспособны решить проблему по прусскому образцу. Переломным моментом автор считает 1912 год, когда народные массы отворачиваются от либералов и начинают следовать за радикальными партиями. К началу Первой мировой войны Россия оказывается в тупике. Во время войны страна быстро движется к катастрофе: ни либеральные, ни консервативные силы, ни монархия не могут приостановить этого движения, развивавшегося со все большим ускорением. Автор высказывает интересную мысль о том, что, в конечном счете, революция 1917 года была политической, поскольку все проблемы обострились в связи с войной и сконцентрировались вокруг нее. Демократизация армии и управления страной, осуществляемая в короткий период, ведет к распаду армии, к двоевластию, а фактически к параличу вла-

сти. Спорной представляется трактовка автором Октябрьского переворота: «Перед нами — попросту разложение общества, в котором некая политическая группа, большевики, ведут странную и нелепую политику в условиях всеобщей анархии. В этом-то беспорядке группа большевиков проникает в Зимний дворец и в октябре захватывает власть».

В этом анализе следовало бы, пожалуй, больше сказать о ничем не ограниченном и подталкиваемом развитии событий намерении Ленина захватить власть. Оно не было секретом, и, несмотря на многочисленные «но», Ленину удалось убедить своих ближайших сподвижников в необходимости захвата власти. И она оказалась в руках немногочисленной партии быстро и сравнительно легко. Два главных лозунга, сформулированных Лениным — «мир» и «земля крестьянам», — решили дело во всероссийском масштабе. Профессор Малия прав, когда говорит, что большевистская партия, которой в первые месяцы после революции не противостояла никакая реальная политическая сила, быстро заполнила собой политический вакуум, избавившись от своих союзников первых месяцев революции — левых эсеров — и установила невиданный до тех пор в истории новый тип государства. Малия называет его «Партия-Государство». Террор становится изначальным средством создания нового типа государства — социалистического. 1918 год, когда все элементы новой большевистской власти начинают взаимодействовать в новом Левиафане, становится подлинным годом социальной революции, во время которой начинается физическое уничтожение общественных классов дореволюционной России. Мартин Малия не случайно заканчивает свою книгу главой о происхождении сталинизма или, как он пишет, победе идеократической бюрократии. Торжество сталинизма связано с ликвидацией последнего общественного класса, оставшегося в наследство от старой России, — крестьянства. Параллельно уничтожаются и кадры старой большевистской партии. Происходит утверждение нового типа государства — общества, освобожденного, скажем мы, от самого важного элемента своего прошлого, — исторической памяти.

Книга Малия заканчивается вопросом, вокруг которого не умолкают споры: может ли советский режим эволюционировать? И он отвечает на этот вопрос вполне определенно: «Коренное улучшение или перемены внутри такой системы невозможны. По ту сторону социализма нет решительно ничего». Но советское общество нуждается и всегда будет нуждаться в цели уже после того, как «Сортир выстроен» (Александр Зиновьев). Эта цель — внешняя экспансия.

Особенность книги профессора Малия заключается в том, что это собрание мыслей, исторических обобщений, которые позволяют лучше увидеть и понять мир вообще, советский мир и исторический путь от России к Советскому Союзу. ■

А. Некрич
Бостон

В.Г.Короленко в годы революции и Гражданской войны. 1917-1921. Биографическая хроника. Составил П.И.Негретов. Под редакцией А.В.Храбровицкого. Chalidze Publications, Benson, 1985.

Тем, кто задумывается о русских писателях, чья жизнь была исковеркана или пресечена советской властью, сразу вспоминаются имена Блока, Мандельштама, Платонова, Цветаевой, Пастернака, Зощенко, Ахматовой — список без труда можно продолжить, — но мало кому придет в голову имя Владимира Короленко. Наше сознание почти механически относит его творчество к эпохе «серебряного» XIX века, и имя, звучавшее некогда как символ русской совести, оказывается незаслуженно забытым. Биографическая хроника «В.Г.Короленко в годы революции и гражданской войны» проливает неожиданный свет на судьбу человека, ставшего после смерти Толстого во главе русской литературы, на судьбу одного из первых наших «инакомыслящих».

Основное достоинство книги — в ее бесстрастной документальности. Это тот случай, когда факты настолько красноречивы, что не нуждаются в дополнительном обрамлении. Книгу составили дневниковые записи, отрывки из писем Короленко, из его статей, выступлений, записок. День за днем прослеживается мучительный процесс пятилетнего «хождения по мукам» — процесс, начавшийся для Короленко тем исконно российским прекраснотворением, той почти наивной доверчивостью, что была свойственна лучшей части нашей интеллигенции: «Как всегда, я верю в жизнь, но думаю, что вблизи времена тяжелые и трудные... Надо их как-нибудь пережить. А там опять наладится, и что бы ни наступило, все-таки это будет уже новое. Той установившейся, прочной гнусности, которая называется теперь старым режимом, — уже не будет», — пишет он в августе 1917 года. Но время неумолимо сталкивает Короленко с реальностью новой, Октябрьской революции, и он не отворачивает лица, не закрывает глаза, но реагирует на разразившуюся катастрофу с редким бесстрашием. В ноябре 1917 года в письме к дочери он говорит о том, что удаляется от всякой

борьбы, занимается отныне только «Историей моего современника». Он не выполнил этого намерения: многочисленные примеры хроники иллюстрируют, что вся жизнь Короленко этого периода стала одним напряженным усилием противопоставить ужасу бессудных расправ, зверств и казней вечную правду добра и человечности, одним долгим старанием спасти, уберечь, помочь. Каждым выступлением, каждым письмом он доказывал полную невозможность для себя каких бы то ни было компромиссов: «У души должен быть скелет, не дающий ей гнуться при всяком давлении, придающий ей устойчивость и силу в действии и противодействии». Эта бескомпромиссность нередко оборачивалась прямой жертвенностью — стареющий писатель ни разу не воспользовался предлагаемыми ему льготами, не согласился ни на одно предложение нового правительства, ни разу не пожалел себя. «Насколько мой слабый голос будет в силах, я до последнего дыхания не перестану протестовать против бессудных расстрелов и против детоубийства». Те, в защиту прав и жизни которых он выступал, звали его отцом, потом, когда он состарился и одряхлел — «дедушкой». «Ко мне ворвался юноша, точно пьяный. «Дедушка, дедушка...» Из его бессвязного рассказа я понял, что его брат спасен от казни не без некоторого моего участия...» — записывает он в дневнике 11 декабря 1920 года.

В письмах и публицистических выступлениях Короленко поражает его умение понять суть происходящего. Он проницателен и справедлив в своих оценках и суждениях. Анализ событий, заключенный в шести письмах Короленко к Луначарскому, и сегодня удивляет емкостью и подлинно пророческой глубиной. В 1921 году он одним из первых поднял свой голос против «раскулачивания». В письме Горькому в 1921 году, рассуждая о причинах постигшего Россию голода, он пишет: «Нужно отказаться от так называемого раскулачивания». А его последнее письмо к Луначарскому, датированное 22 сентября 1920 года, заканчивается призывом вернуться к свободе и риторическим вопросом: «Но... возможно ли это для вас? Не поздно ли, если бы вы даже захотели это сделать?»

Читая хронику последних пяти лет жизни Короленко, мы как бы становимся свидетелями процесса физического разрушения человека, которого невозможно было сломить нравственно, свидетелями медленного, но неуклонного умертвления человека — системой. «Одно время я не выходил из чрезвычайки. Представьте себе, как на нервного человека должна действовать необходимость сообщать женам о том, что мужья уже расстреляны...» — пишет он в письме от 21 мая 1921 года.

Судьба литературного наследия Короленко оказалась печальной и очень типичной. Издавались и переиздавались лишь его литературные произведения и дореволюционная публицистика, все произведения писателя периода революции и гражданской войны остаются вот уже больше полувека неизвестными гражданам его страны. Они недоступны даже специалистам, так как находятся в советских архивах на секретном хранении. Значение книги, составленной П.И. Негретовым под редакцией А.В. Храбровицкого, несомненно: она — в своей беспристрастной фактической документальности — восстанавливает подлинный облик Владимира Галактионовича Короленко и воссоздает историю времени. ■

Ирина Муравьева
Бостон

Donald Shanor. Behind the Lines. The Private War against Soviet Censorship (Дональд Шэнор. За линией фронта. Индивидуальная борьба с советской цензурой). New York, St. Martin Press, 1985.

Книга Дональда Шэнора, известного журналиста, директора международного отдела Высшей школы журналистики Колумбийского университета, не о цензуре, как можно было бы заключить из подзаголовка. Она о том, как население Советского Союза преодолевает почти тотальный контроль над информацией, который автор справедливо считает одним из трех основных инструментов советской диктатуры, наряду с партийной монополией и тайной полицией.

В основе книги — личные впечатления автора от поездок в СССР, 150 интервью, проведенные им с эмигрантами и советскими людьми, и несколько десятков ответов на анкету. Хотя здесь нет ни одной сноски на первоисточники, работа Шэнора рождает ощущение полной достоверности. Это результат и осведомленности автора, и точности его оценок, и чувства юмора. Так, неофициальный поток информации, который успешно заменяет и дополняет официальные «медиа», Шэнор называет «университетом миллионов», используя заголовок одной из самых пропагандистских телепередач.

Автор описывает деятельность советских средств массовой информации как части пропагандистской машины и части номенклатуры (глава «Великая иллюзия»). Перед читателем возникает поистине кафкианская картина Нового Информационного Порядка, направленного на подмену информации пропагандой. Шэнор иллюстрирует эту мысль выразительным примером — анализирует и сравнивает публикации

в советской и западной прессе в дни международных кризисов, связанных с советской агрессией в Венгрии (1956 г.) и Афганистане (1979 г.).

Глава «Уникальная форма общественного мнения» посвящена письмам трудящихся в газеты и различные организации. Поток их огромен — только ЦК партии получает три миллиона писем в год, однако Шэнор не обманывается насчет истинного эффекта этих писем: он пишет о том, что наиболее критические из них попадают в КГБ и даже иногда предъявляются авторам в ходе судебных процессов или допросов. В этой же главе дается представление о социологических исследованиях общественного мнения в СССР, и это вполне логично: не случайно ведь на советском телевидении есть отдел «Писем и социологических исследований». По мнению автора, общественное мнение в СССР существует лишь в форме, организованной властями, и потому никак не отражает реальных настроений в стране.

Среди неофициальных средств информации Шэнор подчеркивает важную роль передач «Голоса Америки» и других западных радиостанций — об этом убедительно свидетельствуют результаты опросов. К сожалению, здесь непропорциональное внимание уделено внутренним конфликтам на радиостанциях, что не имеет прямого отношения к теме книги и объясняется, скорее всего, отсутствием другого материала у автора.

В эту же систему «подпольного телеграфа» включаются слухи, анекдоты и такая сравнительно новая форма обмена информацией, как письма из-за рубежа и за рубеж. По некоторым данным, в 1983 году циркуляция таких писем между СССР и США достигла 12,2 миллионов (десять лет назад число писем равнялось миллиону). Об информационно-пропагандистской роли писем и посылок, отправляемых в СССР, лучше всего свидетельствует постоянная кампания советской пропаганды на этот счет.

Автор справедливо замечает, что неофициальные потоки информации затрагивают лишь определенную часть городского населения. Провинциальная публика, в особенности жители деревень, является благодарным объектом советской пропаганды и верит в большинство пропагандистских мифов — например, убеждены в агрессивности Америки. Вполне реалистично оценивает Шэнор также и роль «диссидентской сети» — из полноводной речки начала 70-х годов этот источник информации превратился, усилиями КГБ, в маленький ручеек.

В заключительной главе автор ставит один из самых актуальных вопросов последнего времени: какую роль в распространении информации могут сыграть такие технические новинки, как

видеокассеты и личные компьютеры, или прямая телевизионная трансляция. По мнению некоторых специалистов, внедрение их в СССР может подорвать партийную монополию на средства массовой информации. Каким образом советские власти собираются бороться с этим пока еще неведомым врагом, покажет будущее. Впрочем, не очень отдаленное. ■

Валерий Головской
Нью-Йорк

Валентин Распутин. Пожар. «Наш современник», 1985, № 8.

В последней повести Валентина Распутина, как и следует из ее названия, действительно бушует пожар — горят продовольственные и промтоварные склады в леспрохозовском поселке на Ангаре. Событие традиционно опасное для места с деревянными домами, и на помощь спешат весь поселок. Впрочем, жители не столько спасают добро, сколько тащат к себе невиданные, никогда не бывавшие в магазинах дефицитные товары — либо просто напиваются даровой водкой. Не обходится и без жертв — гибнут один из мародеров и сторож, пытавшийся остановить его. Но вовсе не один только реальный, конкретный пожар составляет содержание повести. Не случайно герой ее, пожилой шофер Иван Петрович, слыша крики «пожар», воспринимает их в чисто метафорическом плане: «До того было муторно и угарно на душе у Ивана Петровича, что почудилось, будто крики идут из него».

Сполохи пожара безжалостно высвечивают картины жизни в приангарском леспрохозе, поселке бивуачного типа, куда перебрались много лет назад жители затопленной деревни (здесь слышится перекичка с «Матерой»). Поселок этот — не город и не деревня, а люди, населяющие его, не пахнут и не строят — они не созидатели, а разрушители: валят лес, безрассудно, жестоко, соображаясь единственно с планом. И Иван Матвеевич, пытающийся доискаться до причин всего этого странного, выморочного, нелюдского существования, кричит начальнику участка, толкующему о плане: «Да лучше б мы без него жили! Лучше б мы другой план завели — не на одни только кубометры, а на души! Чтоб учитывалось, сколько душ к черту-дьяволу перешло и сколько осталось». Довольно мистическое это высказывание имеет совершенно конкретный смысл: поселковый учитель занимается подсчетами, сколько за последние четыре года — по сравнению с военным временем — погибло народу в поселке не своей смертью. «Не своей смертью, — поясняет автор,

— это значит пьяная стрельба, поножовщина, утонувшие и замерзшие, задавленные на лесосеках по своему ли, по чужому ли недосмотру. И разница вышла небольшая». Удивляться ли этой статистике, если начальник участка сам возит работягам водку — чтоб добиться выполнения того же плана...

«Не стоит село без праведника» — гласит русское присловье. Но в описываемом Распутиным леспромхозе праведник, в лучшем случае, ни к чему, ни к селу, ни к городу, в худшем — не по масштабам опасен и потому сподручнее всего его убрать. Иван Петрович, типичный правдоискатель, который «только и делал, что не сворачивал с правды и дела», несколько раз оказывается чуть ли не на грани смерти. А главное, он и сам уже начинает сомне-

ваться в верности своих моральных принципов.

Жизнь, предстоящая в повести Распутина, начисто лишена каких бы то ни было нравственных основ. В ней нет ни традиций, ни веры, ни хотя бы простого хозяйского расчета. Нет в ней и разницы между добром и злом, между хорошим и плохим человеком. Границы расплывчаты, стерты. Этой размытостью нравственности — ставшей, пожалуй, главной проблемой сегодняшней советской литературы в ее лучших проявлениях — Распутин посвятил страницу размышлений, которые хочется цитировать целиком. Четок, как приговор, вывод автора: «Добро и зло перемешались. Добро в чистом виде превратилось в слабость, зло в силу». Отсюда — то «страшное разорение», которое

ощущает в себе распутинский герой. Оказавшись в разладе со всем окружающим его миром, он не может доискаться до правды ни вокруг себя, ни внутри себя и отчетливо понимает одно: «Они не правы, и он, говорящий, что они не правы, держащийся правды как закона, — и он не прав».

Кто прав — на это повесть ответа не дает. Да и задач таких перед собой автор, похоже, не ставил. Вся его небольшая повесть звучит как отчаянный крик о помощи, раздавшийся посреди пожара, который губит все живое. Крик, отклика на который ждать бессмысленно и поздно. ■

Елена Гессен
Бостон

ПОЧТИ ЧТО ЮМОР

Орудием убеждения

Книга — огромная сила.

В.И. Ленин

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК

1. Так как я речь свою читал по рукописи с очень небольшими дополнениями, то, вместо исправления стенограммы, препровождаю ту рукопись, по которой я читал.

2. Работа стенографисток протекала в очень трудных условиях. Целый ряд реплик отмечен, но отмечены далеко не все. Возможно, что стенографистки избегали записи некоторых реплик из чувства брезгливости. Я ни в каком случае не могу им поставить это в вину. В стенограмме не указано также, что с трибуны Президиума мне систематически мешали говорить. Не указано, что с этой трибуны брошен был в меня стакан (говорят, что т. Кубяком). В стенограмме не указано, что один из участников Объединенного Пленума пытался за руку стащить меня с трибуны, и пр. и пр.

3. Первая моя речь в защиту предложения о постановке в порядок дня особым пунктом вопроса о врангелевском офицере и военном заговоре изъята из стенограммы особым постановлением Пленума. Вследствие этого в стенограммах Пленума окажется незаписанным тот факт, что член Президиума ЦКК, т. Ярославский, во время моей речи бросил в меня томом контрольных цифр. Морально-политический смысл этого факта особенно подчеркивается тем обстоятельством, что рабочего-партийца за резкое слово в ячейке во время прений исключают из партии, тогда как один из организаторов и руководителей этих исключений считает возможным в высшем органе партии, на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК, прибегать к методам, которые иначе никак нельзя назвать, как фашистски-хулиганскими.

4. Во время речи т. Бухарина, в ответ на реплику с моей стороны,

т. Шверник также бросил в меня книгой. Т. Шверник — бывший секретарь ЦК, ныне руководитель уральской организации партии. Надеюсь, что его подвиг будет закреплен в стенограмме.

5. Ни один из указанных выше хулиганских поступков (Ярославского, Шверника, Кубяка и многих других) не встретил даже и тени осуждения со стороны Президиума.

Вот почему нельзя рассматривать разыгравшиеся на Объединенном Пленуме сцены иначе, как директивные указания наиболее ответственного органа всем партийным организациям относительно того, какими методами надлежит проводить предсездовскую дискуссию.

Л. ТРОЦКИЙ

24 октября 1927 г.

Отряды еврейской самообороны на Украине в начале 20-х годов

Эти документы повествуют о трагической судьбе евреев в годы Гражданской войны. Они неизвестны советскому читателю и, надо полагать, подавляющему большинству исследователей истории этого периода. Документы рассказывают также об организации еврейской вооруженной самообороны, возникшей в связи с волной погромов и насилий над мирным еврейским населением в местах его компактного проживания¹.

Проблема самообороны оставалась актуальной и после установления советской власти. Без отрядов самообороны оказалось невозможно справиться с массовым бандитизмом, захлестнувшим Украину и принявшим форму зоологического антисемитизма. Формирование отрядов местной еврейской самообороны советские власти вынуждены были разрешить, но попытки руководителей и активистов самообороны развернуть национально-культурную работу на местах решительно пресекались.

В начале октября 1917 года в Киев с фронтов и из внутренних

военных округов съезжались делегаты на Конференцию представителей Союза евреев-воинов. На повестке дня конференции, которая открылась 10 октября 1917 года, стояли весьма важные общеполитические и национальные вопросы, волновавшие еврейские массы: отношение к Временному правительству, отношение к Советам и революционной демократии, отношение к Палестине и сионизму, борьба с антисемитизмом и погромами.

В телеграмме, направленной Временному правительству 11 октября 1917 года, Президиум конференции подчеркивал, что конференция собралась «в тяжелый для Родины час» и что ее делегаты выражают «свою полную готовность всемерно поддерживать Временное правительство Российской республики в его усилиях защитить страну и в его борьбе с контрреволюцией». Далее в телеграмме говорилось, что солдаты-евреи «видят, что только свободная Россия может дать всем народностям, ее населяющим, возможность полного национального самоопределения».

В обращении к ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов конференция отметила свою веру в то, что Советы будут «неукоснительно проводить в жизнь провозглашенный ими принцип самоопределения народов».

При обсуждении вопроса об антисемитизме все делегаты бы-

ли едины во мнении, что антисемитизм есть «явление, грозящее внести смуту и анархию в России». Исходя из этого, Конференция отметила необходимость самой энергичной и решительной борьбы с антисемитизмом и недостаточность принимаемых революционной демократией мер.

В связи с этим и возникла мысль о необходимости самообороны. Делегат Ниренберг заявил, что «власть бессильна и никаких гарантий к защите еврейских прав и жизни дать не может. Центральная Рада в борьбе с погромами бессильна, Красная Гвардия не гарантирует действительной защиты, ибо и в Красной Гвардии развивается антисемитизм. Необходимо энергично реагировать, говорил Ниренберг, на каждое покушение на национальную честь — этому научил евреев 1905 год². Ниренберг настаивал на необходимости организации еврейской самообороны «в самых максимальных размерах».

Оратор призвал координировать действия еврейской само-

¹ Образнее всего это требование отразилось в выступлении одного из делегатов конференции, о которой речь ниже. Этот оратор заявил: «Нас били, бьют и будут бить, и никто, кроме нас самих, нас не защитит». — См. Протоколы заседания «Конференции представителей союза евреев-воинов». — Материалы Архива Черикова № 1616—1656.

² Во время первой русской революции 1905-1907 гг. по России прокатилась волна еврейских погромов, во время которых погибло около 4000 человек, а свыше 10000 было ранено. В ответ на это во многих местах были созданы дружины самообороны, которые мужественно выступали против погромщиков. (Подробнее см. «Материалы для истории еврейских погромов в России», т. 1, Пг., 1925).

обороны с действиями российской революционной демократии. Инициативу в деле создания еврейской самообороны должны взять на себя отделения Всероссийского союза воинов-евреев. Он предложил также направить Временному правительству телеграмму протеста против погромов и указать в этой телеграмме на настоятельную необходимость немедленного формирования отрядов самообороны.

В том же духе выступают и другие делегаты.

Резолюция конференции призывает «организовать еврейскую самооборону для борьбы с усиливавшейся погромной волной и поручает комиссии выработку специального устава еврейской самообороны»³. Решения конференции встретили поддержку в действующей армии. В резолюциях, принятых на общих собраниях и конференциях солдат-евреев XI армии, 5-го Сибирского Армейского корпуса, 10-й и 12-й пехотных дивизий, 38-го Тобольского и 224-го Юхновского полков подчеркивалось, что «чинимые над еврейским народом насилия являются позорным пятном Великой Русской Революции». В них содержалось требование сформировать из тыловых частей дружины, состоящие из солдат-евреев и представителей других наций, сочувствующих идее обороны беззачинных еврейских масс от погромов.

Большое возмущение и тревогу солдат-евреев, служивших в войсках Юго-Западного фронта, вызвало решение украинской Центральной Рады украинизировать части русской армии, в которых украинцы составляли большинство. Под этим предлогом солдаты-евреи исключались из этих частей. Комитет Союза евреев-воинов 5-го Сибирского армейского корпуса обсуждал этот вопрос 12 ноября 1917 года и охарактеризовал действия Рады как «факт антидемократический и противоречащий принципам националь-

ной терпимости, неоднократно провозглашенным Украинской Радой». Евреи-солдаты XI армии потребовали формирования отдельных еврейских полков и батальонов. Это требование поддержали большевистские организации армии⁴.

Однако ход событий не благоприятствовал осуществлению решений еврейских военных организаций. Произошел Октябрьский переворот и вслед за ним официальное отделение Украины от России. Рада стянула к Киеву свои силы, заняла город и объявила себя высшей властью на Украине. 20 ноября была провозглашена Украинская Народная республика. Еврейские воинские организации еще продолжали по инерции функционировать, но уже во второй половине декабря по мере развала фронта они прекратили свое существование.

В феврале 1918 года Украина была оккупирована германской армией. Центральная Рада была разогнана. Верховным правителем Украины немцы назначили генерала Скоропадского. В течение всего 1918 года в условиях германской оккупации еврейские погромы на Украине, по-видимому, пошли на убыль. Однако в ноябре 1918 года в Германии произошла революция и немецкие войска покинули Украину. Страна оказалась во власти петлюровских отрядов. Вновь запалили еврейские местечки. Весной 1919 года часть территории Украины была захвачена деникинцами, которые также громили еврейское население.

Перед нами выразительный документ — Обращение Всеукраинского Центрального комитета помощи еврейскому населению, пострадавшему от военных действий, к парламентам и правительствам стран Европы и Америки, к еврейским общинам и общественности обоих континентов по поводу погромов на Украине. Документ составлен 23 февраля 1920 года. Вот что в нем говорится: «...Уже два года, и особенно с декабря 1918 года, украинское еврейство переживает перманентный погром, учиня-

емый в первое время петлюровскими частями, затем разными бандами и особенно деникинскими частями. Мечу и огню преданы еврейские селения. Зверски истреблено, вплоть до расстрела из пулеметов, мирное еврейское население, дети, женщины, старики часто поголовно вырезаны. Все, не успевшие бежать или укрыться. Такие города, как... Житомир, Балта, Фастов, Черкассы... Тростянец, Златополь, Умань, Гайсин, Теплик и много других по несколько раз (текст этой фразы отпечатан нечетко. — Прим. авт.). В таких местечках, как Печера Подольской губ., вырезано все еврейское население; в Тростянце той же губернии все мужское еврейское население без различия возраста с холодной обдуманностью было собрано в одно место, заранее для него вырыта громадная яма в 35 аршин длины, и затем все оно истреблено гранатами, ружьями, топорами и пиками при невероятных издевательствах, такие случаи исчисляются многими десятками. В потрясающем по числу убитых и изнасилованных, поджогами и жестокостям мучителей погроме в Фастове (сентябрь 1919 г.) были случаи сожжения евреев живыми. Топили евреев-пассажиров на пароходах (пароходы «Казак», «Барон Гинцбург» — весной 1919 года, «Вильно» — октябрь 1919 года), выбрасывали из поездов на ходу и тут же приканчивали.

Совершались гнусные насилия над женщинами, неслыханные пытки, убивали больных в больницах, не давали хоронить жертвы резни, которых грызли собаки на улице, а во многих случаях громили хоронили евреев живыми, расхищалось, увозилось и уничтожалось еврейское имущество, орудия труда, до одежды и обуви на теле включительно, огню предавались еврейские жилища. Все еврейское население оказалось, особенно в ставшие столь частыми моменты чередования властей и безвластия, вне законов человеческого и нравственного. Много городов и особенно местечек переживают погром по несколько раз, учиненные регулярными петлюровскими, деникинскими

³ См. Протоколы заседания «Конференции представителей союзов евреев-воинов». — Архив Черикова № 1656-1661.

⁴ См. Архив Черикова № 2006-2007.

частями и разными бандами (Житомир 2 раза — петлюровскими частями, Черкассы 3 — 1 раз бандами Григорьева и 2 раза деникинскими частями, Фастов 6 — все деникинскими частями, Умань — 3, Радомысль — 7, Черняхов — 11... Овруч, Смела, ...Сметанцы, Чернобыль, Гомостайполь, Богуслав — бандами и деникинскими частями). Даже в Киеве, в центре Украины, на глазах у высших Добровольческих властей, полторастоты тысячное еврейское население было передано в дни 14-19 октября 1919 года на поток и разграбление. Размеры бедствия не поддаются описанию. Уже зарегистрировано свыше 2000 погромов в более чем 600 разгромленных в своей исключительно еврейской части пунктах, свыше 100 тысяч зверски замученных, десятки тысяч изнасилованных женщин, без пощады возраста, на глазах родных и близких. Еще большее число раненых и увечных, и совершенно не поддается учету число вдов, сирот, до глараз разоренных людей, доведенных до нищенской суммы, составляющей большую часть всего еврейского населения Украины. Много еврейских местечек сравнены с землею, подавляющая часть остальных мелких пунктов со-

вершенно вымерла, оставлена случайно уцелевшим еврейским населением, спасшимся бегством в более крупные пункты, образуя здесь грандиозные очаги заразы: в одном Киеве свыше пятидесяти тысяч погромленных беженцев, почти поголовно охваченных эпидемией тифа.

Сведения эти нами собраны после тщательного обследования всех пунктов Украины, с которыми установлена связь...

В местах, находящихся во власти Добровольцев или захваченных бандами, погромы не прекращаются. Уцелевшая часть украинского еврейства представляет собой затравленную массу, в ужасе мятущуюся, ищущую спасения в непрерывном бегстве с одного места на другое... жертвами голода и тифа, вымирают десятками тысяч, и мы не можем ни помочь, ни облегчить. В общежитиях, домах и на кладбищах масса трупов, ожидающих очереди быть преданными земле.

Помощь, оказываемая Красным Крестом и государством, не может быть достаточной при непрерывном масштабе народного бедствия, при ужасающей разрухе всей жизни кругом... Двухмиллионное украинское ев-

рейство вымирает, и гибель его при настоящих условиях неминуема. Нет слов для выражения негодования и возмущения против кровавого разгула, поставившего все украинское еврейство на край бездны, сметающего все остатки человечности и культуры. Поднимая ныне свой голос, Всеукраинский комитет помощи еврейскому населению... заявляет, что только героические меры, крайнее напряжение всех сил еврейства могут спасти оставшихся от неминуемой гибели...»⁵

На защиту еврейского населения от банд встали организованные мирными жителями отряды самообороны.

Публикуемые документы дают представление об истории возникновения еврейской самообороны и ее действиях. Документы почерпнуты из архива историка Элиа Черикова (1881-1943), хранящиеся ныне в Институте диаспоры Тель-Авивского университета. В воспроизводимых документах сохранены их орфография и пунктуация.

**Х.Левуш
Израиль**

⁵ См. Архив Черикова № 3557-3559.

I

Из материалов, полученных от
К-та еврейских делегаций в
Париже

Поступило в дело
6 августа 1921 года

Копенгаген, 4 сентября 1919 г.
Послу Украинской
Народной Республики
господину д-ру Левицкому
Копенгаген.

Многоуважаемый господин посол!

Ваше почтенное от 23 августа (письмо), равно как и копию Вашей телеграммы к Министру Иностранных Дел, я третьего дня получил. Выражая Вам благодарность за Ваши старания, я должен к сожалению констатировать, что Ваша телеграмма к Министру Иностран-

ных Дел не имеет того характера, который я вправе был ожидать после нашей беседы. Я, конечно, не сомневаюсь в том, что Вы имели целью правильно информировать Директорию и Правительство Украинской Народной республики о настроении еврейства в Западной Европе и Америке и найти пути для дальнейшего мирного сожительства украинского и еврейского народов; тем не менее, я нахожу, что Ваше письмо далеко не достаточно и поэтому не достигает своей цели.

Если Вы помните, я Вам во время нашей беседы предложил довести до сведения вашего правительства следующее:

1) Что евреи Западной Европы и Америки глубоко потрясены и возмущены погромами и резней, которые были учинены — с одной стороны, — украинским войском, находящимся под верховным коман-

дованием члена Директории Атамана Петлюры, а с другой стороны — партизанами.

2) Что все кровавые события на Украине поневоле связываются с именем Верховного Главнокомандующего Атамана Петлюры, и на него возлагается ответственность за них, хотя и нет прямых доказательств того, что партизанские военные части находятся в какой-либо связи с ним.

3) Что в руках еврейских организаций находятся оригиналы приказов украинских комендантов и комиссаров, покровительствовавших открытой погромной агитации, равно как и статистические данные о разгромленных городах и точное число жертв погромов.

4) Что опубликование этих материалов в Западной Европе и Америке вызвано катастрофическим положением евреев на Украине и ни в коем случае не означает аги-

тации против украинских национальных стремлений или Украинской Народной Республики, как таковой.

Для решительной борьбы с погромами было бы крайне необходимо, чтобы, как я Вам уже сказал, Директория и Правительство приняли следующие меры:

1) Немедленно предать Военному Суду всех зачинщиков и участников погромов;

2) Начать судебное следствие против следующих атаманов и командиров: Козырь-Зицько, Палиенко, Сподкевича, Ясинюка, Струка, Соколовского, Воленца, Зеленого, Самосенко, Gawriségko (?), Григорьева, Махно, Рядоченко, Щербиника, учинивших погромы, и немедленно их арестовать.

3) Образовать Особые Следственные Комиссии с участием Еврейского Национального Секретариата и Еврейского Национального Собрания на Украине. Эти следственные комиссии должны иметь самые широкие полномочия.

4) Правительство Украинской Народной Республики должно возместить все убытки еврейского населения, причиненные погромами. Кроме того, в распоряжение Центрального Еврейского Комитета помощи в Киеве должна быть представлена большая сумма для оказания немедленной помощи жертвам погромов.

Правительство должно заявить, что оно готово пустить на Украину Комиссии западно-европейских и американских евреев и обеспечить им поездку туда.

Все эти мероприятия абсолютно необходимы для того, чтобы было возможно восстановить украинско-еврейские отношения, которые были в начале российской революции. Свою волю и намерение бороться с погромами Украинское Правительство должно проявить до того ясно и недвусмысленно, чтобы могли быть исключены всякие подозрительность и недоверие. Размер несчастья, причиненного еврейскому населению Украины частью украинского войска требует соответствующих немедленных всесторонних мер и недвусмысленных заявлений и действий со стороны правительства.

Я надеюсь, многоуважаемый Господин Посол, что Вы доведете до сведения Вашего правительства все вышеупомянутое, и остаюсь

С совершенным почтением
М.Гросман
Член Еврейского
Национального Совета
на Украине

II

Из материалов, полученных от К-та еврейских делегаций в Париже

Поступило в редакцию
в августе 1921 г.
Чрезвычайная Дипломатическая
Миссия Украинской Народной
Республики в Дании Копенгаген
№ 317 6 сент. 1919 г.

Гоподину Мееру Гроссману
Члену Еврейского Национально-
го Совета и Ц.Б. Сионистской орга-
низации на Украине, проживаю-
щему временно в Копенгагене.

В ответ на Ваше почтенное от 4 сентября (письмо) имею честь сообщить Вам следующее. Вы пишете, что моя телеграмма Министру Иностранных Дел Украинской Народной Республики не имела того содержания, которого Вы ожидали после нашей беседы и выставляете целый ряд пожеланий о мерах воздействия в виде пунктов 1-6, которые Вы хотели бы видеть в содержании моего обращения к Правительству и которые Правительство Украинской Народной Республики должно принять в целях успокоения еврейского населения. Из приложенных к моему письму копий заявления моего правительства, равно как и из текста содержания заявлений, опубликованных в прессе, видно, что Ваши пожелания в отношении еврейского вопроса на Украине исполнены моим правительством еще ранее получения Вашего письма, что видно из следующего:

К п.п. 1 и 4. Вы требуете немедленной передачи зачинщиков и участников еврейских погромов Военному Суду и образования при Военном министерстве и Министерстве Народного просвещения специальных отделов для борьбы с погромами. Это уже давно сделано. В официальном сообщении украинского бюро печати в Берлине от 25 марта сего года приводится следующее заявление моего правительства:

«Благодаря принятым нами мерам, таким как образование особых судов, строжайшее наказание виновных, особые военные меры, обращение к массам через плакаты, воззвания и т.д., Украинскому Правительству давно уже удалось восстановить порядок и спокойствие.

Одним из лучших воззваний является воззвание Председателя Директории Украинской Народной Республики Семена Петлюры, переданное 20 августа по радио из

Каменец-Подольска. Копию этого воззвания я Вам прислал.

Вы требуете наказания 14-ти атаманов и командиров, имена которых Вы приводите. Многие из них мне неизвестны, неизвестны мне также и те взаимоотношения, в которых они находятся или находились с моим Правительством. Те же, которых я по имени знаю, а именно: Струк, Соколовский, Воленец, Зеленый, Григорьев и Махно — совершенно самостоятельны и мое правительство не может перенять на себя ответственность за них. Приведенные Вами имена являются лучшим доказательством того, что мое правительство не несет моральной ответственности за погромы на Украине, что, следовательно, видимо соответствует правительственному утверждению о том, что погромы устроены темными реакционными элементами вследствие совершеннейшего хаоса, образовавшегося в результате большевистского режима. Несмотря на это я убежден, что мое Правительство, соответственно своему сообщению от 25 августа сего года привлекает к ответу и наказывает всех виновных независимо от их социального положения, поскольку они будут в пределах досягаемости правительства и если суд признает их виновными.

К п.п. 3 и 6. Вы требуете образования следственной комиссии и заявления правительства, что оно готово впустить на Украину Западно-Европейскую и Американскую комиссии, которым должно быть гарантировано свободное перемещение по пределам Украины. Это уже сделано. Когда находящийся за границей Министр Иностранных Дел Украинской Народной Республики г-н Владимир Тельницкий узнал о еврейских погромах на Украине, он немедленно обратился к нашей делегации при Мирной Конференции в Париже с предложением, чтобы она сама (делегация) пригласила на Украину западно-европейские и американские комиссии для производства следствия о еврейских погромах, так как он уверен, что наше правительство в этих погромах совершенно не виновато.

5. Вы требуете возмещения всех причиненных погромами убытков и, кроме того, представления в распоряжение Центрального Еврейского Комитета помощи в Киеве известной суммы для оказания немедленной помощи жертвам погромов. Вторая половина этого требования уже удовлетворена. Мое правительство до сих пор истратило на эту цель около 20 миллионов карбованцев. Деньги отдавались

местным комитетам, а не Киевскому Комитету, так как Киев занят украинскими войсками только в последние дни. Я ручаюсь, что мое правительство, во имя гуманности, и в Киеве примет меры, чтобы оказать помощь еврейскому населению, пострадавшему от погромов. Что же касается вопроса об убытках, то мое правительство не может считать себя обязанным их возмещать. Такая обязанность не вытекает ни из принципов международного права, ни государственного, ни частного, тем более, что большая часть погромов произошла вне пределов территории, на которую пока распространяется власть моего нового правительства. На эти погромы приходится смотреть как на «*Force majeure*» [стихийное бедствие], поэтому мое правительство за них не ответственно. Тем не менее я убежден, что мое правительство со своей стороны и впредь будет делать все возможное для облегчения участи несчастных жертв.

Из вышеприведенного Вы видите, что законное правительство Украинской Народной Республики по мере возможностей провело в жизнь все то, что составляет предмет ваших пожеланий. Из приложенных копий вы также увидите, что в той части территории, которая находится во власти моего правительства и которая расширяется с каждым днем, царят полный порядок и спокойствие, и что еврейское население идет рука об руку с украинским и даже образует особые добровольческие дружины для борьбы за освобождение Украины.

Украинский народ, который первый в мире провозгласил национально-персональную автономию для евреев, живущих на Украине, не поддается всякого рода провокациям и не оставит пути, по которому он пошел, пути обеспечения прав еврейской нации. Он только желает, чтобы как украинское, так и заграничное еврейство помогло ему в освободительной борьбе до достижения полной государственной независимости, равно как и при строительстве государства. Копию Вашего письма ко мне я препровождаю моему правительству. Я позволяю себе надеяться, что Вы, как официальный представитель национальных еврейских организаций на Украине, приложите все усилия к тому, чтобы разъяснить еврейским организациям и общественному мнению за границей, что погромы на Украине были устроены темными и реакционными элементами, являющимися врагами украинцев в их стрем-

лении к воссозданию своей государственности.

Прошу Вас принять уверение в совершеннейшем моем почтении.

Д-р Дмитрий Левицкий.
Председатель Чрезвычайной
Дипломатической миссии
Украинской Народной Республики
в Копенгагене
P.S. Я согласен на то, чтобы настоящее письмо было опубликовано.

Д-р Левицкий

III

Поступило 30 марта
1920 г.

ВОЗЗВАНИЕ ВИДНЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, УЧЕНЫХ И ПОЛИТИКОВ ПРОТИВ ПОГРОМОВ

К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Во имя человеческой совести, во имя нравственной ответственности всякого человека по отношению к другим людям, мы, нижеподписавшиеся, взываем ко всем народам мира, а в особенности к французскому народу.

Из Восточной Европы — из Украины, Польши, Литвы, Галиции к нам доносится крик ужаса и мучительной боли: целый народ в отчаянии взывает о помощи.

Евреи, живущие в Восточной Европе уже много столетий, сделались невинными жертвами национальных, политических и социальных столкновений.

Соревнования и притязания народов, правительств и партий, весь кровавый ужас гражданских войн, с преступной жестокостью вымещают на несчастном еврейском меньшинстве.

В Бессарабии, занятой румынскими войсками, военные власти допускают гнусные покушения против евреев. В Восточной Галиции волна погромов последовала за польским нашествием и достигла своего апогея во Львове. Ужасы Пинска, Лиды и Вильны прибавили новую страницу ... (Отточиями в документах обозначены места, оставшиеся непонятыми вследствие крайне низкого качества машинописи. — Прим. ред.) и крови к трагической летописи еврейского народа.

Свыше ста городов на Украине пережили ужасающие погромы, и десятки тысяч еврейских жизней

погибли. Воскресли ужасы дней инквизиции, так как резня сопровождается жестоким мучительством и тяжелейшими нравственными и физическими пытками. В Проскурове были замучены тысячи евреев, в Фелинштах (Фильцштын), в Житомире, Балте, Умани, ... Китайгороде, Пирятине и т.д. количество жертв огромное.

Погромы на Украине еще продолжают и угрожают евреям новым истреблением. Миллионы мужчин, женщин и детей переживают невыразимые страдания и находятся без защиты во власти смерти и ... То немногое, что евреям оставила война, теперь систематически уничтожается и разрушается. Целый народ находится в опасности ... это в совершенной, культурной Европе, на заре новой эры, от которой весь мир ожидает хартию свободы и справедливости. Подобные преступления позорят не только те народы, которые их совершают, они оскорбляют разум и совесть всего человечества.

Нижеподписавшиеся обращаются ко всем народам мира и взывают к ним: поднимите свой голос против неслыханных преступлений, жертвой которых перед лицом земли и неба является целый народ.

Необходима повсеместная организация комитетов защиты евреев Восточной Европы и объединение этих комитетов для быстрого и энергичного выступления против угнетателей. Необходимо властное воздействие общественного мнения и мира путем массового протеста, путем выявления могучего голоса вполне и точно осведомленной печати.

Пусть народные представители во всех парламентах мира поднимут свой голос против этих кровавых преступлений. На свободных народах и их ответственных правительствах лежит обязанность положить конец чудовищному нарушению прав человека.

Мы требуем немедленной организации комитетов защиты против преследований, комитетов, снабженных авторитетом, соответствующим их высокой миссии. Миллионы угнетенных евреев не имеют другого якоря спасения, кроме сознания нравственной солидарности культурного мира, и их единственная и последняя надежда — священное право всякого человека на жизнь и свободу.

Подписи:

Анатоль Франс; Поль Апполь, член Академии; А. Олар, профессор; Анри Барбюс; Шарль Бернар, член палаты депутатов; Эмиль Комб, се-

натор, бывший председатель совета министров; Мишель Корде; Л.Диспан-де-Флеран, профессор; Жорж Дюгамель; Шарль Жид, профессор; Фердинанд Герольд,

вице-председатель «Лиги прав человека»; Густав Эрве; Л.Лапик, профессор; Ф.Ларнод, декан юридического факультета Парижского университета; Эбнест Лависс,

член Академии; Виктор Маргерит; М.Менар-Дориан; Пьер Милль; Гольфрад Мона, пастор; Де-Монзи, член палаты депутатов, бывший член кабинета министров.

IV

ВЕДОМОСТЬ О САМООБОРОНАХ НА УКРАИНЕ

№№ по порядку	Название городов и местечек, где имеется самооборона	Когда организована самооборона	Количество самооборонцев	Количество еврейского населения	Имеются ли беженцы и с каких погромленных пунктов	Пережитые погромы и количество жертв
1.	Тараща	Октябре 1920 г.	750	8 000	Беженцы со всего уезда. Все местечки уничтожены. В последнее время восстанавливаются благодаря организации там самооборон.	Пережито. Много погромленных, несколько сот жертв.
2.	Ракитино	Сентябре 1920 г.	295	1 200	Беженцы из Синявы, Олышаницы, Телешовки и др.	Несколько погромов, около 50 жертв.
3.	Богуслав	25 декабря 1919 г.	1 100	20 000	Беженцы из Медвина, Рассани, Кагарлыка, Таганчи и др.	Многочисленные погромы, около ста жертв.
4.	Корсунь	В 1918 г.	360	3 000	Беженцы из Таганчи.	4 погрома, много жертв.
5.	Стеблев	В октябре 1918 г.	250	1 500	Беженцы из Медвина и Таганчи.	Несколько погром. Жертв — 70 человек.
6.	Чехдеровка	В феврале 1921 г.	110	650	— — — — —	До организации самообороны местечко было разгромлено — жертв 10 человек.
7.	Звенигородка	В августе 1921 г.	1 000	12 000	Беженцы из сел уезда около 2 000 человек.	Несколько погромов. Жертв 25 человек.
8.	Шполя	В декабре 1919 г.	1 000	10 000	Беженцы из Городища, Лебедина, Матусова, Низовки и друг.	Несколько погромов, жертв 25 человек.
9.	Тальное	Августе 1921 г.	800	8 000	Беженцы из сел и местечек Дубово, Иваньки и друг.	Несколько погромов, около 80 жертв.
10.	Лысянка	Июле 1921 г.	180	1 000	—	Несколько погром. больше 100 жертв.
11.	Рыжановка	Октяб. 1921 г.	180	1 000	—	Несколько погром. несколько жертв.
12.	Виноград	Октябрь 1921 г.	150	800	—	Несколько погромов, около 300 жертв.
13.	Екатеринополь	В апреле 1921 г.	227	1 200	—	Много погромов 45 жертв.

14.	Ольшани	Февраль 1919 г.	175	2 000	Беженцы из Таганчи и Городища.	Несколько погромов, несколько жертв.
15.	Переяслав	В июле 1921 г.	600	5 000	Беженцы из уезда.	Несколько погромов, около 80 жертв.
16.	Канев	Декабре 1920 г.	400	2 500	Беженцы около 300 человек из Степанцев.	Несколько погромов, около 20 жертв.
17.	Ржищев	1920 г.	250	1 000	Беженцы из Екатеринослава.	Несколько погромов, много жертв.
18.	Черкассy	1921 г.	1 000	12 000	Беженцы из ближайших мест.	Несколько погромов, много жертв.
19.	Смела	1921 г.	350	3 000	Беженцы из ближайших мест	Несколько погромов, несколько жертв.
20.	Городище	Феврале 1921 г.	155	800	Беженцы из м-ка Орловца, сел Валяны, Заводовки и друг.	Несколько погромов, около 400 жертв.
21.	Золотоноша	1920 г.	400	4 000	Беженцы из ближайших мест	Много погромов, много жертв.
22.	Златополь	1920 г.	400	4 000	Беженцы из ближайших мест	Много погромов, много жертв.
23.	Чаповичи	—	150	800	—	Несколько жертв.

V

П Е Р Е Ч Е Н Ь ЭКСПЕДИЦИЙ, СОВЕРШЕННЫХ САМООБОРОНАМИ ПРОТИВ РАЗНЫХ БАНД ЗА МАЙ-СЕНТЯБРЬ 1922 года

ТАРАЩА

По дороге на ст. Ольшаница стали повторяться случаи нападения на пассажиров. С целью поимки бандитов самообороной было предпринято в мае месяце с.г. несколько экспедиций, которые окончились неудачей вследствие очевидно хорошей агентуры у бандитов. Тогда и самооборона из своей среды тоже организовала агентуру, давшую скоро блестящие результаты. После нескольких экспедиций, совершенных на основании агентурных сведений, было поймано 12 бандитов, среди которых было 4 атамана (Танцура и др.). После этого по дороге стало совершенно спокойно.

В первых числах сентября в районе м. Пятигоры, Тараш, уезда появилась банда Ловченко (50 всадников при трех пулеметах), убившая в м. Пятигорах предисполкома и несколько других ответственных работников. Банда намерена была двинуться по направлению: Буховка-Жашков-Станице-Тараша.

Ввиду этого, тарашинская самооборона приняла все соответствующие меры для обороны города. Банда в районе городка не показывалась.

РАКИТИНО

12 мая под начальством начсамообороны г. Прищера, было произведено обследование ольшанского леса «Сустачка», где по агентурным сведениям находилась банда в 12-15 человек, грозящих окрестные села и проезжавших пассажиров.

29 мая ночью на самопункт было произведено нападение со стороны поля, заросшего рожью. Караул самообороны, отстреливаясь в течение 25 минут, отбил нападение.

30 мая в 12 часов ночи в таганческом лесу было произведено нападение на агронома госсахзавода Синявского. Небольшой отряд самообороны в 30 человек был отправлен в лес, где удалось захватить у бандитов ограбленную лошадь и бричку. Банда скрылась.

31 мая произведена экспедиция в Сухонский лес в погоню за бандой. Банда скрылась, но удалось спасти награбленное ею имущество.

14 июня по приказанию начгара, самооборона выслала отряд в 15 человек в таганчский лес, где по указанию крестьян скрывалась банда. Банда не обнаружена.

26 июня по приказанию начгара и комбрига УЗ отряд самообороны в 100 человек совместно с трудовой ротой произвел облаву в прусском и корданском лесах.

24 августа по дороге из Желтой-Церкви в Ракитино, банда с криком бей жидов — спасай Россию избивала и ограбила несколько евреев.

БОГУСЛАВ

Отряд самообороны в течение 1 1/2 месяцев (с начала мая) принимал участие в ликвидации банды Кравченко-Музыки под Таганчей.

30 мая банда произвела нападение на пассажиров по дороге в с. Карапоци. Туда был двинут отряд самообороны. Банда успела скрыться, убив одного еврея-пассажира, награбленные же вещи были найдены в лесу.

28 августа по приказу УВК был вызван отряд самообороны в 20 человек для преследования банды, убившей сотрудника УВК и ограбившей пассажиров по дороге Мионовка-Владиславка. Были отняты все награбленные вещи и задержан 1 бандит.

КОРСУНЬ

Отряд самообороны с первых чисел мая принимал участие в ликви-

дации банды Кравченко-Музыки под Таганчей в течение 5 недель.

СТЕБЛЕВ

Отряд самооборонцев в 30 человек под командой начсамообороны т. Дранова находился под Таганчей в летотряде м. Суручана для борьбы с бандой Кравченко-Музыки.

3 июня 2 самооборонца сопровождали в Богуслав сукно 3-й Государственной судонной фабрики. По дороге они подверглись обстрелу со стороны бандитов. Самооборонцы все время отстреливались благополучно, привезли государственное имущество.

Того же числа бандитами была прорвана проволока телефонной нити между Стеблевым и Богуславом. К месту происшествия были высланы самооборонцы с техникой и телефонная линия была исправлена.

ЧЕХДЕРОВКА

В ночь с 19 на 20 августа пост № 1 подвергся обстрелу бандитов. После перестрелки самооборонцами бандиты скрылись.

ВИНОГРАД

23 июня завволенотделом в сопровождении 6 самооборонцев возил гражданский налог в Звенигородку. Бандиты, пытавшиеся ограбить деньги, были отбиты.

24 июня в 10 часов вечера банда пыталась произвести нападение на заставу самообороны. Взводным подкреплением банда отбита.

В ночь на 9 августа в районе с. Шубино-Става появилась банда, которая направлялась в Холодный Яр.

РЫКАНОВКА

1 июля был отправлен отряд самооборонцев в лес (близ деревни Лиховки) для преследования банды Недбайло, которая ограбила несколько человек.

15 июля по постановлению военсовета, отряд самообороны выступил к границе Уханщины для отражения оперировавшей там банды. Последняя скрылась в Цеховском лесу.

2 сентября в районе местечка были ограблены бандой несколько крестьян, которые заявили об этом в штаб самообороны. По постановлению райвоенсовета отряд самообороны в 20 человек выступил на поимку бандитов. Отряд захватил 2 лошадей и все награбленные вещи. Бандиты успели скрыться.

ЗВЕНИГОРОДКА

16 мая в Губском лесу (Холодный Яр) банда произвела нападение на пассажиров. 8 из них было ранено, остальные все ограблены. Отряд звенигородской самообороны с одной стороны и Мисынской с другой, отправились в Губский лес и прилегающие села для поимки банды. Банду обнаружить не удалось. В лесу было найдено много зерна и вещей, отнятых бандитами у пассажиров.

17 мая в деревне Старой Гуде, недалеко от Губского леса, самообороной было поймано 5 бандитов со знавшими в участии в нападении в Губском лесу.

За последнее время совершено 6 экспедиций и поймано 16 бандитов. Выловлено также около 8-10 воров, среди них 5 бывших милиционеров.

ОЛЬШАНА

В ночь на 8 июня банда в количестве 15 человек, под руководством известного бандита в Черкасском уезде «Тригуба» совершила налет на квартиру предволкомнезама* села Журавки, Ольшанской волости, Звенигородского уезда. Под градом пуль бандитов, предволкомнезаму удалось бежать на лошади в Ольшаны и сообщить об этом в штаб самообороны. Немедленно был отправлен в с. Журавку отряд в 40 человек для поимки этой банды. Следы последней были обнаружены. Банда, преследуемая отрядом самообороны, скрылась в лес, бросив повозку, лошадей и много других вещей, награбленных бандитами у предволкомнезама. Дальнейшее преследование банды, вследствие ...щенности леса и малочисленности отряда не представлялось возможным.

Неизвестной бандой ночью открыта стрельба по штабу самообороны с двух сторон.

КАНЕВ

По приказу начгара была отправлена начальником самообороны разведка из 30 человек для выяснения создавшегося там положения в смысле бандитизма. Отряд этот был оставлен для охраны в Степ. впредь до разрешения организации там самообороны.

* Комнезамы — комитеты незаможных селян (укр.), т.е. бедняков, организации, созданные на Украине на основе декрета ЦИК УССР от 9 мая 1920 г., фактически осуществлявшие власть в украинской деревне. Волкомнезамы, волисполкомы — органы власти в масштабах волости.

27 апреля. На основании полученных сведений, о наличии банды в с. Селище, был отправлен туда отряд самообороны в 15 человек. За полчаса до прибытия отряда банда в 16 человек действительно была в Селище, где она ограбила население, забрав много живого и мертвого инвентаря, и ушла.

VI

Уполномоченных самооборон
Киевской губернии

Д о к л а д н а я з а п и с к а

Ввиду предполагающегося и исходящего расформирования самооборон, обращаем Ваше внимание на следующие обстоятельства:

1). Бандитизм еще окончательно не ликвидирован, что является и поныне угрозой для местечек, особенно ввиду отсутствия постоянных воинских частей и отдаления от железной дороги. Одни только слухи о расформировании уже вызвали оживление бандитизма (появление 14 октября в районе м. Александровки банды Заверюхи, нападение на Городищенский Сахзавод и убийства 2-х служащих. Убийство 12 ноября бандой предсельсовета с.Тараци (возле Стеблева). Того же числа нападение банды на пассажиров по дороге из Богуслава в Шендеровку. Нападение на днях на товарный поезд возле с. Новоселица (... вер. от Екатеринополя). Одновременно с этим ограблением пассажиров в Екатеринопольском лесу и убийства сотрудников Г.П.У. в с. Романовка (5 вер. от Екатеринополя). 18 ноября в с. Цветной (Чигиринского уезда) убито 2 сотрудника Г.П.У. и 1 ранен и т.д.

2). Самообороны и поныне играют незаменимую роль в государственной и хозяйственной жизни местечек и несут караульную службу, это отмечено в прилагаемых при сем отзывах местных парткомов, исполкомов, комнезамов, милиции, пред. и хоз. органов, последние не только констатируют необходимость существования самооборон, но и настойчиво ходатайствуют об оставлении таковых.

Так, например, Богуславский Начездучастка в отзыве своем от 10 октября с.г. заявляет: ввиду отсутствия в уезде воинских частей, самооборона служит единственной вооруженной реальной силой, которую желательно сохранить до полной ликвидации бандитизма в

районе Киевской и Кременчугской губерний.

Или например Шполянский Исполком в своем отношении на имя Звенигородского Усовещания от 20 окт. с.г. пишет: волисполком считает существование самообороны необходимым, так как бандитизм в районе Шполи окончательно не изжит, воинских частей нет, а налеты банд повторяются и, если будет убрана самооборона, то бандиты станут появляться не только в районе, но и в самой Шполе, которая спаслась от набегов лишь только благодаря существованию самообороны.

Или например: Командир «Чон» Чигиринщины в своем отзыве от 20 октября с.г. пишет, что не наступило еще успокоение, что бандитизм развивает еще подпольную и открытую контр-революционную работу на открытой дороге, избивая и убивая советских и партийных работников и подрывая мирную государственно-творческую работу. Полное существование Златопольской самообороны в условиях Чигиринщины своими доблестно-героическими выступлениями вполне оправдывает свое государственное полезное и общественно-необходимое назначение.

3). Ряд местечек возродился и поныне восстанавливается благодаря существующим там самооборонам (Виноград, Лысянка, Степанцы, Мокрая Калигорка, Ставище, Кошеватое, Кагарлык и друг.) и с разоружением или даже значительным сокращением последних начнется повальное бегство еврейского населения в большие города со всеми ужасами беженства.

4). Мы считаем, что в настоящее время особенно в связи с новым районированием уездов может быть речь только о сокращении числа штыков в некоторых более крупных самооборонах, но отнюдь не об их расформировании.

Обращая Ваше внимание на все вышеизложенное настоящим просим в своем постановлении зафиксировать:

1. Что все самообороны в губернии сохраняются.

2. Более крупные самообороны могут быть незначительно сокращены.

3. Самообороны в маленьких местечках ввиду особого их положения в смысле угрожаемости по бандитизму, остаются в прежнем своем количественном составе.

4. Утвердить прилагаемый при сем проект положения о самооборонах.

Уполномоченные Самообороны Киевской губ.

VII

ОБ ОЛЬШАНСКОЙ САМООБОРОНЕ

Выписка из протокола заседания Ольшанского Волвоенсовещания от 28-го сего октября 1922 г. № 66

С л у ш а л и :

1. Информация секретаря Парткома тов. Бурлаки о том, что согласно приказа У.В.С. Ольшанская самооборона расформировывается, который и указал на необходимость оставления хотя бы части охранников для более спокойной и уверенной работы всех учреждений и отдельных лиц так как в районе волости не вполне надежно.

П о с т а н о в и л и :

1. Просить Уездвоенсовещание об оставлении в м. Ольшане 50 человек охранников, по примеру сокращенных самооборон.

Копию сего постановления выдать члену Комитета самообороны тов. Этинзону для надлежащего ходатайства.

Подлинное за надлежащими подписями

С подлинным верно:
Предволисполкома /подпись/
/М.П./ секретарь /подпись/

VIII

Чигиринск. Уезд.
Комитет
Коммунист. Партии
(большевиков)
Украины
Отдел...

15 ноября 1922 г.

№ 275

Каменка, Чигиринск. уезд.

Копия

О САМООБОРОНАХ ЧИГИРИНЩИНЫ

В Киевское Губвоенсовещание

Настоящим Чигиринский Упарком К.П.(б)У. констатирует, что за все время существования Самооборон в Каменке, Александровке и Златополе ими были выполнены разные государственные задания по охране учреждений и выставлению ответственных постов. Благодаря существованию самооборон эти места всегда были обеспечены от бандитских налетов, что дало

возможность как всему населению, так и государственным учреждениям спокойно вести свою работу. Были моменты, когда за уходом воинских частей из уезда, единственной реальной силой, способной во всякое время дать отпор бандитизму — являлись самообороны.

В настоящее время, в связи с расформированием уезда и уходом гражданских и воинских частей можно полагать, что оставшаяся в уезде кучка бандитов, почувствовав в этих районах воинское ослабление, попытаются все свои силы направить на эти места и достаточно будет единичным бандитам, хотя бы и уголовного характера, внести панику и смятение на местное население.

Упарком поэтому считает, что единственной силой, способной охранять спокойствие местного населения и дать возможность оставшимся государственным учреждениям нормально вести свою работу — можно иметь только в лице самооборон.

/М.П./

Секретарь
Чигиринского Упаркома
/подпись/

IX

У.С.С.Р.
Виноградск. Волости
Комнезам
Звенигор. уезда
Ноября 1922 г.
№ 411 В ГУБСОВЕЩАНИЕ
г. Киева

В связи с получением приказа о расформировании Виноградской Самообороны, Волкомнезам чувствуя неминуемую опасность со стороны затаившегося беспощадного бандитизма в течение года существования в Винограде отряда еврейской Самообороны, ходатайствует перед Центральной Организацией власти об оставлении таковой, ибо самооборона является единственной опорой спокойной жизни на месте мирного населения и верным залогом нормальной работы местных органов власти, выполняющих государственные задания. ■

/М.П./

Предволкомнезам
/подпись/
Секретарь
/подпись/

Содержание журнала «Обозрение» №№ 1 — 17

(октябрь 1982 — ноябрь 1985)

Александр Некрич. Обращение к читателю. I — 1. После похорон. II — 1. Как навести «порядок». III — 1. «Философия мира» и задачи советских вооруженных сил. IV — 1. Консолидация власти. V — 1. Вокруг гибели корейского самолета. VI — 1. Время для раздумий. VII — 1. До последнего вздоха... VIII — 1. Школа, армия и «реальный гуманизм». IX — 1. Мужество свободного человека. X — 1. Прошлое и настоящее. XI — 1. На исходе 1984-го. XII — 1. Дозированная ностальгия и политические реальности. XIII — 1. Воспитание историей. XIV — 1. Замкнутый круг. XV — 1. Московские игры. XVI — 1. После встречи в верхах. XVII — 1.

СССР: ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Марк Бейссингер. Экономическая стратегия Андропова и ее ловушки. VII — 4. Необычная чистка. XI — 18. **Михаил Геллер.** Большие ожидания... VII — 12. **Кевин Клоуз.** В сфере Андропова. II — 8. **Марио Корти.** Можно ли доверять Горбачеву? (Глупый вопрос, основанный на банальных размышлениях). XIV — 5. **Владимир Максимов.** Андроповский год. VII — 3. **Томас Генри Ригби.** Первый год Андропова. VII — 10. **Нильс Мортен Удгорд.** Всего двенадцать месяцев. VII — 7. **Марк Фильд.** Рост младенческой смертности в Советском Союзе: действительность и статистика. V — 13. **Стивен Фортеске.** Академия наук — готовность к компромиссу. X — 7.

СССР: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Андрей Амальрик. СССР едва ли вторгнется в Польшу. III — 13. **Ульф Анденес.** Советское вторжение в

Афганистан с точки зрения скандинавов. VIII — 14.

Станислав Варецкий. Пейзаж после битвы. III — 15.

Роберт Г. Вессон. СССР тянется к Латинской Америке. VIII — 3.

Хорхе И. Домингес. Как Фидель Кастро выбрал марксизм-ленинизм. VIII — 7.

Дональд С. Карлейл. Советская Бухара: московская модель для Афганистана? VI — 8.

Станислав Левченко. Советские акции влияния. XVI — 3.

Сенфорд Р. Либерман. Перспективы американо-советских отношений. IX — 3.

Роберт Ф. Миллер. Военное положение в Польше и страны Восточной Европы. VIII — 10.

Незавоеванный Афганистан. VI — 13, VII — 16.

Тереза Раковска-Хармстоун. Социалистический интернационализм: образцы интеграции в советском блоке. X — 11.

Джон Рейли. Советско-американские торговые связи: за и против. XIII — 10.

Дэн Л. Строуд. Перспективы советско-китайских отношений. XIV — 21.

Ребекка Строуд. Стратегия «превосходства обороны» и противоракетное оружие. XIII — 3.

Кэрл Р. Сэйвец. Москва и Дамаск: неспокойный альянс. XIII — 14.

Роберт О. Фридман. Влияние вторжения Израиля в Ливан на ближневосточную политику Советского Союза. IV — 22.

Тадеуш Шафар. Польша: некоторые итоги. IV — 27.

СССР: ЭКОНОМИКА

Марк Бейссингер. Учиться бизнесу у капиталистов — универсальное лекар-

ство или успокаивающее средство? I — 13.

М. С. Бернштам. О расчетах зернового баланса СССР в связи с неурожаями 1981 и 1982 гг. II — 28.

Маршалл Гольдман. Комментарий к статье М. С. Бернштама. II — 31.

Роберт Ф. Миллер. Продовольственная программа КПСС: перспективы. II — 25.

Борис Румер. Об одной экономической диспропорции. X — 3.

Михаил Хенчинский. Заметки о советском военно-промышленном комплексе. III — 11.

СССР: ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Елена Гессен. Как врут календари. XVI — 14.

Дональд С. Карлейл. В поисках пропавшего «медного всадника». IX — 23.

Кирилл Косцинский. Словари русского арго. V — 31. Новый ли это язык? IX — 33.

Владимир Фрумкин. Технология убеждения: заметки о политической песне. V — 17, VI — 23. Не только слово: вслушиваясь в Галича. IX — 15. Раньше мы были марксисты: песенные связи двух социализмов. XVI — 9, XVII — 29.

Диса Хостад. Что будет с «третьей эмиграцией»? IX — 12.

Семен Черток. Киноцензура в СССР. V — 21.

Генрих Шахнович. Новый язык. IX — 31.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Александр Каждан. Размышления об истории. III — 17, IV — 32.

РОССИЯ: ИСТОРИЯ

Михаил Володарский. Русские в Афганистане. VI — 3.

Патрик О'Мира. Рылеев и восстание декабристов. XII — 27, XIII — 28.

Марк Раев. Интеллигенция и кружки в Петербурге в начале XIX века. I — 18.
На пути к революции в России. IV — 30. Влияние западных идей на историю России. XI — 33. О первой русской эмиграции. XVI — 29.
Михаил Семенов. История одного документа. XVI — 34.
Витторио Страда. Смертная казнь и русские революции. XIII — 24, XIV — 25.

СССР: ИСТОРИЯ

Борис Вайль. Драма создателя партии. XI — 28, XII — 25.
Михаил Геллер. Убийство С.М.Кирова: начало «Большого террора». XII — 18.
Валерий Головской. Материалы о цензуре в Смоленском архиве. XVI — 22.
Дональд С.Карлейл. К истории десталинизации в Узбекистане. II — 32.
Владимир Кресин. Уникальная фигура в советской науке (Петр Леонидович Капица). XIV — 29.
Александр Некрич. Ялта — крестины советской империи. XI — 23.
Григорий Рыскин. Ликвидация педологии. III — 21.

НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ

Борис Вайль. Голод 1933 года и советская литература. IV — 35. Жить не по лжи? VII — 28.
Михаил Геллер. Тоска по зоне. II — 4. Сибирь — лагерь — литература. V — 27. Советский колониальный роман. VI — 26.
Александр Гершкович. Последняя роль Владимира Высоцкого. II — 37. Необычное интервью Булата Окуджавы. VIII — 23. Запрещенный спектакль о Высоцком. XVII — 25.
Елена Гессен. Табу и лазейки. II — 35. Феномен Вампилова. III — 23. Иван-дурак, полковник Полковников и евреи в гробах. V — 29. Артур Кестлер — путь Кассандры. VII — 32, VIII — 18. Групповой портрет с диссидентами. X — 29.
Станислав Людкевич. На волне нравственных исканий. I — 15.
Юрий Мамлеев. Возникновение и феномен неконформистской литературы в среде молодежи в 60-е годы. XVI — 17.
Присцилла Мейер. Сказ у Юза Алешковского. X — 32.
Ст. Юрьев. Визит. VI — 35.

ИЗУЧЕНИЕ РОССИИ И СССР

Джозеф Д.Двайер. Гуверовский институт войны, революции и мира. III — 25.
Цугуо Тогава. Славистика в Японии: история, развитие и сегодняшнее состояние. VIII — 26.
Мэри Тоул. Русский исследовательский центр Гарвардского университета. I — 20.

СИЛА И СЛАБОСТЬ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ

Владимир Максимов. В чем сила советской системы. I — 12.
Борис Румер. Уровень непотопляемости. I — 4.
Томас Генри Ригби. Смертельная ли «советская болезнь»? I — 9.
Нильс Мортен Удгорд. Советский Союз: сила, обращающаяся слабостью. I — 7.
Адам Улам. Западные интеллектуалы и советская реальность. I — 2.

ИМПЕРИЯ, НАД КОТОРОЙ НЕ ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ

Абдурахман Авторханов. К итогам «ленинской национальной политики». II — 11.
В.Реймон Данкен. Советский Союз и Латинская Америка. II — 21.
Артур Джей Клингхоффер. Советская политика в Африке: парадокс силы. II — 19.
Герберт Л.Сойер. Недавние события на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива с точки зрения Советского Союза и Америки. II — 16.

СССР и КИТАЙ

Айзек Ашер. Китайско-русские и китайско-советские государственные отношения: истоки и развитие. III — 6.
Стивен И.Левин. К новому равновесию? Некоторые исторические перспективы китайско-советских отношений. III — 3.
С.Т.Лионг. Китайско-советская граница. III — 8.

ГОРОДА И ЛЮДИ

Елена Гессен. Этапы большого пути. IV — 18.
Сидней Монас. Нереальный город: место Санкт-Петербурга в русской культуре. IV — 3.
Патрик О'Мира. Декабрист Павел Пестель: некоторые нерешенные вопросы. IV — 7.
Владимир Паперный. Добро — Зло. IV — 13, V — 24.

СССР: ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Роберт Батхэрст. Каким образом советский надводный военно-морской флот выражает политические намерения. V — 7. Важнейшие данные о Советских Вооруженных Силах (СВС). Справка. V — 10.
Кристофер Джоунз. СССР и Варшавский пакт. V — 4.
Ребекка Строуд. Зачем Советскому Союзу военная мощь? V — 2.

КОММУНИЗМ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Кеннет Келман. Утопия смерти — камбоджийский вариант социализма. X — 20.

Роберт Ф.Миллер. Национализм — опиум для югославской интеллигенции. X — 16.

ДЕМОКРАТИЯ В ДЕЙСТВИИ

Франко Вентури. Демократия в Италии. Заметки историка. XI — 11.
Роберт Вессон. Что означают выборы. XI — 3, 27.
Жан-Франсуа Ревель. Демократии против демократии. XI — 7, 22.

ТЕРРОРИЗМ И БОРЬБА С НИМ

Ирина Илевская-Альберти. Покушение на Папу Иоанна-Павла II и его политическое значение. XII — 4.
Джеймс Берри Мотли. Как США борются с терроризмом. XII — 13.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Елена Гессен. «Если завтра война...» XIV — 17.
Кирилл Косцинский. Комитет 05. (Из фронтовых воспоминаний). XIV — 13. Меняющаяся оценка. (О высадке союзников в Нормандии). XIV — 7.
Семен Черток. Война на экране. XIV — 9, XV — 40.

ПУТИ ЛИТЕРАТУРЫ

Василий Аксенов. В авангарде — без тылов. XV — 4.
Мира Блинкова. Национальная по форме, социалистическая по содержанию. XV — 19.
Валерий Головской. Детище соцреализма — «попсовая литература». XV — 15.
Присцилла Мейер. Набоков: синтез культур. XV — 10.
Сидней Монас. Цензура как образ жизни. XV — 36.
Витторио и Клара Страда. Гамлет Бориса Пастернака. XV — 24.
Дора Штурман. Последняя операция профессора Бенды. XV — 28.

СОЛЖЕНИЦЫН

Михаил Геллер. Вчера и сегодня в «Красном колесе». XVII — 11.
Жорж Нива. Солженицын и мы. XVII — 3.
Никита Струве. «Октябрь Шестнадцатого». XVII — 20.

ИНТЕРВЬЮ

Елена Вайль. Интервью с Юрием Трифоновым (1977 г.). VI — 28.
Наталья Дюжева. Интервью с Полем Анастаси. XIII — 19.
Марио Корти. Интервью с Клэр Стерлинг. XII — 19.
Александр Некрич. В царстве необходимости. Запись беседы с советским гражданином Александровым, решившим остаться на Западе. VII — 38.
СССР и международное коммунистическое движение. Интервью с Бранко Лазичем. IX — 6. «Континенту» — 10

лет. Интервью с главным редактором журнала «Континент» Владимиром Максимовым. X — 25.

ЗАМЕТКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

И.А. Снова Арманд Хаммер. XVI — 39.

Роберт Вессон. Проблески надежды в Сальвадоре. XIII — 31.

Светлана Иванова. Что бы это значило? XII — 31.

Марк Купер. Ленин и Сталин в Горках. Биография фотографии. XIV — 34.

Джин Монэхэн. Впервые в СССР. XII — 32.

Пол Стефен. Роза это роза это чеснок. XVI — 37.

ПО СТРАНИЦАМ САМИЗДАТА

Марио Корти. Самиздатская работа о событиях в Польше. VI — 42.

Иван Мартынов. Открытое письмо в Президиум Академии наук СССР. X — 35.

Новая Гута 80-х годов — окончательный провал коммунистического эксперимента. Вступительная заметка, перевод и примечания Н.Горбаневской. XIII — 33.

КОРОТКО О КНИГАХ

Елена Гессен — Сергей Довлатов. Наши. Е.Г. — Людмила Петрушевская. Три девушки в голубом. **Марк Кучмент — Сергей Поликанов.** Разрыв. Записки атомного физика. VIII — 32. **Яков Барсков — В.О.Ключевский.** Неопубликованные произведения. **Иван Дробот — Ю.В.Келдыш.** История русской музыки. Том 1. **Елена Гессен — Феликс Кандель.** Первый этаж. **Валерий Головской — Klaus Mehnert.** The Russians and their Favorite Books (Кlaus Менерт. Русские и их любимые книги). IX — 36.

Борис Вайль — Людмила Алексеева. История инакомыслия в СССР. Новейший период. **Елена Гессен — Дина Каминская.** Записки адвоката. **Кира Сапгир — Зиновий Зиник.** Русская служба. **Михаил Костин — Karl Schlögel.** Der renitente Held. Arbeiterprotest in der Sowjetunion (Карл Шлегель. Бунтующий герой. Рабочий протест в Советском Союзе). **Karl Schlögel.** Moskau lesen (Карл Шлегель. Читать Москву). X — 38.

Валерий Головской — Михаил Восленский. Номенклатура. **Кэтлин Бэйли — John B.Dunlop.** The Faces of Contemporary Russian Nationalism (Джон Дэнлоп. Лица современного русского национализма). **Елена Гессен — Jean-François Revel.** Comment les democracies finissent (Жан-Франсуа Ревель. Как гибнут демократии). **Кира Сапгир — Эрнст Неизвестный.** Говорит Неизвестный. XI — 38.

Филип Помпер — Norman M.Naimark. Terrorists and Social Democrats (Норман М.Неймарк. Террористы и социал-демократы). **Елена Гессен — Абрам Терп.** Спокойной ночи. **Вячеслав Завалишин — Pavel Filonov.** A Hero and His Fate (Павел Филонов. Мастер и его судьба). **Валерий Головской — Richard H.Shultz and Roy Godson.** Desinformatia. Active Measures in Soviet Strategy (Ричард Шульдц, Рой Годсон. Дезинформация. Активные мероприятия в советской стратегии). XII — 36.

Мира Блинкова — Дора Штурман. Земля за холмом. **Кэтлин Бэйли — Michael Binyon.** Life in Russia (Майкл Биньон. Жизнь в России). **Валерий Головской — Roberta Goren.** The Soviet Union and Terrorism (Роберта Горен. Советский Союз и терроризм). **Михаил Костин — Arkady Shevchenko.** Breaching with Moscow (Аркадий Шевченко. Разрыв с Москвой). XIII — 37. **Юрий Фельштинский — В.М.Бережков.** Страницы дипломатической истории. **Михаил Костин — Юрий Тюрин.** Парад. **Константин Симонов.** Софья Леонидовна. **Поль Анастаси — Яннис Димитриадис.** Советское проникновение в Грецию. XIV — 37.

Марк Раев — Михаил Геллер. Машина и винтики. **Кэролин Джонстон Паунси — Essays in Honor A.A.Zimin** (Сборник эссе памяти Зимины). **Вячеслав Завалишин — Erich Ageland.** Ernst Neizvestny. Life and Creative Work (Эрих Агеланд. Эрнст Неизвестный: жизнь и творчество). XV — 42.

Ида Левина — Наталия Вовси-Михозлс. Мой отец Соломон Михозлс. Воспоминания о жизни и гибели. **Владимир Кресин — Владимир Паперный.** Культура «Два». **Кэтлин Бэйли — Miron Dolot.** Execution by Hunger: the Hidden Holocaust (Мирон Долот. Казнь голодом: скрытый холокост). XVI — 40. **А.Некрич — Мартин Маля.** К пониманию русской революции. Пер. с фр. Е.С.Терновского. XVII — 32. **Ирина Муравьева.** В.Г.Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917-1921. Биографическая хроника. Составил П.И.Негретов. Под редакцией А.В.Храбровицкого. XVII — 33. **Валерий Головской.** Donald Shanor. Behind the Lines. The Private War against Soviet Censorship (Дональд Шэнор. За линией фронта. Индивидуальная борьба с советской цензурой). XVII — 34. **Елена Гессен.** Валентин Распутин. Пожар. — «Наш современник», 1985, № 8. XVII — 34.

ДОКУМЕНТЫ

Допрос генерал-лейтенанта М.Ф.Лукина. (Из архивов нацистской Германии). Публикация и комментарий Д.Поспеловского. I — 23.

Депортация советских граждан — турок, греков, иранцев и армян по происхождению — с Кавказа в 1949 году. II — 7, 10.

Меморандум Аверелла Гарримана и Джорджа Кеннана о перспективах использования атомной энергии Советским Союзом (1945 год). III — 28.

Встреча примаса Польши архиепископа Глемпа со священником Варшавской архиепархии 7 декабря 1982 года. Перевод Н.Горбаневской. III — 30. Посещение Исайей Берлиным Ленинграда в 1945 году. IV — 37.

Статья из «Правды» и письмо «рабочего Ф.Федотова» (март 1923 года). V — 33.

Американец в Советской России. V — 35.

Басмаческий фронт. Публикация Бориса Румера. VI — 44.

Обращение Комитета спасения советских пленных в Афганистане. VI — 46. Документы, захваченные на острове Гренада. VIII — 34.

Установление дипломатических отношений между США и СССР. IX — 39. Из архива Л.Д.Троцкого. Завещание Ленина. Публикация Ю.Фельштинского. X — 41, XI — 41.

Из архива Л.Д.Троцкого. Покушение 24-го мая. Предисловие и публикация Ю.Фельштинского. XII — 39.

Протокол одного заседания. Вступительная заметка, публикация и примечания В.Головского. XIII — 42.

Немецкие документы о советско-нацистском сотрудничестве. Предисловие и публикация М.Володарского и Х.Левуша. XIV — 41.

Дело Л.Мартова в революционном трибунале. Публикация Ю.Фельштинского. XV — 45, XVI — 43.

Отряды еврейской самообороны на Украине в начале 20-х годов. Вступительная статья и публикация Х.Левуша. XVII — 36.

ПОЧТИ ЧТО ЮМОР

(Раздел ведет Борис Вайль)

I — 6. II — 27. III — 2, 20. V — 16. VII — 6, 22, 25, 38. IX — 11, 22. X — 15, 19, 31. XI — 17, 40. XII — 17, 24, 35. XIII — 18, 40. XIV — 16, 20. XV — 39, 41. XVI — 16, 21, 42. XVII — 31, 37.

ПО СТОЛБЦАМ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

IV — 26. V — 20. VIII — 31. IX — 38, 46. X — 24, 37, 40. XI — 37. XIII — 9. XVI — 8.

Советская пресса об Афганистане. VI — 39.

«Отреставрировано. А дальше?». VI — 41.

Памяти Кирилла Владимировича Успенского. XIII — 41. ■

Sommaire

Alexandre Nekritch. Après la sommet.

Dans son éditorial, le rédacteur d'Obozrenie analyse les conséquences de la rencontre de Genève et les répercussions qu'elle peut avoir sur la situation en URSS.

George Nivat. Soljénitsyne et nous.

L'accueil réservé au «phénomène Soljénitsyne» en Occident fut dès le départ assez complexe. Le professeur français Georges Nivat analyse les raisons de la méfiance et des préjugés parfois évidents dans l'appréciation de l'œuvre de Soljénitsyne. Il invite ses collègues occidentaux à être plus attentifs et plus sensibles dans leurs études des romans polyphoniques et des manifestations de la pensée de Soljénitsyne.

Michel Heller. Le passé et le présent dans «La roue rouge» d'Alexandre Soljénitsyne.

«La roue rouge» d'Alexandre Soljénitsyne constitue un modèle d'un genre nouveau, tout à fait particulier. Dans son article Michel Heller analyse les caractéristiques de ce genre, met en relief les qualités littéraires des romans de Soljénitsyne, souligne le lien organique qui rattache «La roue rouge» à ses autres œuvres. Les conceptions historiques de l'écrivain font l'objet d'une étude approfondie.

Nikita Struve. «Octobre 1916»*.

L'auteur place «Octobre 1916» (la dernière œuvre parue en langues occidentales) de Soljénitsyne, dans la tradition du roman historiosophique (Scott, Pouchkine, Tolstoï) et montre que le «second nœud» sans héros donne une fresque sans précédent par sa précision historique et par ses qualités littéraires de la Russie au seuil de la Révolution.

* Afin d'éviter des malentendus qui pourraient surgir à cause de l'usage du calendrier julien dans l'original russe, le titre de la dernière œuvre parue de Soljénitsyne dans toutes les traductions occidentales a été changé: «Novembre 16» au lieu d'«Octobre 16».

Alexandre Guerchkovitch. Un spectacle sur Vyssotski interdit par la censure.

Après la mort de Vladimir Vyssotski, acteur et barde, ses collègues du théâtre de la Taganka ont préparé pendant toute une année un spectacle consacré à son œuvre. Le spectacle fut interdit par les autorités au bout de quelques répétitions. Cet article en donne un compte-rendu détaillé.

Vladimir Froumkine. Autrefois nous étions des marxistes. Le «Patrimoine-chanson» commun aux deux socialismes.

Les mélodies et chants révolutionnaires russes occupaient une place importante dans l'arsenal de chants du national-socialisme allemand. L'analyse des similitudes rythmiques et d'intonation constatées dans les chants fascistes et soviétiques permet à l'auteur de conclure à des analogies plus profondes entre les deux idéologies totalitaires. Fin d'article dont le début a paru dans le No. 16.

Revue des livres.

Cette rubrique regroupe les comptes-rendus des livres suivants: «K ponimaniyu rousskoï revolioutsii» (Pour comprendre la révolution russe) de Martin Maliya; «Pojar» (L'incendie) de Valentin Raspoutine; «V.G.Korolenko v gody revolioutsii i grazhdanskoi voiny 1917-21. Biograficheskaya khronika» (V.G.Korolenko pendant la Révolution et la guerre civile 1917-21. Chronique biographique); «Behind the lines. The private war against Soviet censorship» (Entre les lignes. Le combat individuel mené contre la censure soviétique) de Donald Shanor.

Documents.

Dans cette rubrique sont publiés des documents relatifs aux pogroms en Ukraine pendant la guerre civile, à l'organisation et à l'activité de détachements d'autodéfense juive au début des années 20. Avant-propos, notes et publication de X.Levouch.

Sommaire de la revue Obozrenie pour les Nos. 1 à 17 (Octobre 1982 — Novembre 1985).

Summary

Aleksandr Nekrich. After the Summit.

The editor of Obozrenie examines the consequences of the Summit meeting in Geneva and its influence on the situation in the USSR.

George Nivat. Solzhenitsyn and Us.

Understanding of the «phenomenon of Solzhenitsyn» in the West has always been complex. The French scholar examines the reasons for the suspicious and at times biased view of Solzhenitsyn's work. He calls on his western colleagues to be more attentive to the many levels of meaning in Solzhenitsyn's novels and to his statements on current issues.

Michael Heller. Yesterday and Today in The Red Wheel by A.Solzhenitsyn.

The Red Wheel by Solzhenitsyn represents a certain new genre. Heller examines the characteristics of this genre, discusses the artistic elements of his novels, and shows the organic ties of The Red Wheel with Solzhenitsyn's other works. Particular attention is paid to the author's vision of history.

Nikita Struve. «October 1916»*

The author places Solzhenitsyn's latest work «October 1916» in the tradition of the historiosophical novel (Scott, Pushkin, Tolstoy) and shows that this «second knot» (without hero), thanks to its historical accuracy and its literary value offers us an unprecedented panorama of prerevolutionary Russia.

* To avoid possible misunderstandings caused by the use in the Russian original of the Old Style Calendar, the title of Solzhenitsyn's new novel in all Western translations has been changed from «October 1916» to «November 1916».

Alexander Gershkovich. A Forbidden Production on Vysotsky.

During the year after the death of the actor and bard Vladimir Vysotsky, his colleagues at the Taganka theater worked on a memorial play dedicated to his art. After several rehearsals the play was banned by the authorities. The article contains a detailed description of this production.

Vladimir Frumkin. We Used to be Marxists: ties between the songs of two socialismes.

In the arsenal of songs of German national socialism, Russian revolutionary songs and melodies occupied an important place. Examining the rhythmic and intonational similarities in fascist and Soviet songs, the author sees profound analogies between the two totalitarian ideologies. Continued from Obozrenie, No. 15.

Short Book Reviews.

In this section the following books are reviewed: Martin Maliya, «K ponimaniyu russkoi revoliutsii» (Towards Understanding the Russian Revolution); Valentin Rasputin, «Pozhar» (Fire); «V.G.Korolenko v gody revoliutsii i Grazhdanskoi voiny 1917-1921. Biograficheskaya khronika» (V.G.Korolenko during the Years of the Revolution and the Civil War 1917-1921. Biographic Chronicle); Donald Shanor, Behind the Lines. The Private War Against Soviet Censorship.

Documents.

This section contains documents related to Jewish pogroms in the Ukraine during the years of the Civil War and materials on the organization and activities of Jewish self-defense detachments at the beginning of the 20's. Introductory article, preparation for publication and annotations by H.Levush.

Contents of the journal «Obozrenie» Nos. 1-17 (October 1982 — November 1985).

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Некрич — После встречи в верхах.....	1
--	---

СОЛЖЕНИЦЫН

Жорж Нива — Солженицын и мы.....	3
Михаил Геллер — Вчера и сегодня в «Красном колесе» А.Солженицына	11
Никита Струве — «Октябрь Шестнадцатого».....	20

СССР: ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Александр Гершкович — Запрещенный спектакль о Высоцком.....	25
Владимир Фрумкин — Раньше мы были марксисты: песенные связи двух социализмов (окончание).....	29

КОРОТКО О КНИГАХ

А.Некрич — Мартин Малия. К пониманию русской революции.....	32
Ирина Муравьева — В.Г.Короленко в годы революции и Гражданской войны. 1917-1921. Биографическая хроника.....	33
Валерий Головской — Donald Shanor. Behind the Lines. The Private War against Soviet Censorship.....	34
Елена Гессен — Валентин Распутин. Пожар.....	34

ДОКУМЕНТЫ

Отряды еврейской самообороны на Украине в начале 20-х годов. Вступительная статья, публикация и примечания Х.Левуша.....	36
П о ч т и ч т о ю м о р.....	31, 35
Содержание журнала «Обозрение» №№ 1-17 (октябрь 1982 — ноябрь 1985).....	45
SOMMAIRE.....	48
SUMMARY.....	48

«ОБОЗРЕНИЕ»

Аналитический журнал газеты «Русская Мысль» (Париж)

Выходит 6 раз в год

Редактор Александр НЕКРИЧ

Supplément au journal « La Pensée Russe » N° 3599

Directeur responsable R. Gallouin

Commission paritaire N° 58334

«OBOZRENIE»

Revue analytique publiée par l'hebdomadaire «La Pensée Russe» (Paris)

6 numeros par an

Redacteur en chef Alexandre NEKRITCH

«OBOZRENIE»

Analytic journal published by «Russkaja Mysl» (Paris)

6 issues per year

Chief Editor Aleksandr NEKRICH

Copyright «Russkaja mysl» (Paris) 1985.

Обложка и рисунки Олега Антропова

Подготовка рукописей к печати и перевод иноязычных материалов Елены Гессен

Номер готовили:

Наборщик Соня Сорокина.

Корректор Майя Муравник.

Метранпаж Виктор Сорокин.